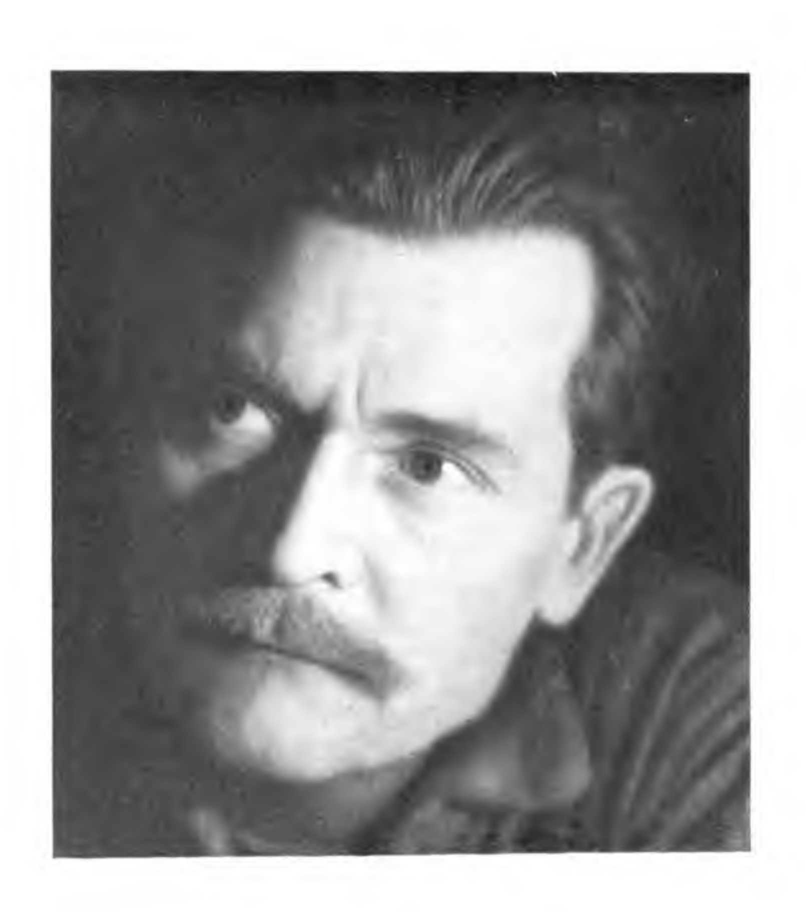
1

ИХЛ

АЛЕКСАНДР ЯШИН

Избранные произведения

в двух томах

*

Москва
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1972

АЛЕКСАНДР ЯШИН

Избранные произведения

том первый

СТИХИ

Москва
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1972

Вступительная статья
К. СИМОНОВА

Художник
Н. КРЫЛОВ

7-4-2
83—72

ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЯШИНЕ

Бывает так, что знаешь человека много лет, почти целую жизнь, а какие-то последние штрихи, завершающие для тебя его облик, входят в сознание уже тогда, когда его не стало.

Так вышло и со мной. Лишь побывав в этом году на родине Александра Яковлевича Яшина, на Вологодчине, увидев ее северную неповторимую красоту, поездив по ее дорогам, пройдя из конца в конец по той улице в Вологде, которая названа теперь именем Яшина, и не один раз поговорив о нем с его земляками, для которых он не только хорошо знакомый, любимый ими и недавно ушедший из жизни человек, но уже и часть истории их края,— лишь после всего этого облик Яшина дорисовался в моем сознании.

Раньше мне не хватало того ощущения масштаба, которое возникает, когда вдруг взглянешь на жизнь человека и на дела, сделанные им при жизни издали, а не впритык, как смотрел до этого. Наверно, мне, никогда не видевшему Яшина там, у него на родине, на Вологодчине, не хватало полного понимания всей силы связей его с родной ему землей, с ее старым и новым, с ее испытаниями, печалями и радостями.

О силе этих связей с удивительной откровенностью и мудрой простотой сказал сам Яшин, говоря о духовных отношениях с собственными детьми в рассказе «Угощаю рябиной»:

«...дело в том, что я не просто выходец из деревни, из хвойной глухомани,— а я есть сын крестьянина, они же понятия не имеют, что значит быть сыном крестьянина. Поди втолкуй им, что жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам — и мне трудно. Хорошо у них идут дела — и мне легко живется и пишется. Меня касается все, что делается на той земле, на которой я не одну тропку босыми пятками выбил на полях, которые еще плугом пахал; на пожнях, которые исходил с косой и где метал сено в стога. Всей кожей своей я чувствую и жду, когда освободится эта земля из-под снега, и мне не все равно, чем засеют ее в нынешнем году и какой она даст урожай...»

Эти слова, взятые из одного из самых замечательных рассказов Яшина «Угощаю рябиной», можно было бы поставить эпиграфом к его посмертному двухтомнику, равно и к стихам и к прозе. Хотя Яшин двадцати одного года от роду уехал учиться и работать в Москву и многие годы жил там, четыре долгие года провел на войне, а все-таки вдали от своего родного края он нравственно частью своей души всегда продолжал жить там, на Вологодчине. И это обнаружит всякий, кто будет читать его стихи и прозу, написанные в разные годы жизни, в том числе и в годы войны.

В молодости мы с Александром Яшиным вместе учились в Литературном институте имени Горького, который назывался тогда Вечерним рабочим литературным университетом и соответствовал своему тогдашнему названию. Все, кто учились в нем по вечерам,— днем работали. Работал и Яшин — на ткацкой фабрике заместителем редактора многотиражки.

Наши ровесники обычно, если мы не разлучаемся с ними на много лет, взрослеют и старятся незаметно для нас. И хотя, конечно, годы переменили Яшина, но в моей памяти он и до сих пор все еще остается тем молодым человеком середины тридцатых годов, каким я видел его в период наших занятий в Литературном институте. Он был высок, строен, крепко сшит, с рыжеватыми прямыми, падавшими на лоб волосами, с серьезным, редко улыбающимся лицом. На нем вообще лежала печать серьезности, уверенности в себе, печать той внутренней душевной работы, которая совершалась в нем. Он много думал и мало говорил. Тогда, в молодые годы, он казался старше своих лет и, наоборот, на шестом десятке, в последние годы своей жизни казался моложе своих лет. Цельность натуры и внутренняя сила, несмотря на тяжелые недуги, почти до самого конца жизни помогали ему сохранять в своем облике что-то неменяющееся, что-то навсегда связанное с тем строгим и серьезным юношей, каким мы впервые увидели его в Москве три с половиной десятка лет тому назад.

Вспоминаю те первые семинары в Литературном институте, на которых Яшин читал вслух со своим глуховатым вологодским оканьем те самые стихи, которыми сейчас открывается его посмертный двухтомник — «Вологда», «Олена»...

И по сей день звучит в моих ушах этот окающий голос, серьезный, строгий и в то же время с внутренней смешинкой, с затаенным, глубоко спрятанным озорством, которое тоже было смолоду и до зрелых лет свойством его натуры.

Стихи были уже тогда — мастерские, с инструментовкой на «о», с озорным и метким использованием окающего вологодского говора. Не просто в чтении, а в самом тексте стихов. Помню, что тогда по первому впечатлению это казалось нам, ровесникам Яшина, чуть

ли не самым примечательным в его стихах и лишь потом стало понятно, что инструментовка стихов лишь самое первое, самое очевидное, бросающееся в глаза выражение привязанности к родным местам, душевной неотделимости от них.

Но чем дальше, тем все ясней становилось, что эта неотделимость имеет куда более глубокий, коренной характер, что эта неотделимость составляет содержание стихов, что это не их внешность, а сама их строчечная суть.

Это с большой силой почувствовалось потом и в предвоенной поэме Яшина «Мать и сын», и в его стихах военного времени.

Кто из нас в годы войны не испытал с особенной остротой чувства любви к своей подвергшейся жесточайшему испытанию родине? Кто из нас не писал в те годы стихов об этом? Писал их и Яшин. Но в его стихах о родине, написанных в военные годы, есть свой неповторимый оттенок. Его родина в этих стихах — именно Вологодчина, именно его собственные родные места. Именно через свою сыновнюю привязанность к ним он поэтически ощущал всю русскую землю, всю Советскую страну.

Думаю, что в его окончательном становлении как поэта и как прозаика большую роль сыграла война. Разным писателям достались на войне разные судьбы. Те из писателей, которые не искали в трудные для родины годы легкой жизни — а таких было огромное большинство,— не выбирали, что им делать на войне. Они оказывались там, куда их послали, и делали то, что выпало на их долю. Об этом очень хорошо и очень просто сказал тогда же, во время войны, Михаил Исаковский:

И что положено кому —
Пусть каждый совершит...

Вышло так, что Александр Яшин сравнительно мало печатался тогда в центральных газетах и журналах, а нес свою службу военного корреспондента во флотской печати. Там же главным образом печатались и его стихи. Но к концу войны за его плечами был осажденный Ленинград, морская пехота, Волжская военная флотилия, Сталинград, бои на Черноморье. Он вступил в партию накануне войны и прошел ее трудными дорогами как военный газетчик и флотский политработник. Его военную биографию можно проследить по его стихам военных лет. А то, что он вынес из войны, легко почувствовать во всем его послевоенном творчестве. Он пришел на войну далеко не мальчиком, но вышел из нее вполне зрелым человеком, и дальнейший путь его как поэта и как прозаика — это путь человека, хорошо знающего глубину тех проблем, о которых он пишет, и не желающего всплывать на поверхность, искать мелководье или мелкотемье, жить полегче и попроще. От соблазнов подобного

рода он и в стихах и в прозе уклонялся с завидной последовательностью и цельностью. И хотя в его стихах послевоенных лет часто встречаешь улыбку, но почти всегда этой улыбкой освещены серьезные мысли о серьезных вещах.

В двухтомник входят стихи из многих книг, написанных на протяжении тридцати семи лет. Тридцать семь лет — целая жизнь, и как поэт Яшин вошел в пору зрелости уже давно, много лет, или, если можно так выразиться, много книг тому назад.

Прозаиком он стал позже. Первые его рассказы из полного поэзии цикла «Вместе с Пришвиным» датированы шестидесятыми годами, временем, когда Яшин приближался к пятидесятилетию. Обычно, когда поэт берется за прозу не походя, а с сознанием важности для себя той новой дороги, на которую он выходит,— уже первые прозаические опыты бывают отмечены печатью серьезности и той дисциплины слова, которую дает предварительная школа стихотворства.

Едва начав писать прозу, Яшин сразу заявил себя мастером. О его прозе немало спорили. Пожалуй, особенно много о «Вологодских свадьбах». Видели в них недостатки и оплошности, порой действительные, порой мнимые. Но все это не отменяло главного — ощущения той глубокой любви к жизни и к людям, которой дышала эта проза.

Почти вся проза Яшина, за исключением нескольких рассказов и повести «Сирота», написана от первого лица. И думается, это не потому, что Яшин как поэт по преимуществу — лирик и лирический опыт уже стоял за его плечами к тому времени, когда он взялся за прозу. А потому, что с течением лет он стал испытывать необходимость рассказать о собственных переживаниях и собственных встречах с людьми и с природой не только стихами, но и както по-другому, более прямо, обширно, непосредственно. И в этом смысле его проза — и продолжение прежних стихов, и соседка новых.

Двухтомник, где присутствуют и стихи и проза Александра Яшина, а в самой прозе соседствуют такие разные, в разное время написанные вещи, как «Сладкий остров», «Вологодская свадьба», «Сирота» или «Угощаю рябиной», позволяет нам увидеть все вместе, в естественном соседстве, где рядом с еще не желающим умирать старым растет новое, где в быту переплетается уродливое и прекрасное, где есть и свет и тени, а сквозь все звучит высокая чистая нота авторского голоса, полного любви к природе и к людям своего родного края — любви жизнеутверждающей и непримиримой ко всему, что то там, то тут еще продолжает уродовать и человеческую жизнь, и красоту природы. Настоящая, сильная любовь не обтекаема, а угловата. Об нее порой можно и ушибиться, но только такая любовь учит человека быть человеком и, свято веря в победу добра

над злом, именно в силу этой веры никогда не проходить равнодушно мимо зла, большого или малого.

Александр Яшин и сам был таким человеком. Таков и лирический герой его поэзии и прозы. Из такого же теста слеплен и Шурка из повести «Сирота», при всей особости его судьбы чем-то самым главным в своей натуре напоминающий мне самого Яшина.

Я последний раз видел Александра Яковлевича Яшина в больнице незадолго до его смерти. Болезнь измучила его, но он говорил не о болезни, а о том, как много недоделано, как хотелось бы успеть еще поработать, сделать еще что-то необходимое людям. Он не мог не думать о смерти, но говорил о жизни и работе со страстью человека, которому жизнь нужна прежде всего — для работы.

Впрочем, лучше всех сказал об этом он сам незадолго до смерти, накануне тяжелой операции, отвечая на анкету о народности поэзии, о ее национальных и классических традициях.

«Работа ума прибавляет!» — говорится в народе. Писать надо, друзья мои! Писать о том, о чем хочется и как хочется, и только так писать, как можно полнее. Высказывать себя, свое представление о жизни, свое понимание ее и, конечно, как можно правдивее — правдивее настолько, насколько позволяют собственный характер и уважение к своему человеческому достоинству. Лишь в этом случае можно быть счастливым и достичь в литературе чего-то своего, не изменив ее великим традициям. Только такая работа будет и партийной и народной».

Этими собственными словами Александра Яшина, мне кажется, уместнее всего закончить мое короткое предисловие к его посмертному двухтомнику.

Константин Симонов

НЕМНОГО О СЕБЕ

Родился я в 1913 году в деревне Блудново, Никольского района, Вологодской области. Отца своего не помню, он погиб в первую мировую войну. Семья наша постоянно бедствовала, и мне рано пришлось начать работать в полную силу.

Вероятно, для каждого любимые с детства места представляются неповторимыми. Но думается, что в отношении наших вологодских и архангельских лесов это не просто игра воображения. Таинственные волока, медвежьи буераки, жизнь среди охотников и звероловов таили в себе для детского возраста столько прелести, что, может быть, поэтому я склонен вспоминать из той поры больше хорошее, чем плохое и жестокое.

Летними вечерами в мою родную деревню нередко вместе с коровами заходили с выгона лоси. И, кажется, нигде на свете не было такого множества грибов, ягод и таких прозрачных родников с живой водой (конечно, с живой!), как у нас.

Новое и старое, самобытное, как бы сплелось у нас в затейливые кружевные узоры. Рядом с колхозными электростанциями стоят еще деревянные шатровые церкви, а в Тарногском районе женщины и по сей день носят расшитые бисером кокошники.

К северу от Вологды что ни район, то свой, особый говорок.

Поныне живет в наших местах неистребимая любовь к былинам и сказкам. В полях, на дальних сенокосах, в охотничьих избушках и на лесосплаве — нигде отдых не проходит без сказок.

Сказочные сюжеты воспринимались мною с детства как что-то очень близкое, обжитое, свое. И стихи складывать я начал очень рано. Помню свою первую ученическую поэму «Про Арсеню-батрака», про то, как он «за осьминку табака робил год у кулака». Все, о чем рассказывалось в поэме, было правдой, и крестьяне, пожилые и молодежь, нередко заставляли меня читать вслух эту «складную бывальщину». Им, тогда в большинстве неграмотным, казалось удивительным, что не только про Илью Муромца и Алешу Поповича, но

и про Арсеню-батрака, про свое близкое, житейское могут быть сложены стихи.

Печатать мои стихотворения начали в 1928—1929 годах в районной газете «Никольский коммунар» и в газетах Великого Устюга — «Ленинская смена», «Советская мысль» и «Северные огни». Несколько стихотворений было напечатано в московском журнале «Колхозник». Непосредственное участие в организации и укреплении колхозов надолго определило мою основную литературную тему.

По окончании семилетки и Никольского педтехникума я был сельским учителем в Чебсарском районе Вологодской области. В 1932 году при Вологодском пединституте сдал экзамены на звание преподавателя литературы и русского языка неполной средней школы. В этом же году в Вологде был создан Оргкомитет Союза советских писателей,— я стал его председателем.

Позднее меня перевели на работу в Архангельск, в Северное отделение Союза советских писателей. Там, в Архангельске, в 1934 году вышла первая моя книжка стихов «Песни Северу».

Становление литератора — процесс трудный и длительный. Немало лет проходит со дня опубликования в периодике стихов молодого поэта до появления его первой книги. А на поверку нередко оказывается, что эта первая книга — лишь проба пера. Именно это я почувствовал применительно к себе, когда участвовал в работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей, и поэтому переехал из Архангельска в Москву и поступил в Литературный институт. Учился и одновременно работал заместителем редактора газеты ткацкой фабрики имени Маркова и печататься снова начал лишь спустя три года.

В первые дни Великой Отечественной войны я был принят в члены Коммунистической партии Советского Союза. Получая партийный билет, я уже имел направление на Ленинградский фронт.

В войну был вместе с моряками в батальонах морской пехоты Балтики, на кораблях Волжской военной флотилии под Сталинградом и на Черноморском флоте то в качестве редактора краснофлотской газеты, то политработником. Много писал очерков, заметок, стихов, рассказов. Довелось принимать и непосредственное участие в боях. В осажденном Ленинграде некоторое время работал в составе оперативной группы писателей при Политуправлении Балтфлота, которую возглавлял Всеволод Вишневский.

Первая моя московская книга «Северянка» была издана Гослитиздатом в 1938 году. Через два года в том же издательстве вышла поэма «Мать» (в новом варианте «Мать и сын»). С той поры я опубликовал немало сборников стихов и поэм. Среди них «Земля богатырей», «Земляки», поэма «Алена Фомина», «Советский человек», «Свежий хлеб» и другие.

После войны я много ездил по стране, подолгу жил в колхозах Севера, на новостройках — Волго-Доне, Куйбышевской и Сталинградской ГЭС. Был на целинных землях Алтая, учился на курсах трактористов в Благовещенской школе механизации сельского хозяйства. Кое-что из пережитого нашло свое отражение в стихах.

Для писателя естественно желание видеть как можно больше, всегда быть вместе с народом и в меру сил содействовать его великим свершениям.

1958 *Александр Яшин*

Присказки

1931–1940

ЛЕНОК

Еще травы сверкали росой —
Я ходила своей полосой,
Полосой из конца да в конец.
Уж я сеяла лен-долгунец.

Лег пунцовой косынкой восход
На родной голубой небосвод,
Долговязыми тенями — в лог...
Ты удайся, удайся, ленок!

Поздней осенью вызрел мой лен,
Но не чист, не богат, не длинен,
И в дождливый, в ненастный денек
Я одна теребила ленок.

Расстилала его по лугам,
По зеленым речным берегам,
Чтоб лежал, чтобы мок-перемок.
И трепала, чесала ленок...

И болели и грудь и спина.
Я согнулась от белого льна.
А зимою коптил фитилек,
Уж пряла я, пряла свой ленок.

И потом, набелив волокно,
До весны я ткала полотно.
Все как сон — не проснешься никак...

Нет,
Было так!

Выспели да выстояли золотые льны,
Желтые от солнца, высоки, шумны.

Семя в забубенчиках на ветру звенит...
Наступили страдные,
Но какие дни!
Прямо через гумна да по полосам
Вышла за деревню
Деревня вся.

Лен заводу сдали,
И в конце зимы
Ткани из Красавина получили мы,
Шитые обновы —
Сколько ясных роз!
Солнце не сжигает их,
Не берет мороз.
А какие шали —
Жарки и легки!
Что за полушалки,
Что за фартуки!

1931

ВОЛОГДА

1

«Ты проедешь волок, еще волок да
Еще волок —
Будет город Вологда.

Как подъедешь ты ко городу ко Вологде,
Где хотел царь Грозной править-володеть,
По постоям не ходи, а правь по площади
По базарной, где в продаже скот и лошади,
Где воза с ржаной соломой и сенцом стоят,
Где водой проточной бабы скот поят.
Проезжай, где горы лому, горы хворосту,
По-над речкой Золотухой прямо по мосту
По сосновому, еловому, по шаткому
Со своим конем соловым, со лошадкою.
Про Овдотью Олексеевну выспрашивай,
Все укажут, где хоромы охрой крашены.
В кружева ее хоромы вплетены,
У светелки окна в прошвах платяных.
Старопрежняя Овдотья у окна.
Мастерица-рукодельница она.
Всяку всячину коклюшками плетет:
Косорядку, пучеглазку, волчий рот...
Пусть припомнит, как по утру, по росе
Мы с ней путали-мотали валансьен.
Расскажи ты ей, Овдотье Олексеевне,
Как живем мы здесь в колхозе, что посеяли.
Мол, пшеницу мы посеяли на севере,
Хорошо живем, мол, нонче Олексеевна.

И про сына моего скажи, что знатен он...
Как живет дочурка ваша, кстати, мол?
Что хвальба, мол, это, да не похвальба,
Передай Овдотьюшке поклон от баб...»

2

Словно из-за моря, воротился
Из родимой Вологды сосед.
День за днем конца рассказам нет:
— Город изменился,
Обновился
За пять лет, как будто за сто лет.

Евдокия ходит в белой блузе,
Строгая от счастья и забот,
Кадры мастериц в кружевсоюзе
Обучает.
А уж как живет!

Говорит: «Была не в чине долго,
А теперь вот — на большом счету:
Завела сношенья со Внешторгом,
Новую тематику плету».

Я и дочку повидал.
У Насти,
Прямо скажем, недоступный вид.
Говорит: на льнозаводе мастер.
А еще учиться норовит.

Что ей старопрежняя недоля!
На закате, перестав летать,
Прямо с неба к ней приходит дроля,
До смерти готов зацеловать.

Сыну твоему привет велела
Передать:
«Владимиру — салют!»

Вологда теперь разбогатела,
Вологжане, брат, взялись за дело,
Только окать не перестают.

1935—1936

ОЛЕНА

Что ни праздник,— на угоре
Все девчата наши в сборе.

Во наряды выряжены,
Парни с ними выдержанны.
Все достатки,
Все порядки
В этом выражены.

Ходят пары честь по чести,
Разговорчивые.
Городские в моде вести.
Женихи форсят: невесты
Разборчивые.

Только ахнет баян —
И Олена пляшет,
Улыбается подругам
Да платочком машет.

У Олены сарафан
Всех нарядней, краше.
Для нее поет баян,
Про нее поет баян,
Про Олену нашу.

У Олены кофта — сад,
Пуговки — росинки,
Бусы — ягоды висят,
Зреют бисеринки.

До земли свисает шаль,
Шелковые кисти.
Поглядишь — горит душа:

Очень девка хороша,
Статна, голосиста!

Приезжал один ученый
Из района.
Приглянулася ученому
Олена.

Говорит: — Нарядный вид!
Бойко пляшет.
Сарафан-то,— говорит,—
Знать, мамашин!

Достоянье старины,
Бисер-жито.
Старый Север! — говорит,—
Интересный,— говорит,—
Пережиток.

А ему Олена прямо
И сердито:
— Перестаньте, гражданин,
Городить-то!

В старопрежнее-то время
И на свадьбе
Мне бы в этаком наряде
Не гулять бы.

Не гадала мама видеть
В нем и внучек.
И чему таких ученых
Только учат?!

Так отрезала ему
Складно да ладно...

Мы-то знаем, почему
Олена нарядна!

1936

* * *

Шла я нынче за́имкой,
На снега глядела:
Сколько за ночь заинька
Вывертов наделал.

У плетня у каждого,
С умыслом ли, нет ли,
Елочки обхаживал,
Затягивал петли.

А местами пустится
Через пни и кочки:
От куста до кустика
По четыре точки.

С милым я измучилась,
Слушала весь вечер:
До чего ж закручены
У милого речи!

Просто заливается,—
До того хлопочет.
А о чем старается?..
А чего он хочет?..

Я сноровку дикую,
Заячью-то знаю,
Знаю, когда прыгают,
А когда петляют.

1936

* * *

Слова-то красивого
Не подыщешь наскоро.
Как назвать мне милого
Задушевно, ласково,
Чтобы всем понравилось,
Чтобы в песню ставилось,
Чтоб любого проняло,
Пело б имя до неба?
Ведь не для кого-нибудь
И дает не кто-нибудь.

Что там ни загадывай —
Лучше нету пары мне.
Приголубить надо бы,
А слова все старые.

Назову ль соколиком?
Ненаглядой?
Ягодой?
Ласково, но только
Не такое надо бы.

Долей облюбованной?
Светиком?
Касатиком?
Тоже не по-новому,
Не его касательно.

Дролечкой?
Державушкой?
Золотком? Все дешево:
Не такая славушка
У мово хорошего.

Девушек поспрашивать бы,—
Может, у подруженек
Имя подходящее
Найдено для суженых.

Или лучше вечером
На кругу с баянами
Подойти доверчиво
К самому желанному,
Прямо в сердце светлое
Стукнуться отважиться,
И слова заветные,
Может, сами скажутся.

1936

ВОЛОГОДСКОЕ НОВОГОДНЕЕ

С новой запевкой на Новый год
Девка на лавке веревку вьет.
Косы у девки до полу, до пят,
В ковте булавки — головки горят,
Брошка на ковте, пуговки в ряд,
Цветики на ковте...
Добер наряд!

А вьюга по окнам ставнями бьет,
В ров за деревней набит сумет,
Снег повсюду — не видно дров,
И вовки воют у самых дворов.
Гавкают собаки, боров ревет...

А девка на лавке веревку вьет,
Веревку вьет да припевку поет,
Припевку-запевку на Новый год.

«Вейся-повейся, крепка, ловка,
Вейся, свивайся, на смерть вовкам.
Справлю обновку, взамуж пойду —
На эту веревку лиху беду,
Чтобы свекровка была не зла,
Чтобы золовка была не в козла,
Чтоб не терять мне девичью стать,
С милым в ладу годов не считать,
Чтобы от сдобных печных пирогов
Духом парным распирало кров.
Вейся ж, свивайся...»

А вьюга ревет,
Девка на лавке веревку вьет.

1935—1936

МЕТА

Что со мною деется?
Сон меня сторонится;
Сущая безделица,
А какой становится!

В море вышел дролечка,
В северное плаванье,
Ножиком на елочке
Памятку оставил мне.

— Зарастет,— сказал он мне,—
Штормы не помилуют:
Не прийти мне к гавани,
Не увидеть милую.

И томлюсь я, девица,
И хожу на кручи я:
Сущая безделица,
А совсем измучила.

Каждодневно заново
Надрезаю мету я.
Море океаново,
Даль-дорога светлая!

Жив ли, где он по миру
Бродит?
Молви что-нибудь!

Ходят волны по морю,
Ходят тучи по небу.

Дуют ветры свежие,
А не видно дролечку...

Неужели срежу я
Напрочь нашу елочку?!

1936—1937

* * *

У ворот в цветах и лентах лошадь.
Заждались девчата за избой.
Ты бы взял гармонику, Алеша,
Ту, что с зеркалами и резьбой.

Ту, с которой на море не зябли,—
Шумную,
В четырнадцать басов.
Мы возьмем твои топор и грабли
И поклажу заберем без слов.

Отвалили бы да затянули:
«Партизаны брали города»,—
Травы бы колени подогнули,
Хлынула бы на берег вода,

И березовое мелколесье
Зацвело б, как яблоневый сад...

Захвати с собой, Алеша, песню,
Чтобы сердцу подпевала в лад.

1936

* * *

Никогда так низко не свисали
Наливные яблоки в саду.
В жизнь свою так парни не плясали,
Как плясали в нынешнем году.

На угоре павами по кругу
Плыли девушки в красе-басе:
Выбирайте по сердцу подругу!..
Но плясали парни, да не все.

Не для всех роса была душиста,
Шелковисты травы на лугу.
Самого лихого гармониста
Не было со всеми на кругу.

Полуночь в чугун не отстучали
С каланчи, знакомой искони,—
Он ушел один в тоске-печали,
Голову на росстани склонил.

И над полем, над тайгой-лесами
В первый раз в предутренний туман
Всеми бархатистыми басами
Загрустил его большой баян.

Как решетка, тын стоял поодаль.
Сквозь решетку он смотрел во тьму.
Может, друг руки ему не подал?
Изменила девушка ему?

Может, просто парню не поется?
Не судите:
Даже на пиру
Все порой кому-нибудь взгрустнется;
Сосны тоже разные в бору.

Пальцы еле клавишей касались...
А на что уж было веселей:
В жизнь свою так, верно, не плясали,
Как плясали ныне на селе.

1937—1939

ДЕВУШКА ЗАТОСКОВАЛА

Столько всяких ягод!
Даже на рябине,
Даже на черемухе солнце засветилось.
Только на березе ни одной-единой,
Ничего на белой вновь не уродилось.

В кожаной бездонной сумке почтальона
Столько всяких писем!
С марками, без марок,
Синих и зеленых, по углам клейменных,
Склеенных и связанных...
Каждое — подарок...

Мне одной ни писем, никаких открыток.
Неоткуда, не от кого...
Ветер веет пылью.
Выйду за околицу — все вокруг покрыто
Горькою полынью, черной чернобылью.

1937

ОЖИДАНИЕ

Спи, не тревожься, на зорьке разбудят.
Я продежурю ночь до конца.
...Мальчик иль девочка это будет?
В мать ли пойдет
Иль будет в отца?..

Спи!.. А какое бы выдумать имя —
Новое, светлое?..
Бьют часы.
...Сын или дочь — одинаково примем.
Думаю, все-таки будет сын.

Звездным сиянием, лунной порошей
Полночь лежит у резного крыльца.
...В мать ли, в отца ли — будет хорошим.
Все-таки, думаю, будет в отца!

1937

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Всю ночь под окном провода гудят,
Шумно вздыхает ель,
И каплет с крыши, тоску наводя,
Чертова канитель.

Водой набухая, киснет земля,
Как тесто в квашне, шипит.
Раздвинулись вширь пустые поля,
Кругом не стерня — шипы.

Полдень, а будто не рассвело.
Будет ли он, рассвет?
В небе серо,
На земле голо,
Тени намека нет.

Выйдешь — озноб проберет до пят.
Каплет...
И так везде.
Не от того ли и зубы болят
Осенью у людей?

Не потому ли столько друзей,
Робких еще ребят,
Женятся осенью в дни дождей:
Капли гранит долбят.

Знать, от судьбы не уйти и мне:
Смыты водой мосты,
Только и света в твоем окне,
Радостей — только ты.

1938

В МИНУТУ ГНЕВА

Его боялись пуще грома,
Широкоплечий страшен был,
Он у врага в дому, как дома,
Закинув голову ходил.

Мы не поверили на слово,
Что страсть его надорвала,
Что из большого из такого
Веревки женщина вила.

И мне на слово не поверят.
Умру, и ей в моем дому
Откроют все столы и двери
И доступ к праху моему.

Она слезами обольется,
Разжалобит моих друзей,
И ни один не разберется
В любви и гибели моей.

Другие в чувствах поклянутся,
Она и тех согнет в дугу.
А я в гробу ни повернуться,
Ни даже вскрикнуть не смогу.

1939

СОСНА

С головы зелена,
Стволом красна,
Высока, стройна
Растет сосна.

Как невеста на выданье
На большом пиру,—
Лучшей не видано
Во всем бору.

Иглами вышила
Неба треть.
Всем она вышла —
Любо смотреть!

Каких только ягод
Нет под сосной!
Здесь белка-летяга
Гостит весной,

Здесь тетерев грузный
Бруснику ест,
Здесь влажные грузди,
Маслята есть.

Здесь все для соленья
И все для варенья —
Хоть целым селеньем
Живи, ночуй!
А мох для оленя:
Ешь — не хочу.

Сколько же дереву
От роду лет?
А столько лет,
Что и счету нет.

Но топор ссечет,
И вот он — счет.

1939

АВДОТЬЮШКА

Ночь темна и звездами богата,
За селом опять костер горит:
Рожь — в сусеках, яровина сжата,
И шумят всю ночь в полях ребята,
И поют девчата до зари.

Рано спать Авдотьюшка ложится,
Только смеркнет над деревней свет.
Рано спать ложится,
А не спится:
Молодежь танцует, веселится...
Ей, запечнице, покоя нет.

По всему району варят пиво.
Друг у друга девушки гостят.
Ничего им, нынешним, не в диво:
Платья носят — синий шелк с отливом,
Для любой — гармошка нарастяг.

Ничего Авдотьюшка не знала.
Обряжала не свои дворы,
Столько горюшка изгоревала,
Что хватило б на десятерых.

Не любилось, даже не плясалось...
И теперь бы выйти ей на луг,
Да чтоб все вокруг заулыбалось,
Попросить девчат:
«Попойте малость,
Ожила Авдотья — шире круг!»

Вот она какая на народе!..
Но былую не воротишь стать.
И болит спина — опять к погоде...

А девчата ходят в хороводе —
Никакой погоде не унять.

1939—1940

НЕВЕСТА

Диким хмелем завито крылечко,
В рощах зверь непуганый, грибы,
Хоть ведерком черпай рыбу в речке,
Хоть лопатой ягоды греби.

Все под окнами, с деревней рядом.
И в таком краю,
В таком раю
Девушка — очей родных отрада —
Проводила молодость свою.

Но вокруг на сотню верст и дале
Ни избы — осина да ольха,
И в колхозе многие вздыхали:
Где найти царевне жениха?

Где найти ей парня молодого,
Равного по нраву и уму?

Год проходит,
Наступает новый —
Ей одной как будто ни к чему.

Все тоскуют — ей и горя мало,
Не упала ни одна слеза.
До зари бригаду поднимала,
На кофейной гуще не гадала...

Но пришла пора...
И к ней в леса
Стали заявляться издалека
Молодец знатнее молодца.
Будто всё проездом, ненароком
Останавливались у крыльца.

Ни забот невесте, ни печали —
Выбирай любого жениха...
Но опять колхозники вздыхали:
С молодыми долго ль до греха!

И опять судили да рядили,—
От забот старушки без ума,
Словно сами замуж выходили...

Только на нее не угодили:
В Вологду ль, в Москву ль — не уследили —
Отбыла за суженым сама.

1939

ВЕСЕННЕЕ

Я даже сна лишился, я тоскую.
А это значит, что в родном краю,
В родных лесах тетерева токуют,
Медведь берлогу развалил свою

И вышел в чащу, разминая плечи,
И хмурится —
Вокруг еще бело.
Он, верно, ждет со мною новой встречи,
Держа клыки и когти наголо.

И я зажмурюсь и услышу ясно
И сосен стон густой,
И взлет стрижа.
Запахло мхом и ягодой...
Напрасно
Меня ты хочешь дома удержать.

Поедем вместе к волокам сосновым,
В малинники, в морошковый завал,
К кудесникам,
К никольским звероловам,
Где даже Пришвин, верно, не бывал.

Пройдем пешком тропинкою лесною
К живой воде,
К былинному ключу.
Зверья боишься?
Сладившей со мною,
Какой медведь тебе не по плечу?!

Раскинем полог у начала сказок,
Чтоб их целебным воздухом дышать.
Охотничьи побаски и рассказы —
Они из мертвых могут воскрешать.

Котомки сами просятся на спины.
Уже сквозь стены проникает свет...

Далеко где-то зацвели рябины
За Вологдой,
А мне покоя нет.

1939

ЗАРЕЧНАЯ КРАСАВИЦА

Шел к подружке парень вечерком
За реку
По лаве перекошенной,
Сапоги скрипучие на нем,
Поясок малиновый, неношеный.

Шел и думал:
«Встретит, прибежит,
Изловлю веселую за лапушки...»
А река возьми да покажи
Камушки ему со дна и ракушки.

Засмотрелся, словно не видал,
Грохнулся со всей своей обновою.
Хохотнула хитрая вода
И накрыла голову бедовую.

Девушка милого заждалась,
Стала думать всякую напраслину,
Причесалась, в ленты убралась,
Нарядилась в кофточку атласную,

А не видно милого дружка.
За водой пошла,
Глядит: под лавою
На воде-реке от пояска
Кисточки малиновые плавают.

Вскрикнула и ринулася в дол,
На берег тропой, росой вечернею,
Подоткнула ситцевый подол
И давай реку ведром вычерпывать.

Разливает воду по лугам,
А сама клянет реку, горюшица:
«Чтобы этим желтым берегам
На тебя, коварная, обрушиться!

Стой, как лужа старая, мутна,
Тухлой рыбой в заводях запружена.
Чтоб тебе, неладная, ни дна
Ни покрышки
За разлуку с суженым.

Как тебе не жить без ключевой
Без воды,
Не шириться, не вырасти,
Так и мне, сиротке, без него,
Без любимого,
И дня не вынести...»

Вычерпала девушка реку,
Иль река не стала худославиться.
Но погибнуть милому дружку
Не дала заречная красавица.

Пронесла его через овраг,
Уложила на траву
Под кленами...

Если б жены нас любили так,
Нас водою не разлить бы с женами.

1939—1940

СВАТОВСТВО

С. В. Щириной

С водкой да с орехами
Сваты понаехали.

Думаем, на этот раз
Оберут до нитки нас.
А у них губа не дура:
У стола стоят стеной,
Краснословят,
Балагурят,
Подбираются к одной.

Все хлопочут об одной,
Об Алене Фоминой.

У людей в делах сердечных
Вкусы разные, конечно,
Но об ней наперебой
Говорили:
— Девка — бой!

В стольной Вологде и дале
Фомину Алену знали:
Красотой и всем взяла,
За собой людей вела!
Но у нас такая девка
На колхоз одна была.
Невеселые дела:
Положенье — к богу в рай!
Плачь, а сватов принимай.

На колхозное правленье
Заявилось все селенье.
Председатель изнемог:
Гомон, крики...

Что звонок?
Колокол бы не помог...

Бахтюковых две семьи,
Бауковых три скамьи,
Два угла одних девчат,
Хоть кого перекричат.
Каблуками о пол бьют.
Сватам ходу не дают.

«Чтобы нашу-то Аленку
В чужедальнюю сторонку?!
Не таковский мы народ,
Всем укажем поворот!
Обобрать решили нас?
Председатель, дай приказ,
Пусть найдут себе другую...»

А сваты и в ус не дуют:
— Увезем — и кончен сказ!

Мол, самою Фоминой
Обещание дано.

Не шутя завечерело,
А не двигается дело.
Тени пали у крыльца,—
Солнце явно не хотело
Канителить без конца.

Председатель воровато
Стороной от сватов-хватов,
От скамеек стороной,
Под шумок поднявшись с места,
Сам отправился к невесте:
Дела этого по чести
Не решить без Фоминой.

Он приходит к Фоминой.

Фомина хлебает чай.
«Золотая, выручай!
Весь народ к тебе с поклоном:
Без тебя и свет не в свет —
Замуж нам тебя, Алена,
Выдавать расчета нет!»

*

За деревней, над прудом
В две недели вырос дом,
Широченный, пятистенный —
Восемь окон,
Две избы —
С телефоном и антенной,
С целой выставкой резьбы,
С палисадом и двором —
Загляденье, а не дом.

Днем на этом новом месте
Разместил колхоз невесту.
А под вечер
На закате,
Кто в телеге, кто верхом,
Наши сваты —
Тоже хваты! —
Подались за женихом.
Пригласили жениха:
— Соглашайся без греха.
Никакой тебе помехи,—
Дел в артели — за глаза...

Согласился,
Переехал,
Даже слова не сказал.

1939

ПРИЗЫВ

На рассвете у правленья —
Вся деревня,
Все селенье.

По деревне мчатся кони,
Словно в гонках на призы,
Заливаются гармони:
Парни едут на призыв.

Ребятишки лезут выше —
На черемухи, на крыши —
И завистливо глядят
На товарищей солдат.

Обсуждают ребятишки,
У кого ботинки чище,
У кого новей наряд,
У кого отважней брат...

К дому тройки подлетают
В кольцах, в пряжках,
В бубенцах.
Председатель их встречает
У тесового крыльца,
Водит пальцем по усам,
Все осматривает сам.
Посмотрел на пристяжную —
Чмокнул:
В теле и — бела.
Посмотрел на коренную:
Что-то сбруя не светла.
— Бригадир, смени-ка сбрую
Да почисти удила!
Почему дуга не в лентах?

Где ромашки?
Где кумач?
Для текущего момента
Надо б радугу запрячь.

*

У крыльца стоит рысак,
Бьет копытом так и сяк.
Парень чистит щеткой брюки,
Кепи чистит и пиджак.

Мать наказывает сыну:
— Как в наборную войдешь,
Не сгибай, сыночек, спину,
Пусть не хают молодежь.
Да гляди, что ясный сокол,
Выше голову держи...
— У меня и так высоко!
— А пойдешь служить —
Служи,
Чтобы всей округе слава,
И семье и роду честь,
Чтобы нам пришлась по нраву
О твоей отваге весть.

Сын спускается с крылечка
И садится в тарантас.
Конь буланый рвется в пляс.
Мать распутала уздечку:
— Ну, сынок,
В счастливый час!

1939

ПУГОВКА

В доме окраинном, при свече,
У самоварной трубы,
Вздыхая,
Бабушка ласковая, седая
Детям рассказывает об Ильиче,
Всякую мелочь припоминая.

— Видела, милые вы мои,
Видела!
Руку ему пожала.
Тут вот, к примеру, Ильич стоит,
Рядышком — этак вот — я стояла.

Он обещал приехать к семи,
Ждать на заводе с полудня стали.
Мне поручили:
«Пальто прими!..»
Нашего люду полнехонько в зале.

Ленин в озябшие руки подул,
Мокрою кепкой хлестнул по колену,
Скинул пальто и повесил на стул.
Я подхватила — и марш за сцену.

Полы раскинула на столе:
Вычищу, мол, пока выступает...
Чищу и вижу:
На левой поле
Средней пуговицы не хватает.

Думаю: вождь, а пуговки нет!..
Я отпороть от жакетки решила
Да толстой ниткой — на много лет —
На Ильичево пальто пришила.

Свою пришила. От всех тайком.
А пуговки были разного сорта:
Моя — не гладкая, с ободком,
И потемнее — меньше потерта.

Много ли, мало ли дней прошло,
Топаю раз за Неву на рынок
И замечаю:
Во все стекло
С облика Ленина новый снимок.

В длинном, приметном своем пальто...
Я пригляделась:
Скажи на милость!
Вижу: потертое... самое то...
Черное...

Сердце мое забилось,
Остановилась, сама не своя,
В стекла дышу, припала к витрине:
Пуговка — самая та, моя,
С левого боку посередине...

Так-то, ребятушки!..
А зимой,
Той же зимой Ильича не стало.
Я принесла тот снимок домой,
Рамку хорошую я достала.

Плачу стою, сама не своя.
Умер?
Не верю, горем убита.
— Ленин! Ильич! — говорю.—
А — моя,
Пуговка-то моя пришита...

1939

ИЛЬЕ СЕЛЬВИНСКОМУ

1

Мороз расписал оконные стекла,
И сказочной стала моя изба.
Пред этой искусной работой поблекла
Резьба по кости, по бересте резьба.

На темном стекле, что на негативе,
Как перья фазаньи, лежат штрихи.
Что, если б не таяло!
Диво на диве:
То горная круча, то речка в разливе,
То звезды, то ласточки, то лопухи.

Не этой ли индевью, росписью этой
Кудесников Палеха дышит кисть?
Взгляни на узоры морозные к свету,
В пушок, в завихрения эти вглядись.

Тоскуешь о море —
Увидишь море,
О доме тоскуешь —
Увидишь дом:
Уставшую мать в цветастом уборе,
Старинный колодец на сельском угоре,
Четыре березы под самым окном.

Грустишь, что навек расстался с любимой,—
Глаза ее хлынут в сердце твое,
И станет она ощутимой и зримой.
А ветер, а вьюга, летящие мимо,
Напомнят и голос грудной ее.

Дивлюсь на стекло, поднявшись с рассветом,
И не дыша стою перед ним...
Не так ли читаем любимых поэтов:
Находим все,
Что найти хотим.

2

Нам бы жить с тобой до седин
Где-нибудь в бору на юру,
На медведя один на один
С топором ходить поутру;

Иль, потуже стянув пояса,
Молотами пудовыми бить;
На плечах поднимать леса;
Нам бы лес вековой рубить,

Так земны мы и широки,
Ладно скроены да крепки.
Наши плечи что косяки,
Что булыжники кулаки.

Для чего ж нам сила дана?
Мы затворниками живем —
Дым столбом,
И ночи без сна...
А еще говорят: поем!

Выйти легкие освежить,
Спину выпрямить недосуг...
Но гляжу на тебя, мой друг:
Разве можно иными быть?

Пробиваясь сквозь штормы, лед,
Чтоб открыть хоть клочок земли,
Хоть вершок —
Ледокол и тот
Иногда ломает рули.

Нет, не лишнее для певца —
Плечи грузчика, грудь бойца.
Хорошо с любой стороны,
Что такими мы рождены.

1939

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Лежал песок, и солнце пекло
Рыхлое, желтое темя,
Щепотку одну запаяли в стекло,
И вот:
Земля измеряет время.

Завод у часов на минуты — не дни,
Но время под нашим началом:
Стечет песок — часы поверни,
И станет конец
Началом.

И кажется мне, что и я таков:
Вечером еле сидишь на стуле,
Свалишься, будто мертвый, без слов,
А утром поднимешься — жив-здоров,
Словно перевернули.

Может, и смерть такая придет:
Друзья наготовят тесу,
А смерть тебя, как часы, повернет —
И снова несутся за годом год,
И нету тебе износу.

1939

ЗВЕРОЛОВ

Рыжий парнище сел на пенек,
Семечки жареные шелушит.
Сосны шумят промеж двух дорог.
Складный да ладный такой паренек:
Руки —
Медведя за горло душить

И корчевать на нови пеньки,
Ноги — по мерке сапог не найти...
Как опаленные мотыльки,
С губ на траву шелуха летит.

Он неподвижен,
А перед ним,
Косы развеяв по ветерку,
Девушка — белое с золотым —
Белкой сидит на низком суку.

— Ах,— говорит,— до чего ж он мил! —
(И зверолов глаза опустил.) —
С вами не страшно,
За вашей спиной
Я бы смеялась над сатаной.

Вы сатану согнете в дугу.
Ну, поведите ж меня в тайгу,
В выломки, в глушь, под хвойный навес,
Это же вотчина ваша — лес.

Рыжий чуть слышно гудит:
— Ага,—
Роет песок носком сапога,

Перестает шелушить меледу
И отвечает:
— Не поведу!

Но продолжается разговор.
— Слышала, вы по родне — помор.
Вам сызмалетства своя — волна,
Кровь ваша, как волна, солона.

В море, когда зашумит прибой,
В море возьмите меня с собой,
Не подведу вас, не осрамлюсь!..—
Парень, потупясь, мычит:
— Боюсь!

Девушка смотрит ему в глаза
И удивляется: вот бирюк!..
Мимо, треща, летит стрекоза,
Дикие пчелы звенят вокруг.

Как этот увалень ей смешон:
Жмется, краснеет средь бела дня.
— Что вам бояться?
Такой большой!
Ну, поведите в горы меня.

Там, говорят, и медведи есть,
Ходят к подножью малину есть.
Горные склоны в густом хмелю...
Может быть, там я вас полюблю...

У зверолова дрожит рука.
Смотрит на девушку:
Как легка!
В пуговках вся, в стеклянном огне...
И не сидится ему на пне.

Если теперь пареньку запеть —
Склонится бор, засвистят стрижи;
В чащу пойти —
Никакой медведь
Лучше и глаз ему не кажи.

Так у него вся душа горит,
Словно кто шепчет ему:
— Не трусь!..

Долго на девушку он глядит
И говорит ей:
— Тебя боюсь!

1940

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРВЫЕ ПИСЬМА»

Елене Первенцевой

1

День ли, ночь ли — света нет без милой.
Вспоминать, как слезы лить о том,
Как она доверчиво любила,
Осуждала и боготворила.
Плакала,
Но покидала дом.

Как, знобя, выматывая душу,
Ветер выл,
А я пытался спать.
С неба, с моря шла вода на сушу...
День и ночь смотреть в окно и слушать:
Не вернется ль?
Дверь не закрывать.

1935

2

Ни покоя тебе, ни просто
Тишины —
Берега кипят,
И вода шестибалльного роста
Обдает с головы до пят.

Утром гребни белее мела.
Скрип камней прознобит насквозь,
Свет морской пронижет все тело,
Ветер выстудит каждую кость.

И уже никуда — угрюмый
Или радостный — не уйдешь,
Никуда не уйдешь от шума
Этих волн и прибрежных рощ —

Ни в ущелья Урала,
Ни в пади
Вологодских трущоб —
Никуда!

Так от самого первого взгляда,
Покорившего навсегда.

1936

3

Шумит, деревья гнет гроза.
Засну, укроюсь —
Может статься,
Твои любимые глаза,
Твои улыбки мне приснятся.

И лоб, и нежная рука,
И волосы приснятся, может,—
Так грозовые облака
На кудри темные похожи;

Так этот дальний свет зарниц
И вспышки молнии по краю
Глубинный блеск из-под ресниц
Мне иногда напоминают.

В грозу, как в детстве, спится мне.
Дождям и грому нет отбою.
Я засыпаю, и во сне
Встречаюсь с прежнею тобою.

И пробужденье хорошо:
Все стихнет,
В каплях засверкает,
Как будто солнечный пушок
В прозрачном воздухе летает.

Кругом светло и широко...
Поднимешься,
Расправишь плечи,
И на душе легко, легко,
Как после настоящей встречи.

1938

4

Ласточка, от ястреба спасаясь,
Занеслась неведомо куда.
И, со свистом воздух рассекая,
Целый день вилась над полем стая,
Не могла найти ее следа.

Где она, куда она забилась?
Ночь настанет — ласточка одна.
Землю обволакивает сырость,
Черных туч кругом нагромоздилось...
Может, в темном ельнике она?

Тишина стоит предгрозовая,
Только в небе ласточки снуют...

А в каком краю моя родная?
Где ты, маленькая, молодая,
Приклонила голову свою?

И куда пойдешь в такую пору?
Грянет гром над лесом,
Хлынет дождь...
Не метнулась бы в чужую нору.
Почему моя тебе не впору?
Разве я на ястреба похож?

Сумерки.
Тоска в душе такая,
Что часы остановили ход.
Ласточек щебечущая стая
Над землей из края в край летает
И нигде покоя не найдет.

1939

5

Тяжело остаться одному.
Столько лет прошло — тебя все нету.
Как барсук в норе, сидел в дому,
Думал: не промолвлюсь никому!
Но печаль сама летит по свету.

Предо мной земля как на виду,
Сверстники везде и побратимы,
Даже с полюсом я речь веду...
А своей любимой не найду,
Не могу найти своей любимой.

Коль одна живешь в чужом краю,
Отзовись, я клятвы не нарушу,
В прах все расстоянья разобью...
Если ж не одна, тогда мою
Отпусти на покаянье душу.

1939

БАЛЛАДА О РЫБАКАХ

Отплывали в море восемь рыбаков,
Ветерок задувал не слабый.
Провожали жены своих муженьков
И, конечно, плакали: бабы!

— Перестаньте, бабы! — злились рыбаки.—
На работе только помеха:
До подола косы, умы коротки,
Ни уйти от вас, ни уехать.

Понеслись шаланды скоро да легко,
Паруса над морем склоняют.
И беда настигла: несет рыбаков,
А куда? — и сами не знают.

Ввечеру барашки стали потухать.
А ночами ветер — ой, страшен!
И все чаще начали в лодках вздыхать:
— Где-то нынче бабоньки наши?!

Потянуло снова к дому, к шалашам,
Говорят:
— На часок хотя бы...
Бабы хоть и слабы, а все ж, по душам,
Никуда, ребята, без бабы.

А на небе тучи — тени широки.
Только вдруг из тучи, из ночи
Самолет пробился.
Глядят мужики:
Самолет ведет баба-летчик.

Покружилась, взмыла и пошла назад.
А потом по синим ухабам
Вылетает катер.
На лодках глядят:
Управляет катером баба.

Развернулась с ходу — за кормою чад,
На буксир принимает вроде...
Рыбаки послушны, неловко молчат,
Друг от друга глаза отводят.

Прибежали жены встретить муженьков,
Целовать в соленые губы,
Проливали слезы на грудь рыбаков.
Мужикам и слезы уж любы!

1941—1945

ЛИСИЦА

Л. Т.

Черно-серебряная лисица
Из приуральских степей,
Мне неспокойно спится —
Думаю о тебе.

Строгая твоя поступь,
Черные твои глаза...
Что я скажу тебе?
Просто:
Мне без тебя нельзя!

Хвастался раньше охотно,
Сжав пятерню на груди,
Я ли, мол, не охотник —
Лучше не подходи!

И — не знаком со страхом,
И — семерых побивахом,
Выстрелам несть числа...
Встретил тебя —
И прахом
Выправка вся пошла.

Сразу угрюм, неловок
Стал краснобай-зверолов:
Не до хвальбы зверолову,
Не до красивых слов.

В темную ночь не спится,
Думаю о тебе:
Ходишь, моя лисица,
Не по моей тропе.

1940

ПРИСКАЗКИ

Бабушке Авдотье Павловне Поповой

1

Метель вертела землю. Падал снег
То хлопьями,
То мелкий, бесноватый.
Все чаще деревянные лопаты
Прокладывали к низким окнам свет.

Чуть прояснится —
Скрипнет журавель,
Возьмут воды хозяйки из колодца,
И вновь сорвется с привязи метель,
И над лесами снова рев несется.

В такие дни закрыты все пути,
И хорошо в одном дому собраться,
Курить, да сеть артельную плести,
Да песни петь,— они всегда в чести! —
С мечтой и шуткою не расставаться.

— Теперь бы нам бы чудо-сапоги,
Ковер летучий да коня-савраску,
Коня такого, чтоб сказал: беги! —
И ни тебе дороги, ни пурги,
Хоть до Москвы —
Ни холода, ни тряски.

— Авдотьюшка,
Давай, родная, сказку!

И, продвигаясь за сосновый стол,
Довольная,
Что вновь ее почтили,

Авдотья начинала:
— Жили-были...

А снег все шел.
И мужики курили.

2

Медведь лежал на берегу реки,
Лениво лапой рыбу выгребая,
И свежевал ее и ел.
Живая,
Широкая, зажатая в клыки,
Хлестала рыба зверя по глазам.
Рычанье разносилось по лесам.

Охотники подкрались с трех сторон.
Договорились: чтоб не портить шкуры,
Стрелять лишь двум.
Но не таков был бурый:
Лишь за семь пуль расстался с жизнью он.

Уже впотьмах спешили к шалашу,
К огню, к вину, к медвежьему борщу.

Тайга уснула.
В темные лога,
На просеки плашмя упало небо.
За мясом рысь пустилась, мышь за хлебом,
Сова за мышью...
Ожила тайга.

И до чего ж была пестра, остра
Охотничья побаска у костра!

3

Девушка спустилась под откос
С золотой косой густых волос.
Под косынку косу убрала,
На стальную косу налегла
Да прошла береговой косой

По зеленой по траве с косой,
Полосой прошла не раз, не два —
Прослезилася росой трава.

Далеко от дома сенокос,
Для бригады надо хлеба воз;
Две недели надо спать в лесу,
По утрам сбивать с травы росу,
В полдень сено теплое грести —
Вёдренной поры не упустить.
Ночью отдыхает молодежь —
Но без сказки разве отдохнешь?

У лесной избушки дым и гам.
Лягут косари у очага,
И тайга замрет, и дым замрет:
Все глядит седому деду в рот.
Складно врет в делах бывалый дед:
Лыко в строку —
Слово слову вслед.

И пойдут по лесу лешаки,
Опираяся на кушаки,
Вилами азямы повязав,
Ноги в руки,
На ремень глаза,
Дальнюю дорогу на плечо...
Дед их знает всех наперечет.
Машут в соснах лешаки кольем...
Было все.
Да поросло быльем.

Все заснут, придвинувшись к костру,
Лишь не спит бывальщинка в бору.
Складная, как песня на пиру,—
Носа не просунуть комару.

*

Так по сузёмам Юга и Двины
И в клубах новых,
И в домах старинных
Окуренные на века в овинах

Живут поныне сказки и былины,
Бывальщины,
Побаски старины.

Они, как взлет натруженной мечты,
Как дым костра, пьянят и согревают...
Все лето
По всему родному краю
Набрякшие, скрипя, плывут плоты.

И на любом — необходим, как свет,
И обожаем, словно бог удачи,—
Артельный сказочник, кудесник дед,
На весь сезон подряжен и оплачен.

Игольчатая, с блестками свинца,
Струит Двина просмоленные воды.
Плывут плоты при всякой непогоде —
Им нет конца.
И сказке нет конца.

Она шумит, как в ясный день тайга,
Течет рекой, то солнечной, то мглистой,
В узорчатых,
То низких, то скалистых,
Травой и мхом расшитых берегах.

Я до утра порой не мог заснуть
У бабушки.
Чего в тех сказках нету!
День наступал. Душа тянулась к свету.
Наставь, родимая, на светлый путь!

1937—1939

Стихи военных лет

1941–1945

ПОЛЕ

О, поле, поле!..
Пушкин

Где конец его и где начало?
За два дня вокруг не обойдешь.
Рожь лежит: не ветром укачало —
Танки с глиною смешали рожь.

Здесь они, сконив стволы, стояли,
Как слоны в озерных тростниках,
Только птицы к ним не подлетали,
Не роились мухи на боках.

Трупы, загнивающие в яме,
Ржавые винтовки и штыки,
Желтый ров с размытыми краями,
Словно русло высохшей реки.

Гильзами забитые окопы,
Черепки яичной скорлупы,
Проволокой спутанные тропы,
И, как трупы, желтые снопы...

Полюшко родное!
Светлый воздух.
Политая пóтом грудь земли.
Уцелели радуги да звезды...
Чистым полем варвары прошли.

Мы стоим — бушлаты нараспашку:
— Ничего! Крепитесь, моряки!
Час придет — возьмемся за распашку:
Нам и поле поднимать с руки.

1941

* * *

Не позабыть мне первых схваток,
Разбитых сел, дорог в крови,
Ночей под кровом плащ-палаток,
Как первой не забыть любви.

Все шло не так, как представлялось,
Как в книгах вычитал,—
Не так.
Все было ново: дождь, усталость,
Разрывы мин и гул атак.

Заране знать хотел, бывало,
Как поведу себя в боях:
Не осрамлюсь ли поначалу,
Не заберется ль в сердце страх?

И, убедившись, встав под дула,
Хлебнув и гула и огня,
Что сердце не захолонуло,
Кровь не свернулась у меня,

Что я ни в чем других не хуже,
Переношу тяжелый путь,—
Я затянул ремень потуже
И широко расправил грудь.

Конечно, стало представляться,
Что ты храбрейший из солдат:
Конечно, все тобой гордятся,
На одного тебя глядят.

С тобой — удачи и победа,
Поешь и ходишь, как во сне.

Кто эти чувства не изведал,
Тот просто не был на войне.

1941

ЗЕМЛЯНКА

До врага с полкилометра —
Ров, поляна, ели.
Ни минуты, чтоб от ветра
Сосны не скрипели,
И ни ночи и ни дня
Без тревоги, без огня.

Моряки и в ус не дуют,
Только строже глаз лихой,
Окопались и зимуют
У земли за пазухой.

Чуть пригнувшись, пролезаем,
Я уже теплом дышу.
Поднимается хозяин,—
Дескать, милости прошу!

— Милости прошу гостей.
Живы и здоровы?
Нет ли свежих новостей,
Сообщений новых?

Нет ли, словом,
                    про войну
Под Ростовом-
                    на-Дону?
Озираемся, присели.
Что за терем в самом деле!
Просто — мирный уголок.
Пол из досок, ровен
И промыт,
А потолок
В три наката бревен:

Хоть громи прямой наводкой,
Не пробьешь вовеки.
Не землянка, а подлодка —
Круглые отсеки.

Камбуз: печка, два котла,
Кот сибирский у стола,
Умывальник в уголку,
Полотенце на крюку
И смолистый воздух.
Справа гнезда для гранат,
Пять винтовок, автомат —
Тоже в прочных гнездах.

Не беда, что каганец
Из консервной банки.
Не землянка, а дворец,—
Нет цены землянке.

Мы глядим в углы, на свет,
Удивленью меры нет:
— Превосходная квартира!
А на сколько ж зим и лет? —
Засмеялись моряки:
— Наши сроки коротки.
Нам на флоте и в пехоте
Жить на месте не с руки.

1941

БАЛЛАДА О ТАНКЕ

Советский танк попал в болота —
Еловая прогнулась гать.
Его бомбили с самолета,
Его фашистская пехота
Под вечер стала окружать.

Крича, строча из автоматов
Солдаты, как из-под земли,
Осматриваясь воровато,
К нему со всех сторон ползли.

Немецкий танк подкрался с тыла,
Чтоб наш разить его не мог.
Широкозадый, тупорылый,
Он заревел, что было силы;
Налег на цепь и поволок.

Вода и грязь текли с металла.
Осенний день совсем погас...
Но кто видал,
Когда бывало,
Чтоб на цепи водили нас?

Едва из топкого болота
Наш танк втянули на увал,
Как вдруг шарахнулась пехота:
Мотор включенный заработал,
Зарокотал,
Забушевал.

Взгремев утробою железной,
Рванулся танк.
Сама земля

К нему под гусеницы лезла:
Вперед, к своим — он в ров безлесный
Пошел по травам, гром стеля.

Пошел лугами к дальным хатам,
Подмяв пенек, подрезав ствол,—
Он сам уже врага повел! —
На третьей скорости,
На пятой,
На двадцать пятой он пошел.

Казалось, ветер в поле стих,
Казалось, сосны молодели:
На танк во все глаза глядели,
И камни серые хотели,
Чтоб он оставил след на них.

1941

ТОВАРИЩУ ПО ОКОПУ

Теперь бы нам поля дожинать,
Зерно по лоткам ссыпать в закрома,
На свадьбах гулять,
Ягнят свежевать,
До холодов утеплять дома!..

И здесь чуфыкают косачи.
Теперь бы нам ходить на тока,
Под вечер огонь разводить в печи
И молча греться у огонька.

Но мины, мины свистят вокруг,
Война занесла над нами кулак.
Так пусть же погибнет заклятый враг!
Лежи, мой друг, не робей, мой друг,
Не отступай, мой друг, ни на шаг!

В Москве не достроены корпуса;
Мы, школ не окончив, пошли в поход
За эти березовые леса,
За нашу свободу,
За свой народ.

Фашисты любят брать на испуг —
Стреляют не целясь, ползут в дыму...
Сдержись, мой друг,
Подпусти их, друг,
И молча укладывай по одному!

А доведется — на штык бери,
Пусть видят, от чьих умирают рук!

Ах, до чего разошлись глухари!..
Вон враг опять...
Приготовься, друг!

1941

ТЕТЕРЕВА

Однажды грохот орудийный стих,
И вот в прозрачной с изморозью дали
За озером, в березняках густых
Тетерева, как встарь, затоковали.

Немудрые гортанные лады,
Но было в них и осени дыханье,
И трубный зов, и бульканье воды,
И голубей домашних воркованье.

Во мне охотник устоять не мог:
Весь в пулеметных лентах и гранатах,
Из блиндажа я ринулся на ток,
Но не с ружьем пошел, а с автоматом.

Прыжками
От осины до сосны,
По желтым мхам, по листопадной прели
С подветренной, с восточной стороны
Я подходил к живой, зовущей цели.

Казалось, только обогну кусты —
И над поляной средь верхушек рыжих
Развернутые черные хвосты
Тетеревов токующих увижу.

Но чем слышнее становился ток,
Чем до него короче расстоянье,
Тем явственней я слышал холодок
В однообразном птичьем бормотанье.

Какие-то фальшивые тона,
Не птичья, металлическая резкость.
Условные сигналы?..
Вся окрестность
Как в заговор какой вовлечена.

Ползу вперед. И вот у цели я.
Раздвинулась от выстрела опушка,
И с елки, снаряжением звеня,
Свалилась в мох фашистская
«кукушка».

1941

РУССКИЕ МЫ

Ливень смывает с деревьев пыль,
Демаскирует автомобиль:
Черные лаковые бока
Снова заметны издалека.
Я покрываю его попоной
Темно-зеленой,
Из веток сплетенной,
И оставляю в лесу, в стороне —
Я не ропщу на дождь на войне.

Полем ползем,
Ложимся в окоп.
В каждом окопе соломы сноп.
Из-под соломы забили ключи,
Грязь проступила...
Лежи, молчи!
Пусть, размывая стенки окопа,
Речки кричат о начале потопа,
Кости норд-ост продувает мне —
Стужа меня не страшит на войне.

Кашляем мы,
Но холоду рады,
Только б врагам не давал пощады.
Пусть они ждут, как смерти, зимы.
Сами все вынесем:
Русские мы!

Пишет подруга из Сталинграда
О голубых вечерах в степи.
Нам ничего голубого не надо,
Мы говорим друг другу: «Терпи!»

Пусть в эту осень не будет света,
Теплого вечера,
Бабьего лета,
Солнца, которое я воспевал,
Только бы враг наш околевал!

Топи да будут непроходимы,
Небо нелетным, черным от дыма,
В полночь глухую —
Беззвездным, безлунным,
В полдень — знобящим, низким, чугунным.
Пусть оно будет тогда голубым.
Когда победим.

1941

ОБСТРЕЛ

Снаряд упал на берегу Невы,
Швырнув осколки и волну взрывную
В чугунную резьбу,
На мостовую.
С подъезда ошарашенные львы
По улице метнулись врассыпную.

Другой снаряд ударил в особняк —
Атланты грохнулись у тротуара;
Над грудой пламя вздыбилось, как флаг.
Труба печная подняла кулак,
Как бы грозя неотвратимой карой.

Еще один — в сугробы, на бульвар,
И снег, как магний, вспыхнул за оградой.
Откуда-то свалился самовар.
Над темной башней занялся пожар.
Опять пожар!
И снова вой снаряда.

Куда влетит очередной, крутясь?..
Враги из дальнобойных бьют орудий.
Шарахаются бронзовые люди,
Живой проходит, не оборотясь.

1942

ШИНЕЛЬ

Эх, шинель моя, шинель!
Длинная, походная,
В слякоть осени, в метель
Теплая и модная.

Черная,
Просторная,
Ладная,
Нарядная,
Краснофлотская подруга —
Шуба ненаглядная.

Три кармана, две полы,
Пуговицы в золоте,
Якоря на них светлы,
Как закаты в Вологде.

Грязь к тебе не пристает.
Полюбил тебя народ.
За одну шинель
Матроса
В гости девушка зовет.

В чистом поле и постель
И шатер — моя шинель.

Если надо, в жгут свернется,
На ночевке вытянется,
Ветер грянет,
Дождь польется —
Ты моя спасительница.

Мало дюжину штиблет
Изорвешь за пару лет,
Даже танк броню меняет,
А тебе износу нет.

Неужели ж, неужель
Я сниму свою шинель?

Может быть, и в самом деле,
Как закончится война,
Без шинели
По панели
Поведет меня жена?

Нет, покуда войны есть,
На земле смертей не счесть,—
Не снимать своих шинелей
Мы почтем за долг и честь.

1941

НАШИ НЕЛАДЫ

Нынче наши нелады
И не вспоминаются.
Пред лицом большой беды
Мелочи стираются.

Стали мы вдвойне любить
Каждый холмик родины,
Паутины тонкой нить
На кустах смородины.

На болотах кожуру
Ягоды несобранной,
Щучью стрелку на юру,
Воздух, смолью сдобренный.

В блиндаже, в чужой избе
Иль под хвойным пологом
Вспоминаю о тебе:
Все в тебе мне дорого,

Все любимые черты,
Странности и слабости,
Вся нетронутая ты
Мне мила до радости.

1942

ВЫСОТА

Волжские в дымке степной места,
Желто-зеленые редкие травы.
Очень красивая высота
В двух километрах от переправы.

Утром прозрачные облака
Ветер над самой вершиной гонит.
Как на ладони отсюда река,
Город рабочий — как на ладони.

В полдень безветренный сводят с ума
Запахи чабра и молочая.
А у подножья — балки, дома,
Крики летящих над Волгой чаек.

А у подножья — дубы, ручей,
Заячьи тропки и птичьи гнезда.
В тихом теченье летних ночей
Виден струящийся лунный воздух.

Все в незапятнанной чистоте,
Словно бои здесь не проходили,—
Небо без копоти,
Ветер без пыли...

Но у меня на той высоте
Брата родного немцы убили.

1942

* * *

Листья осенние шелестят,
Листья хрустят под ногами,
По небу стылому птицы летят
Клиньями,
Косяками.

Движутся, будто вокруг земли,—
Где он, конец потоку? —
К югу от холода — журавли,
Люди от немцев — к востоку.

Вскрики людские птичьих грустней,
Слезы не высыхают.
Птицы вернутся домой по весне,
Люди — когда? — не знают.

Нет, никогда забыть не смогу
Ветер сырой, осенний,
Крик журавлей
И на берегу
Осиротевшие семьи.

1942

ТРИСТА МОРЯКОВ

Отряд краснофлотцев в триста штыков
По гарнизонной тревоге
За город вышел
Держать врагов
На серой степной дороге,

На выжженных скатах к реке родной,
На пыльных волжских высотах,
Куда прорвалась порою ночной
Фашистская мотопехота.

Сошли с кораблей, лишь день на восход,
И сшиблись с врагом на марше.
Уперся немец — ни взад, ни вперед,
Ни взад, ни вперед и наши.

А той порой, в поту и в пыли,
Из чащ и трущоб еловых
С полковником Гуртьевым к Волге шли
Сибирские звероловы.

Родимцев гвардейские вел полки
От Ахтубы к переправе,
Гороховцы шли — на весу штыки —
К победной, гвардейской славе.

И город все ощутимей крепчал,
Упорство его нарастало,
Тогда уже он в бессмертье вступал,
Тогда уже немец страшиться стал
Его площадей и кварталов.

Отряд краснофлотцев в триста штыков
Не дрогнул в боях ни разу.
И скоро прославленных моряков
Вернули на флотскую базу.

Орлов запыленных встречал адмирал.
Видать, его сердце сжалось:
Он молча шагнул к ним,
Он все уже знал.
И все-таки вздрогнул, когда увидал,
Что девять их только осталось.

1942

АТАКА

В густой траве, за буераком
Лежал он молча и курил,
Когда пронесся крик:
«В атаку!» —
И пулемет заговорил.

И сразу рожь вокруг и ели,
Кусты и желтые пески
Зашевелились, загремели,
И кровь ударила в виски.

Да, он в боях держался смело,
Но каждый раз, как в первый раз,
В нем все сжималось, холодело,
Лишь наступал сраженья час.

По травам, вверх от переправы,
Неслась в огонь морская часть.
И, прыгая через канавы,
Он думал только:
«Не упасть!»

Все проплывало, как в тумане,
Порой рвалась сознанья нить.
Увидев немца на кургане,
Он думал об одном:
«Убить!»

И, раньше всех прорвавшись к цели,
Два диска в схватке разрядив,
Он в теплый мох у старой ели
Упал и вслух промолвил:
— Жив!

Во рту горчило,
Было жарко...
Он вспомнил, что курил в логу,
И злобно выплюнул цигарку,
Изжеванную на бегу.

1943

КОНТР-АДМИРАЛ

Он был на катере, когда
Над плесом вспыхнула ракета.
Кругом не Волга — море льда,
И катер от облавы света
Не мог укрыться никуда.

Он был на катере, когда
За полночь мина борт пробила,
Через пробоины забила
В отсеки жирная вода.

Седой, в очках контр-адмирал
У щели смотровой стоял;
Когда рвалась броня стальная,
Он сам хватался за штурвал.

В протоки набивался лед
Сплошною серою громадой,—
Он говорил одно:
— Вперед!
Нас ждут причалы Сталинграда.—
И катер находил проход.

Враг вылез из прибрежных нор.
Контр-адмиралу доложили,
Что снова немцы борт пробили,
Из строя выведен мотор;

Что в днище два фонтана бьет,
Воды по пояс будет вскоре,
Что катер замедляет ход...
Контр-адмирал сказал:
— Вперед!
К рассвету фронт снарядов ждет,
Пробьемся на одном моторе.

Всему на свете вопреки
Шел катер,
Шел в изгиб реки
Сквозь лед, свинец, в огне орудий...
Держались твердо моряки,
Но моряки ведь тоже люди.

От пуль не скрыться никуда —
Стучали в борт, что град по крыше,
Лишь рубка — крепость,
Лишь туда
Не проникала смерть...
Тогда
Контр-адмирал из рубки вышел.

И вот на срезе — на краю —
Его увидели
Большого,
Давно знакомого, родного.
Все подтянулись, как в строю,
Хоть он не вымолвил ни слова.
Кто на ходу ни кинет взгляд —
Всем кажется: опять чернеют
На нем, как много лет назад,
И бескозырка и бушлат,
И за плечами ленты реют...

И вот он — дымный Сталинград.
Причал,
И ветлы зеленеют.

1942

ТЕЛЕГРАММА

Прямо с корабля, из-под огня
Посылает милый телеграммы:
        «Помни тчк люби меня
        зпт приезд не за горами».

Не успею разобрать одну —
Посылает срочную другую:
        «Жив здоров любимую жену
        обнимаю зпт целую».

День вожусь и ночью не засну,
Над секретом голову ломаю:
Тчк?..— наверно, про войну.
Зпт?..— убей, не понимаю.

Почтальон, наверное, учен.
Прямо на квартиру прибегаю,
Говорю:
— Товарищ почтальон,
Телеграмму вот не понимаю!

Подаю последнюю ему,
Прочитал старик, промолвил:
— Фу-ты!..
Ничего, молодка, не пойму,
Телеграф, наверное, напутал.

Что целует — каждый разберет.
Зпт, по-моему, на запад.
Мол, на запад двинулись, вперед...—
Я — домой, давай ответ царапать.

Значит, устояли морячки,
Повернули изверга, погнали!
Даже почтальонские очки
Мне какими-то родными стали.

На большом на розовом листе
Написала молнию такую:
    «Зпт любимый зпт
        жду с победой скорою целую».

1942

ХИЩНИКИ

В бою сложив четыре батальона,
Не убирая трупы в темноте,
Подняли немцы рваные знамена
На занятой, сожженной высоте.

Полотнища, как мертвые, висели,
И поутру, поднявшись от реки,
Почистить клювы вороны уселись
На острые торчащие древки.

Над бархатом с крестами, у дорог,
Бесстрастные и сытые, они
Сидели, словно маленькие боги,
Недвижны и черны, как головни.

1943

ПОЛЕ БОЯ

Над пшеницей стаи птиц,
Конопля с вороньим граем,
Свет без края, без границ —
Это полем называем.

Есть другое:
Рвы в пыли
Да огонь на суходоле,
Гром от неба до земли,
Стон и кровь...
А тоже — поле.

Можешь землю не пахать,
Не косить, не жать ты волен:
Будет цвесть и вызревать
Без тебя ржаное поле;

Ни на чей удел заказ
В нашей жизни не положен.
Но на поле боя должен,
Должен ты побыть хоть раз,

Испытать солдатский труд
Да поспать в корнях у ели,
И когда потоки льют,
И когда метут метели,

Чтоб по-новому любить
Все, чем с детства мы богаты,
Чтобы жизнью дорожить,
Знать ей цену,
Как солдаты.

1943

КАНАВА

Через сколько-то годов,
Проходя по вешним травам,
Ты увидишь в поле ров,
Нет, не ров — скорей, канаву,

Неширокую, в цветах,
Затерявшуюся где-то,
Справа — в соснах и кустах,
Слева — в сизых волнах света.

Хоть на вид она чиста —
Не ходи канавой босым.
Пусть трава сочна, густа —
Не коси, сломаешь косу.

Под дерном и ныне есть
Среди кашки и метелки
Гильзы рваные, и жесть,
И снарядные осколки.

В этом поле битва шла.
Кровь лилась, земля дымилась,
Рожь в свой срок не зацвела,
И трава не уродилась.

Над канавою постой,
Припади к равнине ухом,
Подыми патрон пустой,
Может, гром дойдет до слуха.

Может быть, еще огонь
В этой ржавчине таится,
Может быть, твоя ладонь
Жаждой мести загорится.

Не отец ли твой лежал
Здесь, с винтовкой и лопатой,
И не он ли тут сорвал
Рубчатый чехол с гранаты?

И не тот ли бугорок,
Став горой на поле боя,
Для тебя его сберег,
От свинца прикрыл собою?..

1943

МАТРОССКИЙ СЫН

Над синим заливом заняв поселок,
Спасли краснофлотцы мальчишку в плавнях.
В его глазах, когда-то веселых,
Увидели вспышки боев недавних.

— Как звать? — спросили.
Ответил: — Коля! —
А Коли дома у многих были,
И сироту рыбака в отряде
Усыновили и полюбили.

Большие и очень строгие дяди
Его, как могли, развлекать старались,
Смешно на губных гармошках играли,
Смешно, не по-взрослому, улыбались.

Устроили Колю в землянке связистов,
И с поля боя по телефону
Нередко от целых подразделений
Передавали ему поклоны.

Из выходов в тыл,
Из смелой разведки,
Как сыну ягоды с сенокоса,
Ему то пряники, то конфеты
В противогазах несли матросы.

И куклу и кошку достали где-то,
Но мальчик сурово сказал:
— Не играю! —
Тогда надарили ему зажигалок,
Трофейных ручек и пистолетов.

Сукно офицерское раздобыли,
Нашли портного в соседней части,
Старшинскую форму по росту сшили:
— Бери, сынок, да носи на счастье!

Мальчишка рос спокойный и сильный.
Но сколько бойцы его ни ласкали,
К нему уже не вернулось детство:
Он видел, как мать фашисты распяли.

Мой сын! Для тебя, как о лучшей школе,
Мечтаю о дружбе с матросским Колей,
Тебе бы понятней рассказы стали —
За что воевали мы,
Что отстояли.

И как тосковали мы все, бывало,
О вас, о родных —
О старых и малых,
И как мы рвались, рвались за врагами
На запад, чтоб встречу ускорить с вами.

1943

ПОСЛЕ БОЯ

Усталый, лежу на вершине скалистой,
Не шевелясь, замерев, лежу,
Земля не колеблется, небо чисто,
Прищурясь, в ясное небо гляжу.
Кузнечик возится у виска,
Песок на губах — не сдуваю песка.
Орел парит над моей головой...
А я живой!

Последний грохот предгорного боя
И дым по расщелинам разнесло,
И все зеленое, все голубое
Вдвойне засияло и расцвело.
Внизу среди скал и круглых озер
Мои друзья разложили костер.
Все живы, еще один выигран бой.
И я живой.

Орел все ниже, все ниже, ниже.
Лежу неподвижен. Затих. Застыл.
Уже рябоватые перья вижу
Его тупых распластанных крыл.
Все явственней шум, все уже круги,
Вот-вот налетит — глаза береги.
Темнеют когти и клюв кривой...
Но я живой.

Пропала вялость, исчезла усталость,
И я опять напрягаюсь весь:
Как тяжело в боях ни досталось,
А сила не тронута, крепость есть.

От сердца к пальцам прошел огонь,
Слежу за разбойником: «Ой, не тронь!
Узнаешь сейчас, поплатясь головой,
Что я живой».

1943

* * *

Назови меня именем светлым,
Чистым именем назови —
Донесется, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденья за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержи суховей,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повей.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую,
                    оживу.

1943

НОЧЬЮ В СТЕПИ

Так темно, хоть глаза коли,
Никаких огоньков вдали,
Будто мы с тобой на краю земли,—
Все дороги на нет сошли.

А мороз — не вздохнуть без слез.
А снега — до неба занос.
Отчего в метель ни луны, ни звезд,—
Тоже снегом ветер занес?

Если страшно, к моей груди
Хоть на миг один припади.
Нелегко в войну, но крепись, гляди —
Будет ясный день впереди.

Слышишь сердца стук под рукой.
И зачем тебе твой покой?
За тебя — горой,
За тобой — рекой:
Я люблю, потому такой.

1943

* * *

Дым, дым окрест,
Дым — не продохнуть,
И глаза ест,
И спирает грудь.

Будто сумерки в дому,
Сажа на стене.
Весь свет в дыму,
Вся земля в огне.

Но и здесь, на войне,
С горной высоты,
Ярче всех огней
Мне сияешь ты.

Дым, дым окрест,
Но в душе свет:
Нет таких мест,
Где тебя нет.

1943

РАССВЕТ

Сквозь стекла, и ветви акаций, и воздух
Я вижу гор фиолетовый очерк.
Уже померкли, потухли звезды,
Уже прошло обаяние ночи.

Замолкли цикады в кустах и травах,
Песок не скрипит, недвижны каштаны,
И вместо луны в облаках величавых
Одни туманы.
И только туманы.

Они ползут в ущельях зеленых,
В долины текут, как пенные реки,
Туманом покрыты горные склоны,
И кажется, дня не будет вовеки.

Но тронет акацию первый ветер,
И все начнет приходить в движенье,
Земля встрепенется в солнечном свете,
Откроет глаза!
Придет пробужденье!

1943

* * *

Жил я в доме у синих скал,
Жил, работал, время не тратил.
Поутру окно открывал,
Закрывал перед сном, на закате.

Нынче помню только одно:
Ты с горы, как с неба, сходила.
Я не смог затворить окно,
И пошло все не так, как было.

Был закат — занялся восход
На четыре стороны света,
Снова птицы снялись в полет,
Зашумел полуденник ветер.

Ожил лес, ожила вода.
Ты спускалась с горы по краю...
Будь я даже слепым —
И тогда
Я тебя увидел бы, знаю.

1943

* * *

Хмелит не бражный полдень, не вино.
Могу ль тобою, светлой, не гордиться?
В твое ветрам открытое окно
Глядится небо и не наглядится.

Пройдешь по снегу — и растает снег,
Шумят ручьи, побеги прорастают,
Черемухи у затененных рек
Перед тобою головы склоняют.

Смеяться станешь — зацветут цветы,
Взгрустнешь — росой покроются долины.
Вся — сказка ты,
Вся — сновиденье ты,
В сиянье дивном — вся запев былинный.

В какой бы дом далекий ни зашла,
Везде своя ты,
Всем равно родная.
Твоим друзьям под солнцем нет числа,
Поет весь лес, тебя, как день, встречая.

Кто мог услышать голос твой хоть раз,
В тяжелый час обрел твое участье
И заглянул в глубины синих глаз,
Тот знает радость,
Знает силу счастья.

Все небо светлым полымем полно,
В лесу лучится каждая вершина.
Ты и Россия для меня одно.
Любовь моя верна и нерушима.

1943—1944

* * *

Очень много солнечного света,
Над землей стоит голубизна.
Мнится мне: в сиянье разодета,
Изнутри земля освещена.

Над высоким берегом пушинка,
Как звезда далекая, плывет,
Солнцем смотрит каждая былинка,
Каждый камень, кажется, поет.

Мимо сосен, и дубов, и туи
С сизых скал срываются ключи,
Водопад — светящиеся струи,
Солнечные брызги и лучи.

Золотыми, зыбкими столбами
С облаками лес соединен.
Над морским раздольем,
Над песками
В миражах высокий небосклон.

Очень много солнечного света,
Будто счастьем все озарены.
Думаю:
                таким — зимою? летом? —
Будет окончание войны.

Заблестят слезинки на ресницах,
Флаги, флаги вскинутся вдали,
И в твоей улыбке отразится
Все сиянье неба и земли.

1943

РЕЧКА И ТРОПКА

Течет речка лугами,
Течет речка лесами.
Над ее берегами
Ивняк нависает.

На песок, к переправам
Опускаются птицы,
Чтоб побегать, поплавать
И водицы напиться.

Вьется речка, струится,
Мох вокруг да морошка.
Вместе с речкой змеится,
Вьется стежка-дорожка.

Все изгибы, изломы
За водой повторяет.
То темна, словно омут,
То под солнцем сияет.

Речка в реку вольется,
Тропка станет дорогой —
И пылит и несется
За водою широкой.

Море реку приветит,
Разнесет по раздолью,
Синим светом осветит,
Просолит своей солью.

А дорога вкруг моря
Ляжет с кручи на кручу.
Даже в этом просторе
Их никто не разлучит.

Полюблю — тропкой стану,
Буду мчаться дорогой
За рекою широкой,
За тобой — к океану.

1944

НЕ УМРУ

Когда я раненый лежал в пыли,
Страдая от удушливого жара,
Не отличая неба от земли,
Артиллерийских залпов от кошмара,

И ни стонать, ни говорить не мог,—
Тогда прямой, с пушистой желтизною
Откуда ни возьмись степной цветок
Виденьем детства встал передо мною.

Что я припомнил в этот миг?
Леса,
Деревни, в палисадниках рябину,
Под солнцем поле спелого овса
И матери натруженную спину...

Что я услышал?
Дробный стук колес,
Крик петуха на просмоленной крыше,
Шум светлых сосен и жужжанье ос,
Раздольный звон бубенчиков услышал...

Ах, родина, лесная сторона!
Как все стократ для сердца стало мило —
Брусника в чащах,
Рек голубизна,—
Война все чувства наши обострила.

Просторны тесом крытые дворы,
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!

Моторы в сизых ельниках стучат,
Плывет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.

А сколько зверя, сколько птиц в бору...
И потому, что все перед глазами,
Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!

1943

ШТОРМ

Ветер который день не стихает,
Верно, такой никогда не дул,—
Камни ворочает,
Землю качает,
Не умолкает над морем гул.

Волны о берег скалистый бьются
И подымаются на дыбы,
Будто глубинные бомбы рвутся —
Пенные к небу летят столбы.

Голы холмы, и деревья голы,
На небе тучи, как черный чад,
Словно и там аулы, и села,
И города родные горят.

Только китам под стать это море.
Рыбы — в глубинах, птиц — ни души...
Слава же тем, кто умеет спорить
С бурями на море.
Слава большим!

Слава — кому ураган не страшен,
Кряжу скалистому — тверд гранит!
Слава таким державам, как наша:
Землю качает — она стоит!

1944

В КРЫМУ

Земля тосковала по русской речи,
Два года была в огне и в дыму.
Враги, все живое перекалечив,
Учили ее языку своему.

Но грянул суд.
Расстреляв дозоры,
Мы закрепились на берегу,
И, боже мой, как засияли горы,
Какой по ущельям понесся гул!

Горячий песок скрипит под ногами,
Вода в борта корабельные бьет.
Земля, что лежит еще за холмами,
Зовет нас к себе, торопит вперед.

По желтому скату,
По кочкам зеленым
Бегу к родниковой воде во рву,
Как на свиданье мальчик влюбленный,
И падаю, радуясь, на траву.

Все необычно, для сердца ново —
От серых долин до сизых высот.
И ветер каждое наше слово,
Как откровение, вдаль несет.

Поднявшись в рост на камне лобастом,
Приветствую:
«Здравствуй, родная земля!»
И горы мне отвечают:
«Здравствуй!»
И низко склоняются тополя.

Кричу в озаренные днем просторы,
Напоминаю родные слова:
«Огонь!»
«Огонь!» — отзываются горы.
«Москва!» — кричу.
Повторяют:
«Москва!»

Земля моя,
В гальках, в зеленых росах,
Расправь свои плечи, живи, цвети!
Ты — наша.
Мы снова с тобой — матросы,
Да разве могли мы к тебе не прийти!

Уже из пещер, из ущелий и гротов
Выходит на солнце родной народ.
«Вперед!» — кричат моряки и пехота.
И горы, как гром, повторяют:
«Вперед!»

1944

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ

Над Малой землею красный флаг,
Далеко сегодня разбитый враг.

Вхожу на землю на Малую,
На талую,
В боях бывалую.

Это не остров:
Земля узка —
Кусочек травы, полоска песка,
Израненный локоть материка.

И не поселок, не город она.
Станичка была — огнем сметена.
На ровной поляне щепа одна.

Границы траншеями обведены.
Пять линий окопов в рост глубины.
Пять линий окопов,
Короткие тропы,
Разбитые крылья
И ржавые стропы.

Завалов
петля
Две земли разделяла.
О Малой
Большая земля тосковала.

Но Малой земли уже нет давно,
С Большою слили ее в одно,
И я не увижу ее никогда:
Спокойно о берег плещет вода.

Я был в Ленинграде,
Потом в Сталинград
Война меня бросила: я солдат.
А жаль, что я не на каждый порог
Как вестник свободы явиться мог.

Земли обездоленной каждую пядь
Хотелось бы мне самому вызволять.
И видеть хочется всей душой:
Сольются — настанет же день такой! —
Все Малые земли с нашей Большой,
Как малые реки с большой рекой.

1944

ОСИНА

Осина ты, осина,
Проклятая лесина:
Гнилая сердцевина,
Тряпье — не древесина.

Дрожишь, как дунет ветер,
Краснеешь с первой стужей,
И нет на целом свете
Тебя, осина, хуже.

Под рельсы не положишь,
Хоромы не построишь.
Копейку, не дороже,
И в лютый холод стоишь.

Дрова хоть и сухие,
Да все одно плохие:
Ни пламени, ни жару,
Ни угля к самовару.

Но хоть один покуда
На свете есть иуда —
Нужны под небом синим
Русские осины.

1944—1945

* * *

Каждый год весна как чудо,
Но такая в первый раз.
Словно ветры отовсюду,
Новизна пьянила нас.

Соков раннее движенье
Вдруг ускорила гроза,
И, как в первый день творенья,
Солнце вскинуло глаза.

Вся земля пропахла бором
Да травою луговой,
Переполнились озера
За селом водой живой,

За ночь выгнало побеги...
Долгожданный грянул час:
О победе, о победе
Весть, как песня, разнеслась.

Как на праздник, все селенье
С песней вышло на поля.
Словно в первый день творенья,
Приняла зерно земля.

1945

СОРОК ПЕРВЫЙ ГОД

В голых сучьях стылый звон.
По ледку стучит телега,
Выпал снег,
Бело от снега,
А еще не убран лен.

У несжатой полосы
Даже ветер стоном стонет,
И с тоскою смотрят кони
На продрогшие овсы.

Ни одной души в домах,
Старикам сидеть нет мочи:
В полушубках и в пимах
Люди жнут с утра до ночи.

Руки мерзнут — малыши
Надевают рукавицы.
Не спешат с отлетом птицы:
Зерна в поле хороши.

Снег, и солнце, и серпы
Всем слепят глаза до боли.
На снегу лежат снопы —
Не уходят куры с поля.

Не смиренье — сжатый рот,
Даже вздох — с ожесточеньем...

Ранний холод.
Отступленье.
Трудный сорок первый год...

1945

ХОЗЯЕВА

Ребятишки слушают урок,
Удивленно вскинуты ресницы,
Будто вдруг раздался потолок
И кружат над партами жар-птицы.

Карандаш цветной засунув в рот,
Девочка сидит — не шелохнется.
Мальчик рядом с нею то вздохнет,
То счастливым смехом засмеется.

Карте школьной тесно на стене.
Костылем по ней учитель водит.
Говорит он о родной стране:
О горах, с которых снег не сходит,

О краях, в которых нет зимы,
О земле, где не бывает лета,
Где в медвежьи шубы и в пимы
Даже в мае детвора одета.

Говорит о северных ночах —
От рассказов вьюжным ветром веет.
Гимнастерка на его плечах
Вологодской хвоей зеленеет.

Он за земли эти воевал,—
Вся шинель осколками пробита,
Каждый куст от немцев защищал,
Каждый куст ему служил защитой.

В Ленинграде мучила цинга,
На Кавказе малярия била.
Горный Крым,
Карельские снега
Молодость его исколесила.

Зверем в дебрях,
Золотом в горах,
Рыбою в морях страна богата...

Слушают учителя ребята —
Жажда ненасытная в глазах.

Напрягая память, морща лбы,
Замерли, скрестив босые ноги.
Видятся им дальние дороги,
В небо уходящие столбы.

Дым войны, над фабриками чад...
Подрастут — родимый край подымут,
Власть над недрами земными примут,
Ветры, водопады приручат,

Верно, будут на Луну летать —
Время сказкам былью становиться...

Реют, реют над столами птицы
Золотые — глаз не оторвать!

1941—1945

ДАЛЕКИЕ ПОХОДЫ

Желтые дороженьки,
Далекие походы.
Ноженьки вы, ноженьки,
Ботинки-скороходы!

Дубленые, солдатские,—
Шнурки в пыли багровой,
Подошвы ленинградские,
Уральские подковы.

Низы, лощины грязные,
Болото на болоте,
Завалы непролазные,—
А вы себе идете!

А вы себе шагаете
И удержу не знаете,
И горы вам не горы,
Озера не озера.

Дорог и троп исхожено —
Самим не надивиться!
Но нам было положено
Пройти по заграницам.

Над Польшей, над Румынией
Все шире небо синее.
Встречали нас со славою
Юнаки Югославии...

Пылят, пылят дороженьки,
Шумят речные воды.
Ах, ноженьки вы, ноженьки,
Ботинки-скороходы!

Суконные обмотки,
Железные подметки!
Земля вовек не видела
Уверенней походки.

1945

СОЛДАТСКОЙ МАТЕРИ

Евдокии Григорьевне, моей матери

Нет, не вернется мой брат с войны.
Что нашей матери в горе поможет?
Может, слова совсем не нужны,
Просто поплакать лучше, быть может?

Дружен, широк был семейный стол,
Правильной жизнью жили ребята.
Мама! Ты знаешь, за что он шел
И почему стал храбрым солдатом?

Легкого счастья на свете нет,
Все окупается потом, кровью.
Пусть в твоем сердце не гаснет свет,
Не оскудеет душа любовью.

Имя тебе — солдатская мать.
Слезы и боль с тобой разделяя,
Знаю, как трудно сына не ждать,
Верю и в силу твою, родная.

Перед бедой не согнем спины.
Вспять не пойдут широкие реки.
Русская ты...
И твои сыны
Крепостью родины будут вовеки.

1946

ВРЕМЯ ЛЮБВИ

Листья гремят под ногой, как жесть,
В голый березник спустилось небо,
Клюква поспела, брусника есть,
И закрома не вмещают хлеба.

Золотом вся земля устлана,
Кажется, сосны и те пожелтели,
Желтой соломы гора у гумна —
Лучше для отдыха нет постели.

Пальцы твои черны от грибов.
Сколько корзин мы за день набрали?
Нет, не молчали мы,
Но про любовь
Так ни словечка и не сказали.

Разве весна лишь время любви?
Глаз от тебя отвести не могу я.
Губы твои в брусничной крови —
Не удержаться от поцелуя.

Как мне назвать тебя — ясный свет?
Хочешь, казни меня,
Хочешь, милуй:
Верно, чего только осенью нет,
Но для чего богатство без милой?

1944

ОСЕНЬ-КРАСАВИЦА

Осень-красавица вышла в леса.
Разве видать горожанам такую?
Кружится около ног лиса,
Над головой косачи токуют.

Из раззолоченных листьев наряд,
По сарафану оборки и стежки,
Красные клены — расшитый плат,
Гроздья рябины — в ушах сережки.

Ходит красавица в березняке
В желтых сапожках — мягка дорога! —
С желтой корзинкою на руке:
В роще грибов и брусники много.

Что ей теперь, озорной, не гулять,
Что не плясать ей?
Посеяно, сжато...
Только и дела, что ягоды брать,
Грузди солить да чистить маслята.

К озеру выйдет, махнет рукой —
Утки с воды летят в поднебесье,
Волны шумят,
А махнет другой —
Даль огласят журавлиные песни.

Что за походка!
А смех! А пляс!
Сколько в глазах голубых простора!
Где еще есть на земле, как у нас,
В золоте реки, в рябинах озера?!

1944

ДЕРЕВНЯ БЛУДНОВО

Хвойными иглами занесло
Заблудившееся село.

Зашел охотник в бор глухой
И заблудился
И решил,
Что это леший-лесовой
Его в суземах закружил

И водит — старая лиса.
Но в хвое парень увидал —
Мелькает девичья коса,
А не седая борода.

То опереньем косача,
То светом вспыхнет впереди,
Иль щеку тронет, щекоча...
Не страх — огонь растет в груди.

Бродил охотник целый день,
Устал, а нет назад пути,
Ни рысь, ни северный олень
Не помогли тропы найти.

Куда ни кинется — обман:
Все та же грива, речка, бор,
Налево — зыбуны, туман,
Направо — синий свет озер.

И под конец, когда устал,—
Прилег, разжег костер.
И вдруг
Лесной царевны услыхал
Лукавый голос:
— Слушай!.. Друг!..

А у нее коса до пят,
В кокошнике лучи горят,
Узорный — в елочку — наряд
И озорной девичий взгляд...

— Послушай, что тебе скажу:
Здесь я одна — и власть и суд,
Не леший — я тебя вожу,
Останься жить в моем лесу.

Войди в сузем под мой навес.
В трущобе человека нет,
А без него и лес — не лес,
Без человека свет — не свет.

Как быть?
А жар растет в груди...
А день к концу...
И поутру
Медведь венчал, сохач кадил,
И пир гремел во всем бору.

Так на царевне на лесной
Женился мой земляк,
И вот,
Где раньше был сосняк сплошной —
Рожь колосится, лен цветет;

Где он блуждал и жег смолье
И меж корней ложился спать —
Деревня выросла.
Ее
Блуднóвым люди стали звать.

Друзьям у нас в дому почет,
Для недругов закрыта дверь.
А в жилах наших и теперь
Лесной царевны кровь течет.

1944
Деревня Блудново,
Вологодской области

ХМЕЛЬ

Миновали дни страды.
Было попито воды!
Кто осудит раз в году
Пиво-брагу на меду?!

По деревне ходит хмель:
Под ногами пыль-метель,
Шелком шитая рубаха —
По подолу канитель.

Ходит важно, ходит гордо,
Хоть и горд, а не спесив,
На ногах стоит нетвердо,
Но зато медоречив.

К палисаду прислонился,
Песню-складку затянул,
К молодице прицепился
И старушке подмигнул.

— У меня во флоте сын,
У меня в пехоте сын.
Дома бабы,— я над ними
Генерал и господин.

В сарафане ходит хмель:
По плечам — косы кудель,
Широченные воланы —
Золотая карусель,

Молодица под хмельком
Расшалилась с пареньком,
Расшалилась, раздурилась —
Что за грех, скажи на милость!

— Ходит хата, ходит печь,
Заводи, гармошка, речь!
Топну раз — цветы раскину,
Топну два — косынка с плеч...

Из конца села в конец
С песней бродит молодец.
Жеребец прошел в упряжке —
Захлебнулся бубенец.

— Председателю правленья
Мой почет!
— Мое почтенье!
— Как живем?
— Куда с добром:
Целый день без году пьем.

Загуляла молодежь,
Потому что хлеб хорош,
Ну, а мы по-стариковски
Пьем за здорово живешь.

Ходит, ходит, ходит хмель,
Из-под ног пылит метель,
У ограды засыпают
Два Ивана, пять Емель...

1944

* * *

Ночка лунная светла,
Тишина в конце села.
Материнские запреты
Девушка с души сняла.

Но слепа у нас луна,
Не заметила она:
Света лунного бледнее
Девушка была бледна.

То дрожала, как в ненастье,
То смеялась без ума,
А от страха иль от счастья —
Не сказала б и сама.

1944

ОТПУСКНИК

Отпуск дали от войны
Лишь на три недели.
До родимой стороны
Он добрался еле.

Как завидел речку, лес,
Сердце защемило:
До чего ж покойно здесь!
Все как в детстве было!

Он решил, что о войне
Вспоминать не будет,
Отоспится в тишине,—
Кто бойца осудит?

Но соседи в тот же день
Встретились на сходке,
Из соседних деревень
Подошли молодки.

И, развесив на стене
Карту полушарий,
До полночи о войне
Вел беседу парень.

На заре второго дня,
Только встал с постели,
Подают ему коня
Из другой артели.

А потом в райком и в рик,
В школах тоже встречи...
Все хотят, чтоб фронтовик
С ними пробыл вечер.

В сельсовете пленум шел.
Едут за солдатом:
— Хоть на часик сядь за стол,
Будешь делегатом.

Приглашали — исправлял
Мельницы ручные,
Сотни писем написал
В почты полевые.

Да случилось под конец —
Как? — и сам дивился,—
В Зою Павловну боец,
В доктора, влюбился.

Походили по лесам,
Постреляли уток.
Не по дням, не по часам
Жили — по минутам.

И минуты сочтены...
И шутили люди:
— От любви, не от войны,
Отпуска не будет!

1944—1945

НА СЕНОКОСЕ

Сено высохло. Гребли,
Торопились, как могли,
Торопились, уморились,—
По щекам ручьи текли.

Надвигалась из-за леса
Грозовая дымзавеса.
Появились ветерки,
Завивались вихорьки.

Дождь нагрянет, сено смочит —
Не кажись домой с бедой.
Кто приход дождя отсрочит?
Кто заведует водой?

Бригадиру нет покоя,
С темных туч не сводит глаз:
«Хорошо бы за рекою
Задержать грозу на час.
Все правленье,
Все селенье
Положилися на нас».

Но в бригаде был малец.
Молодец-то молодец,
Да годков ему двенадцать,—
Где за взрослыми угнаться.
А отстать или присесть
Он не может — гордость есть.

У него свое желанье.
Шепчет, словно заклинанье:
— Поскорее, дождик, лей,

Поскорей, повеселей,
Хоть не крупный, не проносный,
Догребли бы сено после!

Дождь не долго собирался,
Но пока огонь сверкал,
Бригадир не растерялся —
Сено свежее убрал.

На привале, пообедав,
Отдыхая без помех,
Люди хвастались победой,
А мальчонка... больше всех.

1945

ПО РУКАМ ПОШЛА КРАСАВИЦА

По рукам пошла красавица.
Плачет мать порой ночной:
Неохота худославиться
Из-за дочери родной.

Третий раз была, бедовая,
Честь по чести отдана
И опять живет не вдовая
И не мужняя жена.

На войну ссылаться нечего,
Что осталась без семьи,—
Не сама ли искалечила
Годы лучшие свои?

По селу идет красавица,
И шаги ее легки.
За спиною ухмыляются
Озорные пареньки.

Бабы судят речью строгою,
Старики усы едят,
Дома пристально, с тревогою
Дочерям в глаза глядят.

Молча девушки сторонятся,
Ей руки не подают,
И молодки не поклонятся —
Не считают за свою.

По селу идет красавица,
Развевается коса,
И надменно улыбаются
Отпетые глаза.

1944—1967

МИХАИЛУ ПРИШВИНУ

1. Сосновая грива

Бор как озеро в разливе,
Избы хвоей занесло.
На юру крутом, на гриве
Наше дивное село.

Дикий хмель и можжевельник,
Сенокосы с двух сторон.
Солнцем даже темный ельник
В заовражье озарен.

В теплой зелени дороги,
В ручейках пологий скат,
И везде, стройны и строги,
Сосны светлые в обхват.

Не руками пусть, так песней,
А без песен не живем,
Мы до звезд, до поднебесья
С нашей гривы достаем.

1945

2. Величальная

Не сломалась моя рогатина,
И на праздничный круглый стол
С волокнистою медвежатиной
Подает хозяйка котел.

Храбрецу поют величальную.
Что ж, по рюмке за храбреца!
Но потом по стакану чайному
За умелого кузнеца!

Расстаюсь, не скупясь, со шкурою —
Пусть лежит у его стола:
Не свалить бы мне нынче бурого,
Если б сталь не прочна была.

1946

* * *

Да, дни твои не будничны, не серы,
И свет идет от твоего лица,
Живешь легко, ни в чем не знаешь меры,
То слезы льешь, то песням нет конца.

В лес заберешься, птичьим трелям вторя,
Самой назад дороги не найти.
Домой везешь цветные гальки с моря,
А чемодан теряешь по пути.

И в радостях и в горе непритворна.
Люблю твой взгляд, и смех, и почерк твой.
Вся сказка ты, вся песня ты, бесспорно...
Но до чего ж мне трудно жить с тобой.

1945

* * *

Пожелай — и останусь навеки
Чабаном на твоем берегу,
Полюблю эти шумные реки,
Эти синие горы в снегу.

Согласись — и в лесные просторы,
В глухариные дебри умчу.
Где-нибудь на Двине, на Печоре
Сам избу для тебя сколочу.

Раем будет мне ельник дремучий...
Хочешь, место сама выбирай.
Но решись, не молчи, не мучай,
Хоть чего-нибудь пожелай.

1945

* * *

Что-то есть в тебе очень хорошее.
На цветной сарафан гляжу,
Словно в юности, по некошеным,
По заречным лугам хожу.

Золотинки в глазах с поволокою
Под изломом хвойных бровей.
В задушевном неспешном оканье
Токование тетеревей.

Очень свежие, очень милые
Губ приподнятые уголки.
Вологодскою веет силою
От большой без колец руки.

Под окошком проходишь — рослая...
По душе мне такая стать.
Поглядеть на тебя, светлокосая,
Как на родине побывать.

1945

* * *

Если б ты в реку упала,
Я бы достал со дна,
Мне и морского вала
Сутемень не страшна.

Если б в тайгу, в берлогу
Зверь тебя уволок,
Я бы нашел дорогу
Даже из ста дорог.

К девятиглавому змею
Я бы просек пути,
Даже из рук Кащея
Смог бы тебя спасти...

В реку ты не упала —
Тут ни при чем вода:
В сердце ты мне запала.
Мне — не тебе беда.

И глубоки ли реки!
Сердце не им под стать:
С этого дна вовеки
Мне тебя не достать.

1945

* * *

Опять не пришла. Не под силу мне.
Дышать скоро будет нечем.
Уж я ли не ждал, не торчал в окне
Меж двух косяков весь вечер!

Да, ветер дул и дождь моросил...
Но, если б ты из дому вышла,
Наверное, вечер бы слез не лил,
Дорога бы не раскисла.

И если б сегодня встретились мы,
Такое бы совершилось,
Что, может, и не было б вовсе тьмы
И солнце бы не садилось!

1945—1946

* * *

Я тебя не хочу встречать.
Я тебя не хочу любить.
Легче воду всю жизнь качать,
На дороге камни дробить.

Лучше жить в глуши, в шалаше,
Там хоть знаешь наверняка,
Почему тяжело на душе,
Отчего находит тоска.

Буду лес вековой рубить,
В мозглой тундре топи гатить...
Я тебя не хочу любить.
Как же мне тебя позабыть?!

1945—1946

* * *

Скрутит тебя любовь,
Пальцы сожмет на горле —
Не беспокой докторов:
Есть лечебные корни.

На волоках ищи,
В заводях незнакомых,
В хвойной грибной глуши,
В травах и буреломах.

С лайкой, с дробовиком
Рыскай вдали от дома,
Чтоб беспробудным сном
Спать потом на соломе,

Море переплыви,
Исколеси отроги,
Ноги в кровь изорви...
Дальние дороги
Вылечат от любви.

Но не болезнь любовь:
Плачут, когда болеют,
Губы кусают в кровь,
Вылечатся — жалеют.

1946

ВСЕ РАССКАЖИ

Все расскажи ей, хоть и страшно,
Когда признаешься в любви,
Об увлечениях вчерашних,—
Припомни все и назови.

О неприглядном, о случайном
Сказать не сможешь — напиши,
Чтоб недомолвками и тайной
Не бередить ее души.

Увидит, слезы осушая,
Чем жизнь твоя озарена,
Что настоящая, большая
Любовь, как подвиг,— вот она!

И как живой воды пригубит,
Иль словно крылья отрастут.
А если примет, значит, любит,
В твою поверит чистоту.

1946

* * *

И что из того, что уходят года
И не было в жизни спокойного дня,
Что стали страшить дожди, холода!
Как солнечный свет, как живая вода
Твоя любовь для меня.

А горе бывало так велико —
Размолвки, обиды давили грудь...
Но как это все теперь далеко!
Да разве живая вода легко
Давалась кому-нибудь?!

1946

О ДРУЖБЕ

Печальна участь одинокого,
А нелюдимого — вдвойне
Во время странствия далекого,
В дни испытаний,
На войне.

Пусть радости необычайные
К тебе вдруг хлынут на порог —
Покажется еще печальнее,
Что ты друзей нажить не смог.

Все не под силу:
Дом не выстроить,
Хорошей песни не сложить,
В нужде и в горе дня не выстоять —
Как без друзей на свете жить?

1944—1946

Романтики

1946 - 1956

ЭЛЕВАТОР

Он, как скала, в степи стоит,
Вся степь вокруг видна.
Пшеница на холмах шумит,
И на него, как на гранит,
Надеется она.

Церквушку сгорбили века —
По купола в земле.
А он с осанкой маяка
И входит — солнцем в облака —
В пейзаж родных полей.

Лишь раз в предзимье примет о
Поток машин, подвод —
А поезда со всех сторон
За хлебом, словно на поклон,
К нему идут весь год.

Ночами от его огней
Светло в краях глухих.
Что непогодь такой броне?
Немало крепостей в стране,
И он — одна из них.

1946

КОНЮХ

От махорки лампы гаснут,
Не курить — терпенья нет.
Стол накрыт отрезом красным,
Над столом вождя портрет.

Торжеству большому рады,
Стар и млад пришли на сход:
За великий труд
народ
Получал награды.

Люди будто не в артели —
На скамейках, на полу,—
А в Москве, в Кремле сидели.
Молодые чуть не пели,
Подходя к столу.

Присягая на все годы,
Каждый четко, как солдат,
Говорил:
— Служу народу! —
И садился в первый ряд.

От волнения сквозь слезы
У молодки у одной
Вырвалось не как должно:
— Служим нашему колхозу! —
Ей шепнули:
— Все одно!

Только конюх, рыжий дед,
Не сказал ни «да», ни «нет».

Огорчил старик людей:
Раз тебе награду дали,
Должен молвить —
Про себя ли
Или что про лошадей...
Может быть, одной медали
Мало этой бороде?

— Приколоть к рубахе надо! —
Зашептали деду все,—
Аль не по сердцу награда? —
Но старик не поднял взгляда.
— Ничего! — сказал.
И сел.

Многим даже стало жаль,
Что пришла ему медаль.

А потом, когда с собранья
Вышел конюх, как из бани,
Мокрый весь,—
Никто в ограде
В темноте не разглядел,
Как он бороду разгладил,
Как на грудь медаль приладил,
Как он вдруг помолодел.

Не домой пошел — в конюшню,
С лошадьми поговорить.
Кстати, пару непослушных
Случай выпал пристыдить.

Кони радостно заржали
И, вглядевшись в полутьму,
По всему, из-за медали
Головами закивали,
Как бы кланяясь ему.

Он сказал им:
— То-то вот!
И меня народ отметил,
Заодно и вам почет.
Я гляжу, на этом свете
Честный труд не пропадет.

Вдоль конюшни от порога,
Как вдоль строя генерал,
Он шагал, хозяин строгий,
Лошадей журил, трепал,
Крупы гладил, гривы трогал
И для каждой хоть немного
Хоть два слова, да сказал.

Сосунок, еще без толку,
Маленький, как горбунок,
Мокрой мордой ткнулся в бок.
Он схватил его за челку:
— Признаешь теперь, сынок?

Напоследок ярового
Всем засыпал.
— Ешьте всыть!
Чур, меня не подводить,
Поутру за дело снова —
Вам за конюха такого
Бога надобно молить!

1947

ПЕРВЫЕ СТИХИ

— Начинайте! — приказал начальник,
Высадившись на берег с отрядом.
На костер поставлен первый чайник.
Первый груз немудрый сложен рядом.

Первая раскинута палатка,
Первая проторена тропинка.
Врезалась железная лопатка
В глубину прохладного суглинка.

Далеко внизу осталась Волга,
Катерок под соснами качало.
Первого рабочего поселка
На горе положено начало.

Где-то отгружались пилорамы,
Шли водой бульдозеры и краны,
Тысячи машин не за горами;
Создавались чертежи и планы.

А пока — топор да рукавицы,
Сухари да рыбные консервы...
И кругом непуганые птицы.
Всходит солнце...
День творенья первый.

Ночью в недостроенном бараке
Плотник — сам себе на удивленье —
На чертежной написал бумаге
Первое свое стихотворенье,
Первое о стройке сочиненье.

Рифмы шли из будущего сами,
Парень не выдумывал:
Плотина...

Котлован...
Портальный кран...
Турбина...
Электричество над Жигулями.

Ничего пусть не было покуда,
Но вставала стройка как живая,
Явью вдохновенной, а не чудом,
С первых дней к поэзии взывая.

1951

РОМАНТИК

Юноша, окончив ФЗО,
Получил на Волгу направленье.
Провожала вся семья его,
Девушки смотрели со значеньем.

Говорили сверстники:
— Везет,
И везет же человеку в жизни!
Чуть из школьных вырвался ворот,
И уже — на стройку коммунизма!..

Берег в грузах, да сосняк густой.
Только начинается работа...
Ехал каменщик на гидрострой
И на мир смотрел, как с самолета.

Думал сразу бригадиром стать...
Дали парню самое простое:
Глину рыть да кирпичи таскать,—
Как везде, жилье сначала строить.

Комары, камыш береговой...
Первый тракт в лесах едва проторен.
А хотелось написать домой
О дворцах,
о чудесах,
о море.

Будет все!
Но нет терпенья ждать.
И в обед, устроившись под елкой,
Начинает паренек писать
О звенящих проводах над Волгой.

...Раздались седые Жигули,
Раскаленная вода клокочет,
Дня уже не отличить от ночи,
Вздыбленного неба от земли...
Он иначе и писать не хочет.

Сам поверил, срокам вопреки,
Что уже кладут бетон в быки,
Под ногами море заблистало,
И вода соленой будто стала...

Так, бывало, хлопец в дни войны
Видит героические сны
И, еще не испытав боев,
Как бывалый воин сообщает,
Что все дни в походах,
Жив-здоров
И, как должно, всем того желает.

1951

УЧЕТЧИЦА НА ЛЬДУ

Кажется, что трескаются горы,
До того погода холодна.
Из кабин не выходя, шоферы
Сыплют камень в прорубь.
А она
Реечкой ведет промерку дна.

И один кричит ей:
— Героиня,
Подними повыше воротник
Да смахни с лица колючий иней! —
Героиней окрестил шутник.

Никуда не деться от поземки,
Ветер все живое леденит,
Наступают хмурые потемки —
Девушка с тетрадкою стоит.

Валенки, платок и полушубок,
Даже брови снег запорошил,
Пальцы пишут, но застыли губы:
Думать можно,
Говорить нет сил.

Трудно шоферам на гидрострое —
Вдруг осядет под машиной лед!
Вот они действительно герои,
Дружный и выносливый народ!

Знатные — со стажем и уменьем.
А она пришла почти ни с чем...
С удивленьем,

С гордостью,
С почтеньем
Девушка относится ко всем.

Журналист подъехал на машине
И, на льду увидев самосвал,
Посидел с водителем в кабине,
Что-то в свой блокнотик записал.

Отгородим перемычкой воду,
Да умолкнут взрывы на горах,
И расскажет он всему народу
О подрывниках, о мастерах...

Холодно.
Невмоготу моторам.
А на льду мороз вдвойне остер.
Реже стали прибывать шоферы,
Разложили плотники костер,

Все геологи пошли погреться...
Ну, а ей-то можно иль нельзя?..

Завистью не тронутое сердце,
Ясные и чистые глаза!..

1951

ВЗРЫВ

Проходчики встали рано.
Над Волгой темным-темно,
Созвездье большого крана
Еще смотрело в окно.

Лишь где-то очень далеко,
За линией хвойных круч,
Затеплился свет
Намеком
На первый солнечный луч.

Да резче вершины чащи
Отметили высоту,
Да голосистей и чаще
Запели гудки в порту.

Недавним бойцам не в диво
Гранит пробивать насквозь,—
Такие ль на фронте взрывы
Устраивать довелось,

В таких ли горах! Однако
Уже не первую ночь.
Как будто перед атакой,
Ребятам заснуть невмочь.

И все-таки не гадали,
Что все последние дни,
Как праздника, взрыва ждали
Не только они одни.

И что впереди саперов
К подножью издалека
Примчат из кино репортеры
На крытых грузовиках.

И вот над леском сосновым
Луч солнечный засиял,
Вот подал старшой —
Не словом,
А взмахом руки — сигнал.

И, как при землетрясенье,
Пошла оседать гора...
Не выдержав напряженья,
Вскричали друзья:
— Ура!

— Ура! — закричали рядом
Шоферы, подрывники,
Как будто под Сталинградом,
Когда бросались в штыки.
— Ура! — подхватил с восторгом,
Как песню, начальник сам;
— Ура! — пронеслось над Волгой,
За Волгой
И по лесам.

И верилось, до столицы
Раскаты басов дошли,
До самой дальней границы,
До всех уголков земли.

1951

В ГОСТЯХ У СЫНА

Что ни месяц — деньги от сынка:
Сотнями со стройки переводит,
И старик гордится на народе.
Все же навестить бы паренька,

Посмотреть бы, как дела идут.
Голове недолго закружиться:
Не успел мальчишка опериться,
ФЗО — еще не институт...

И как только новый перевод
Поступил от сына,
Он — в дорогу.
Ночь не спал, перемогал тревогу:
Вдруг сынок неправильно живет?..

— Вы к кому? — спросили в проходной.
— К Сомову.
— Вы кто ему?
— Родитель.
— У него сегодня выходной,
В общежитье, в клубе поищите.

Дали адрес и проводника.
Зря, наверно, старый волновался!
Наконец он разыскал сынка.
— Здравствуй, Ваня,
Вот к тебе собрался...

Видный стал парнишка —
В пиджаке,
В вышитой украинской рубашке,
Часики «Победа» на руке,
Авторучка на груди в кармашке.

Прежней меркой лучше и не мерь,
Смотрит прямо,
С виду стал постарше...
— Так в каких же ты чинах теперь? —
Сын ответил:
— Я электросварщик.

Хорошо, что выходной денек —
Можно только гостем заниматься!
Посудите, разве Ваня мог
Перед батькой не покрасоваться!

Пропуск на строительство достал —
Лучше не придумаешь подарка! —
И давай водить по всем местам,
Где в три смены шла электросварка.

Подобрал зажим и электрод,
Будто грифель школьный рисовальный,
Показал отцу, как швы кладет —
Потолочный и горизонтальный.

Мимо шла гурьбою молодежь,
Словно с заседанья иль с ученья,
К Ване все относятся с почтеньем:
— Здравствуй, Сомов!
— Сомов, как живешь?

Только мастер Ваню пожурил:
— Что-то я тебя не понимаю,
Почему костюма не сменил?
Сын ответил:
— Я же отдыхаю.

«Одыхает!..
Пот уже с лица —
Швы кладет, меняет электроды.
Вот что значит трудовой породы!
Нет, такой не подведет отца...»

Гость об этом, правда, умолчал,
Но когда вернулись на ночевку,
В первый раз, преодолев неловкость,
Он сынка по отчеству назвал.

— Мать сказать просила:
Хорошо,
Что родителей не забываешь,
Письма пишешь, деньги посылаешь.
Будет лишек —
посылай еще...

1951

В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

По поселку в выходной
Шли под ручку муж с женой,
У нее вся грудь в медалях,
А у мужа ни одной.

Отовсюду: «Что такое?!» —
Восклицания слышны.
За сословие мужское
Стар и млад оскорблены.

— Что ж ты, брат Фома-Ерема,
Женка верх во всем берет!
Уж сидел бы лучше дома,
Не казался на народ.

Ребятишки зубы точат,
Просто ходу не дают,
Старики и те хохочут,
Чуть поддайся — засмеют.

— Постыдись! —шумят одни.—
Поскорей домой сверни!
— Подтянись! — кричат другие.—
Не срами своей родни!

И, до смерти смущена,
Тычет мужа в бок жена:
— Я ль тебе не говорила,
Надевал бы ордена!

Но резон у мужа свой.
Шепчет:
— Тихо, Катерина!
Так нагляднее картина,
Пусть любуются тобой!..

1951

ПЛОТНИК

Для начала рассвело
Где-то в небе, на вершинах,
На высотах на орлиных,
В скалах ломких, как стекло,
А потом уже в долинах,
В рощах, в селах —
И пошло!

С ветерком откинув тень,
Улыбнулась солнцу Волга,
На строительстве поселка
Начался рабочий день.

Старый плотник принимал
Для бригады пополненье.
— Покажи-ка назначенье.
Что ты, братец, ростом мал?
Говоришь, прошел ученье?
Говоришь, на «пять» сдавал?
Поглядим...
Откуда вы?

И, поднявшись с места, трое
К старику шагнули строем.
— С Дона!
— С Камы!
— Из Москвы!
— Стало быть, со всех концов.
Что ж, проверим молодцов.

— Есть еще в конторе друг,—
Досказал один с тревогой,—
Задержался по дороге...—
У ребят в глазах испуг:

Знатный плотник смотрит строго —
Не принять ведь может вдруг!..

И ребята говорят,
Что они теперь назад
Не вернутся.
Есть причина:
Им сама страна вручила
На строительство наряд.

Бригадир отвел глаза,
Чтобы не расхохотаться:
— Значит, вас, ребята-братцы,
Не принять уже нельзя?!

Да и то — в далекий путь,
На такие новостройки,
К нам не шлют кого-нибудь!
Видно, вы из самых стойких.

Я такими дорожу,
Ничего, что с виду — дети...
Ну, пойдемте, покажу
Ваше место на планете.

И гурьбой они пошли
По тропинке вдоль опушки.

Груды вынутой земли,
Бревна, балки,
Доски, стружки,
Стрелы кранов вдалеке,
Жигули в цветном просторе,
Пароходы на реке,
Там,
Где скоро будет море.

Берегов крутой отвес...
И — как чудо из чудес —
В лязге, в выхлопах моторов,
Там, где скоро будет город,
Лес шумит,
Сосновый лес.

На холме у круглых пил
Захотелось задержаться.
— Каково, ребята-братцы? —
Новичков старик спросил.

И, как будто распахнул
В голубое небо двери,
Показал им на сосну,
Глазом всю зараз обмерил
В вышину и в ширину.

Свежих запахов полна,
Птиц звенящих, солнца, ветра,
Может, на полкилометра
В небо вскинулась она.
— Это что стоит?
— Сосна.

— Верно! В нашем деле мать.
Если ты с душой, художник
И умелец, так сказать,
Из сосны все сделать можно.
Это надо понимать.

Тридцать лет я с ней дружу,
Не могу налюбоваться.
Вот о чем, ребята-братцы,
Для начала вам скажу.

Для неграмотных сосна
Только дерево, картина,
А для нас гранит и глина,
Гипс и мрамор — все она.

У седого в бороде
Снова хитрая усмешка.
— Ну, начнем, не будем мешкать,
Топоры-то ваши где?

Значит, нету топоров,
Растеряли по дороге...—
Новички опять в тревоге:
Ведь не примет, будь здоров!

— Или, может, вы рубить
Электричеством хотите?
Как же с вами, братцы, быть?
А учились, говорите!

Видно, что не у меня.
Ну, теперь глядите в оба!
Будет вам сначала проба,
От сегодняшнего дня
Начинается учеба.

1951

ПОЛЯ БАТРАКОВА

Поля Батракова полюбила
И была со всеми так мила,
Что, казалось, если бы могла,
Всех своим бы счастьем наделила,
Всю бы землю сразу обняла.

Возвратившись с промысла в избушку,
Прочищает лесовик ружье,
А гидролог разберет вертушку,
Смажет снаряжение свое,

Полевые дневники разложит,
Цифровые обведет ряды,
Пересмотрит, сверит, подытожит
За день бухгалтерию воды.

Перетерла Поля все вертушки,
В печку дров с морозу принесла,
Вскипятила чайник
И по кружке,
Как вина, подружкам налила.

Две газеты вслух перечитала,
Петь уговорила...
Что еще?
Что еще придумать, чтобы стало
Всем, как ей сегодня, хорошо?

Кажется: зима пошла на лето,
И у всех живущих в Марквашах
День и ночь,
С рассвета до рассвета,
Соловьи должны греметь в ушах.

Кажется, на Волгу только выйдешь —
И сверкнет плотина под луной;
Новые созвездия увидишь,
Новый город-порт над крутизной...

А начальник партии сидит
И не видит, верно, и не знает,
Что уже и море подступает,
Бьет волной в береговой гранит.

Поля села рядом, замирая:
— Петр Петрович, что я вам скажу...
По секрету, Петр Петрович...
— Знаю!
— Петр Петрович, замуж выхожу.

— Знаю все. Недалеко до свадьбы?
— Да, теперь уже недалеко.
Только маме телеграмму дать бы,
А решиться как-то нелегко.

Напишите папе с мамой,
Что вы Юру знаете,
Очень уважаете
И что против этой свадьбы
Вы не возражаете.
Ведь не возражаете?

Мы теперь от всей души
И на веки вечные
Полюбили Маркваши,
Стужи, ветры встречные,

Дали бесконечные,
Воды быстротечные
Да беседы у печурки
Светлые, сердечные.

*

Над горою Лысою восход,
В избах начинается побудка,
И гидрологическая будка
На санях опять идет на лед.

И хотя у Поли выходной —
Начала со всеми собираться:
Просто ни минуты ни одной
Не могла без дела оставаться.

Видит все как будто в первый раз —
Берег, небо, вышки, краны, трубы...
Все счастливо радовало глаз.
Задубели пальцы, стыли губы,
Вот прихватит щеки...

А она
Только больше пела да шутила.
Нет, поземка ей в лицо не била,
И мороза не было — весна!..

Поля Батракова полюбила.

1951

СТЕПНОЕ МОРЕ

Вода из Дона вышла на подъем
По мощным трубам,
И в степном просторе,
За дамбою, образовалось море,
Запело, заходило ходуном.

Уже волну нельзя сравнить с донской,
Она гудит, под ветром нарастая,
И хоть вода по-прежнему донская,
Но вид и норов у нее морской.

Как небо голубое, широка,
Игрой ее нельзя налюбоваться.
Окраина степного хуторка
Отныне стала набережной зваться.

Взглянув на море, инженер затих,
Завороженный красотой природы:
В сухую степь продвинув эти воды,
Он сам дивится делу рук своих.

1952

ШЛЮЗ ОТКРЫТ

Уже заканчивалась работа,
Над башней победно зажглась звезда,
Уже в заградительные ворота
Стучала мутной волной вода.

В железобетонной камере шлюза
Уже зачистили дно с утра,
Остатки всякого лома и груза
Кран торопливо нес на-гора.

Не раз у створа в верхнем канале
На глубину ходил водолаз.
А мы почти дышать перестали,
С командного пункта не сводим глаз.

И вот над мостиком,
Над парапетом,
Как светлая музыка разнеслась,
Призывно и грозно:
«Открыть клинкеты!»
И полилась вода, полилась.

Пошла, голубушка, закипела!
В решетке гасителя бился вал,
Разгоряченный
И белый-белый,
И загудел весь шлюз, как Дарьял.

Казалось, к ногам строителей шлюза
Потоком пенистым с высоты
Летели из всех уголков Союза
Цветы черемух,
Яблонь цветы.

А той порой из-за поворота,
От Дона,
Где морем стала вода,
Уже подтянулись к входным воротам
И в очередь выстроились суда.

1952

ОХОТНИК

Пред девушкою похвастать
Охотник ничем не мог.
Какие его богатства!
В тайге лишь он царь и бог.

Сводить бы ее за медом
За свежим,
От диких пчел,—
В бору не одну колоду
На днях лесовик нашел;

Вдвоем глухаря подслушать,
Дать в руки и ей ружье
И там же открыть ей душу:
Смотри, дескать, все твое!

Ведь может случиться чудо!
Как в сказке, все может быть,
О чем охотник покуда
Боялся заговорить.

Он взял патронташ да тулку
И — к девушке
На свету.
— Пойдете в бор на прогулку? —
Она сказала:
— Пойду!

Осока резала ноги,
И холодом жгла роса.
Ни мостиков, ни дороги,
Лишь заболоть да леса.

— Смотрите, какие выси,—
Кричал он,— стена стеной!
Тут есть медведи и рыси...
Но вы — за моей спиной.

В суземах, в черничной чаще,
Без устали мчась вперед,
Он стал забывать все чаще,
Что девушка с ним идет.

А чуть собака взбрехнула,
Охотник, взведя курки,
Понесся, как ветром сдуло,
На лай сквозь лес, напрямки.

По просекам, по завалам,—
Не под руку, где уж там! —
Она едва поспевала
Бежать за ним по следам.

Не мерены километры,
Несчетно часов прошло,
Пока их стегали ветры
И солнце нещадно жгло.

А ночь в тайге наступила —
Устроились в шалаше.
И тут в первый раз спросил он:
— Ну как, денек по душе?

Шалаш для него стал раем,
И, разжигая костер,
Затеял он, замирая,
Тот самый свой разговор —

Издалека
сначала...
Для чуда пора пришла.
Но девушка не отвечала,
Она ничего не слыхала:
Она
Спала.

1950—1954

ТОВАРИЩАМ ПО ОРУЖИЮ

Что за лес, если в нем не страшно,
Ни волков, ни медведей нет!
Даже пень с клеймом и закрашен,
Никаких особых примет.

Все расчерчено по линейке,
Огорожено, подметено,
Тут положено быть скамейке,
Рядом озеру быть должно.

Вдоль опушки травы немножко,
Клок цветов посреди лужка
И прикатанная дорожка,
Как стихи моего дружка.

Павильончики да беседки,
Камнем выстлан подход к реке.
Здесь и птицы живут, как в клетке,
И собаки на ремешке.

А ведь рядом рудные горы,
Строевых пород сосняки,
Настоящие волчьи норы,
С ледяной водой родники.

Свистнет ветер — быть бурелому,
Гром ударит — потопу быть.
Если в лес не ходить из дому,
Душу где свою отводить?

Ведь не в парках же нам, поэтам,
Не в беседках век вековать!
Хоть не часто, должны и в этом,
В настоящем бору бывать.

1953—1954

НА ВЗМОРЬЕ

Все побережье в пене, в прибое,
И сосны у края воды шумят.
Под вечер море не голубое,
Оно многоцветное, как закат.

Все краски, мыслимые на свете,
Густые тона небес и земли
На волны, которые поднял ветер,
Узорными радугами легли.

Все разворачивалось, колыхалось,
Играло огнем до самого дна.
Менялось небо — и море менялось,
Перенимая его тона.

Казалось до этого все возможным,
А тут ни конца и ни края нет.
— Зачем не поэт я? — сказал художник.
— Владеть бы мне кистью! — вздохнул поэт,

А море назло как стукнет да грянет
Всей мощью своей, во всей красе —
И вспомнить заставило об океане,
О беспредельной вселенной всей...

Одни рыбаки следили сурово
За гребнем на каждой крутой волне:
Им утром идти за новым уловом,
Любить красоту не с суши,
А снова
Остаться с нею наедине.

1953—1956

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Может быть, доведется снова
Разлучиться нам на года.
Я хочу, чтобы это слово
Ты запомнила навсегда.

Понимаю, решиться можешь
И сама на любой поход,
Но ведь нет ничего дороже
Материнских твоих забот.

От родного угла далеко,
Как случалось порой и нам,
Брать нелегкой жизни уроки
Приведется моим сынам.

Раздели с ними корку хлеба
И последний глоток воды,
Научи их под стылым небом
Не страшиться любой беды,

Не сгибаться и не ломаться,
Честью смолоду дорожить,
Правдой нашей не поступаться
И родную землю любить.

За детей и за все в ответе,
Укрепим мы свои сердца.
Только б выросли наши дети —
И не будет жизни конца.

1951—1954

СУДЬБА

Злате Константиновне

А мы с тобой всегда вдвоем —
И в Вологде,
И на Алтае,
В лесах, в степях;
Где ни бываем —
Одними чувствами живем.

Верны своим родным местам,
Но кажется порой обоим,
Что будто и родились там,
Где познакомились с тобою.

Ведь даже ливень — не гроза
Без молнии, без озаренья,
Так мне нужны твои глаза
Для каждого стихотворенья.

От самых первых встреч нигде
Не существуем друг без друга,
Мой добрый друг,
Моя подруга
Не только в счастье — и в беде.

Не это ли и есть судьба?
Ей благодарен вечно буду.
Ведь даже если нет тебя,
Мы вместе все равно повсюду.

1954

ИЗВЕЧНОЕ

Да, я не знаю другой такой,
Чтобы навеки — по сердцу.
Так почему же в душевный покой
Входит разноголосица?

Так почему же по целым дням
Наш разговор не вяжется,
Все что-нибудь мерещится нам,
Все что-нибудь да кажется?

«С кем говорил?»
Да «К кому ходил?» —
Это ж обидно, милая!
Если бы вдруг человек остыл,
Разве удержишь силою!

Радость не в радость, коль веры нет,
Страхи да подозрения.
И канитель эта много лет
Тянется без изменения.

Надо, чтоб на сердце был покой,
Чтоб никогда постылая
Ревность не трогала нас с тобой...

А почему ты сама домой
Поздно вернулась, милая?

1952

* * *

И в лесу не нашел покоя.
До чего же слаб человек!
Снова я с тобой
И с такою
Примириться готов навек.

По проселкам с ружьем скитаюсь,
И не счесть, сколько раз на дню
То кляну тебя,
То покаюсь
И во всем лишь себя виню.

Как ни кинь, а все, дорогая,
Мне и дня без тебя не жить.
Разве может когда другая
В чем-нибудь тебя заменить!

Не пошла на пользу охота,
Вдруг до крика сдавило грудь,—
И не будь в тот день самолета,
Я пешком бы пустился в путь.

Но, свалившись с небес под вечер,
Снова сник я —
В который раз! —
От твоих прямых, бессердечных,
От твоих неуютных глаз.

Где уж тут сгоряча, толково
Слово нужное подобрать!
Жаль, что я не сдержался снова:
Прилетел из края лесного —
Надо было пешком шагать.

1953—1955

СПОКОЙНЕЕ ВДВОЕМ

Мы не видались много лет,
И он кричит жене:
— Давай, любимая, обед!
Дружок пришел ко мне.

Неси закуски и вина,
Пускай запасы в ход!..—
И расторопная жена
По комнатам снует.

Из голубых, из ясных глаз
Тепло струят лучи,
А в кухне в три конфорки газ
Шумит, шипит, шкворчит.

И мне припомнился на миг
Наш холостяцкий быт —
Три раскладушки, угол книг,
Газетой стол накрыт,

Кривая старая скамья
Да табурет — на круг...
— Ну вот мой дом, моя семья.
Смотри! — хлопочет друг.

Семья, как видно, не мала,
Согласьем дом богат.
С десяток стульев вкруг стола
Под люстрою стоят.

Гора игрушек —
Ватный дед,
Малиновый голыш,
Слон, заводной мотоциклет,
И заводная мышь.

Да крутится у самых ног
Пушистый колобок —
Собачка ростом с ноготок,
Конечно, детский бог.

— Ну что ж, все правильно, друзья,
Откуда ни взгляни,
Добро живете!
Где ж семья?
— Да мы, дружок, одни.

— Как так одни? А дети где? —
Спросил и сам не рад:
Быть может, о большой беде
Напомнил невпопад.

Но друг светло в глаза глядит.
— Мы без детей живем,
Работы много,— говорит,—
Спокойнее вдвоем.

С игрушками чудит жена,
Порой заводит их,
А так — порядок, тишина,
Все на местах своих...

Признаюсь, я оторопел,
Неловко стало мне,
Несладко пил, невкусно ел
В бездетной тишине.

«Вдвоем — какой же это дом,
Какая, брат, семья!..»
И на хозяйку с холодком
Взглянул, признаюсь, я.

Но показалось — и она
Немного смущена:
Сидит, не трогает вина
Счастливая жена.

Игрушки ли для этих рук,
Для этих глаз нужны?!
Ее мне стало жалко вдруг.
— У заводного счастья, друг,
Пружины не прочны...

1954

* * *

Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Все-таки на селе
Все мои корни.

Там, средь лесных берлог,
Я возмужал и вырос,
Первый страх превозмог,
Первое горе вынес;

К трактору привыкал,
Свыкся с порой страдною;
Там в первый раз припал
К речке с живой водою.

Все на земле родной
Мне лишь на пользу было:
Грудь не спирало в зной,
В стужу не леденило.

Что там ни говори,
Мне не заменит город
Ясной, в хлебах, зари,
Ягодного косогора.

Снова издалека
Манят и лес и поле.
Пусть на моих руках
Будут гореть мозоли.

Пусть в самый зной работ
На поле хоть однажды
Губы опять сведет
От нестерпимой жажды.

Хочется самому
Тяжесть весны изведать
Там, где в пыли, в дыму,
Делается победа,

Где и моя целина
Вспашки ждет и расцвета...
Так принимай, весна,
Пахаря и поэта!

1954

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

— Ну-ка песню, что ли, для начала:
«Степь да степь кругом...»
И вот с крыльца
Всем родная песня зазвучала,
Степь вокруг без края, без конца.

Кто Москву припомнил,
Кто по милой
Загрустил, вздыхая глубоко.
У девчонки сердце защемило,
Что до мамы очень далеко.

Отошла машина от конторы.
Чемоданы сложены у ног.
Вот они, целинные просторы,
МТС среди степных дорог!

Все казалось новым, незнакомым,
Сизой дымкой даль заволокло,
А запели песню — и как дома:
Хоть грустна, а на душе светло.

«Степь да степь кругом...»
За ленинградцем,
За кубанским смуглым пареньком
Начал плавно выводить, стараться
Вологжанин с круглым говорком.

Зашумели гуси по озерам,
И на посевные рубежи
Издалека двинулись моторы
Степью той,
Что широко лежит...

1954

АЛТАЙСКАЯ ВЕСНА

Весь май с погодой неполадки.
В колючем инее стволы,
И по околкам куропатки
Еще по-зимнему белы.

Прогноза верного
на сутки —
И то не дашь,
У всех просчет:
Поналетели с юга утки,
А в камышах озерных лед.

Пригреет днем.
Поутру снова
Свежо,
В морозной дымке ширь.
Вот — и украинская мова,
И степь...
А все-таки Сибирь.

Погоды ждать не стали люди.
Но в День Победы, как назло,
Буран хлестнул из всех орудий,
И землю снова замело.

На редкость даже для Алтая
Такая трудная весна,
Из сроков вышла посевная:
То — грязь, то — почва холодна.

Ребята часто балагурят,
Не прочь порою песню спеть,
Но с каждым часом больше курят,
Чтобы усталость одолеть.

И новички, во все вникая,
Работают, ночей не спят.
— Пускай все сразу испытаем,
Лишь крепче будем! — говорят.

— Снесем любую непогоду,
Узнаем в схватке с целиной,
Как достается хлеб народу,
Каким трудом,
Какой ценой.

1954

* * *

Снег наконец сошел на нет,
Вода в степных логах запела,
Земля раскрылась,
Потеплела,
И небо изменило цвет.

Испытаны, подновлены,
С зарей в бескрайние просторы
Стальные двинулись моторы —
Передовой отряд весны.

Еще посевы не взошли,
Еще трава не зеленеет,
А кажется, что от земли
Уже пшеницей свежей веет;

А кажется — тучней стада,
Добротней стали наши села,
Пригнулись яблони в садах...
Грузовики и поезда
Увозят в степи новоселов.

И жаворонки в вышине
Поют, не складывая крыльев...
Все предвещает изобилье,
Счастливый, хлебный год стране.

1954

БЕРЕЗОВЫЕ КОЛКИ

Быть может, бор здесь был когда-то,
Теперь лишь рощи там и тут —
Для косачей, для куропаток,
Для всякой живности приют.

Как на кругу, в сырой ложбинке
Иль на припеке близ реки
Стоят березки и осинки
Среди хлебов, как островки.

Зовут колка́ми эти рощи,
Околочками.
Почему?
Но слов понятнее и проще
Здесь и не нужно никому.

Хочу, чтоб все в степях Алтая,
Особенное с давних пор,—
Сердца людские, речь живая,
И запахи, и цвет озер,

И песни, полные значенья,—
Все стало так же для меня
Не требующим разъясненья,
Родным с сегодняшнего дня.

1954

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

Сошли снега.
В степи весенней
Стихал заметно шум воды.
На новых землях с нетерпеньем
Мы ждали первой борозды.

А первой не было,
И многим
День показался слишком прост:
Без напряженья от дороги
Взял трактор сразу пять борозд.

1955

ПШЕНИЦА

Что за пшеница,
Нельзя надивиться!
Как раскустилась,
Уже колосится!

В степь на восходе
Люди выходят —
Светятся лица:
— Что за пшеница!

Доброй работой
Не грех похвалиться.
Дед разошелся —
Не остановиться.

Стала молодица
Опять молодиться:
В поле что праздник —
Как не нарядиться!

Парню-новоселу
Шепчет пшеница:
Самое время
Нынче жениться.

Хочется со всеми
Счастьем поделиться,
Чтобы узнала
И наша столица.

Нашей пшеницей
И солнце гордится,
Вечер настанет —
Не хочет садиться.

Вечер настанет —
Людям не спится:
Все ли готово?
Скоро косовица.

1954

В ГОРНОМ АЛТАЕ

А мне гроза всегда в охоту.
В горах такой грохочет гром,
Как будто молнии с разлету
О скалы стукаются лбом.

Вода в Катуни рвет и мечет,
Но кажется — она молчит:
Земля лишилась дара речи,
Одно лишь небо говорит.

На миг вершины луч осветит,
Над каждой радугу зажжет —
И снова ливень,
Снова ветер,
И беспросветен небосвод.

Но вот со скал, из-за Чемала,
Из-за гранитных темных круч,
На нас надвинулись обвалы
Каких-то странно белых туч.

И все, кого застал в дороге
Вмиг налетевший холодок,
Столпились, словно по тревоге,
С тревогой глядя на восток.

Ужели хлынет град?
И нечем
Его налет остановить?
Опять он, все вокруг калеча,
Начнет косой картечью бить?..

Возникла в памяти живая,
Во весь размах большой земли,
Степная ширь полей Алтая,
Где в эти дни хлеба цвели.

Они совсем с горами рядом,
И вздох людской был как мольба:
— Ах, только не было бы града —
Хлеба в цвету!
Цветут хлеба!

1954

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождик прошел по садовой дорожке,
Капли на ветках висят, как сережки,
Тронешь березку — она встрепенется
И засмеется,
До слез засмеется.

Дождь прошуршал по широкому лугу,
Даже цветы удивились друг другу:
В чашечках листьев, на каждой травинке
По огонечку,
По серебринке.

Дождь по пшеничному полю пронесся —
Потяжелев, удлинились колосья
И поклонились земным поклоном
Мимо летящим шумным вагонам.

Небо, закончив доброе дело,
Тоже, довольное, посветлело.
И в семицветных его воротах
Звезды блеснули на самолетах.

1955

ПЕРВЫЙ ЭШЕЛОН

С рюкзаком шагать в густом лесу
Хорошо дорогой проторенной,
Не боишься, что сучок зеленый
Невзначай ударит по лицу.

Хорошо размяться на бегу,
Если лыжи на следу готовом,
Вспоминая благодарным словом
Всех, пробивших этот путь в снегу.

И пахать легко, когда мягка
Жирная земля да крупяная,
Ни пенька вокруг, ни корешка,
Трактора гудят, не уставая.

Хорошо, коль дело на ходу,
Дом обжит, станок в цеху налажен...
Но ведь кем-то должен быть посажен
Первый, слабый черенок в саду.

Есть в сердцах пытливых и отважных
Непреоборимая мечта —
Воду дать земле, сухой от жажды,
Жизнь вдохнуть в пустынные места.

Журавли — и те на трассе звездной
Клином пробиваются вперед,
Головной раскачивает воздух,
Облегчая для других полет.

Не о хлебе об одном мечтаем,
С холодов заботясь о весне.
Всей земле дорогу пробиваем,
Первые идем по целине.

1955

СДАЕТСЯ КОМНАТА

Бродил я по заречной стороне
И вдруг увидел девушку в окне.
Пусть скажут: «Несерьезный человек!» —
Но я такой не видывал вовек.

С каким-то объявленьем из двух строк
На внутреннюю сторону стекла
Наклеила она простой листок,
Как будто знак любви мне подала.

«Сдается комната!» — я прочитал.
Признаться, я ночлега не искал,
Но тут взглянул —
И до чего ж она,
Та комната, мне стала вдруг нужна!

К окну резному ближе подхожу,
На девушку во все глаза гляжу.
Она молчит.
Рука еще в клею.
И я уже как пред судьбой стою.

Хоть ненадолго захотелось мне
Устроиться в заречной тишине.
В бездымном деревянном городке,
От рощиц и полей невдалеке.

Листок я начал заново читать:
«Сдается комната...
(А что не снять?)
Для одинокого...»
И вот урок:
Зачем я стал дочитывать листок?

Уж лучше б не заглядывать в окно,
Мне жить в тиши заречной не дано.
Условий этих я принять не мог:
Ведь я давно-давно не одинок.

1954—1955

ВАГОН В СТЕПИ

Евгению Евтушенко

Давно не крутятся колеса —
Да просто нет под ним колес.
По буфера в цветах и в росах,
Вагон в сырую землю врос.

Хоть и кривой и неказистый,
А не палатка все же — дом.
Прицепщики и трактористы
Живут с весны до стужи в нем.

Рассохлись полки, стены тонки,
А все ж оседлость налицо,
Уж не купе, а комнатенки.
Уже не тамбур, а крыльцо.

Что сохранилось от чугунки?
Вагон закончил свой маршрут.
Поутру яйца в гнезда-лунки
Несушки под полом кладут.

На крыше радиоантенна,
Веревка с вымытым бельем.
По вечерам самозабвенно
Поет гармошка под окном.

Но, свыкшись с новым назначеньем,
Вагон на свежем ветерке
Весь в напряженье, весь в движенье,
На службе, а не в тупике.

Опять вдали огонь зеленый,
Мелькает в окнах тот же дым
И фары тракторной колонны,
Как семафоры перед ним.

1955—1956

Бессонница

1955 - 1958

ТОЛЬКО НА РОДИНЕ

Да, только здесь, на Севере моем,
Такие дали и такие зори,
Дрейфующие льдины в Белом море,
Игра сполохов на небе ночном.

Нехожеными кажутся леса,
Бездонными — озерные затоны,
Неслыханными — птичьи голоса,
Невиданными — каменные склоны.

Здесь, словно в сказке, каждая тропа
Вас к роднику выводит непременно.
Здесь каждая деревня так люба,
Как будто в ней красоты всей вселенной.

И, уж конечно, нет нигде людей
Такой души, и прямоты, и силы,
И девушек таких вот, строгих, милых,
Как здесь в лесах,
На родине моей.

Но если б вырос я в другом краю,
То все неповторимое,
Как чудо,
Переместилось, верно бы, отсюда
В тот край, другой —
На родину мою.

1955

УПРЕК

Гасит огни больница —
Все не смыкаю глаз.
Что бы тебе появиться
В этот нелегкий час,

В этой, в моей палате,
Хоть на минутку,
Вдруг,
В белом до пят халате:
Все-таки — старый друг!

Сел бы у изголовья.
Вот мы опять вдвоем!
Может, хоть о здоровье
Справился бы моем.

Врозь иногда по году —
Трудно заговорить.
Что-нибудь про погоду
Молвил бы, может быть.

Я понимаю: служба,
Лекции там и тут,
Темы — любовь и дружба —
Отдыха не дают.

Можно ли отвлекаться?
Но ведь и я живой.
Что бы тебе догадаться
Вспомнить о том порой

И хоть перед рассветом
Иль на исходе дня
С темой бы вечной этой
И навестить меня!

1954—1955

В СОРОК ЛЕТ

Вот и сорок годов пробило,
А все мнится наедине,
Что пока настоящей милой
Повстречать не случилось мне.

Все еще неспокойно спится,
И на сердце не тишь да гладь,
А порою такое снится,
Что и в сказке не рассказать.

Как мальчишка, к чужим воротам
За случайной звездой бреду —
Все еще надеюсь на что-то
И какого-то счастья жду.

Вдруг отыщется, вдруг привалит,
Хлынет счастье через края...
Скажет:
— Вы обо мне мечтали?
Принимайте ж,
Вот оно — я!

1955

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Не слушайте, когда вам говорят,
Мол, что ни год, становитесь моложе:
Ни часа жизни не вернуть назад,
Листок оторван — день навеки прожит.

Пускай друзья с подарками идут,
Пускай цветы подносят в день рожденья,
Но пусть они в честь праздника не лгут:
Сочувствие честнее поздравленья.

Почаще наливайте им вина.
Пусть пьют до дна, поют свою «Рябину»
И впрямь не видят, что уж седина
Посеребрила вас наполовину.

Нам ни к чему их дружеская ложь,
Не слабого десятка юбиляры:
Стареем понемногу,
Ну и что ж?
Лишь годы проходили бы не даром!

1955

УТРОМ НЕ УМИРАЮТ

Даже представить трудно,
Как я смогу опять
С вечера беспробудно,
Без сновидений спать.

Страшно, что сил не хватит
Выдержать до утра.
Сядьте на край кровати,
Дайте руку, сестра!

Все, кто болели, знают
Тяжесть ночных минут...

Утром не умирают,
Утром живут, живут...

Утро раздвинет стены,
Окна откроет в сад,
Пчелы из первой смены
В комнату залетят.

Птицы разбудят пеньем
Всю глубину двора,
Чей-нибудь день рожденья
Будут справлять с утра.

Только бы до рассвета
Выдюжить как-нибудь...
Утренняя газета
В новый поманит путь.

Да позвонят из дому,
Справятся:
«Как дела?»

Да навестит знакомый...
Только бы ночь прошла!

Тени в углах растают,
Тяжесть с души спадет.
Утром не умирают —
Солнце начнет обход!

1954—1955

ОРЕЛ

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.

А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда,
Широкими кругами,
Не торопясь, ушел за облака.

Быть может, дробь совсем мелка была —
Для перепелок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинки не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но средь далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

1956

ЗАЙЧОНОК

Бродил охотник по тайге с утра,
Промок, продрог,
Валила с ног усталость,
А так и есть — ни пуха, ни пера
На поясе его не оказалось.

Уже смеркалось, и во все углы
Вползал туман — промозглый, неуютный,
Как вдруг на тропку, прямо под стволы,
К ногам шмыгнул зайчонок шалопутный.

Сначала показалось — повезло.
Охотник выстрелил, почти не глядя,
Сорвав на нем, на маленьком, все зло,
От неудач скопившееся за день.

Но смолкло эхо, пыл его остыл,
И сердце стиснула до боли жалость.
Конечно бы, зайчонок жил и жил,
Когда б не раздраженье, не усталость.

Ведь не за ним звала его тайга,
Не для него сухим хранился порох.
Зачем он, слабый, сунулся к ногам
В такую незадачливую пору?

Охотник помнит, хоть прошли года,
Глаза раскосые, подшерсток белый
И тот недобрый, стыдный день, когда
Его душой жестокость овладела.

1956

О НАСУЩНОМ

Что за нелепое утвержденье!
Я отвергаю с негодованьем,
Будто весна лишь время цветенья,
Будто бы осень — пора увяданья.

Свежему хлебу дивлюсь, как чуду,
Не уставая, дивиться буду —
Нет ничего красивее в мире
Этой поющей, бескрайней шири.

В теплом, хрустящем хлебном прибое
Тонет и тает горе любое.
Осень такая, что душу греет.
Верится — люди станут добрее.

Станут мои земляки сердечней,
Нет, не беспечней,
Но человечней,
Непримиримы к любым недугам,
Будут горой стоять друг за друга.

Радуясь новой своей победе,
Не забывайте, друзья, соседей!
Если беда с кем-нибудь случилась,
Не обходите, сделайте милость!

Хлынет зерно дождем изобильным —
Пусть станет каждый щедрей от счастья:
Робкий — смелым,
А слабый — сильным.

Пусть не кичится начальник властью,
Помнит, что он лишь слуга народа,
Не по анкетам о людях судит...
И богатеть будем год от года,
Каждая осень праздником будет.

1956

НА ПРОТАЛИНАХ

Все, что было на землю
Нерадиво брошено,
Втоптано
И за зиму
Снегом запорошено,

Спилено, повалено
И забыто в стужу,—
Первые проталины
Вынесли наружу.

Вдоль всего селения
Вплоть до горизонта
Новые строения
Требуют ремонта.

Выкрашены наскоро,
От дождя бледнея,
Плачут стены краскою
Клеевой,
               без клея.

С темных крыш полезло
Ржавое железо...
О вниманье к людям
Не по сводкам судим.

Черный снег как вымело.
Солнце
               нам в угоду
Все огрехи вывело
На чистую воду.

Но зато все ладное
Жарче засверкало
И еще наряднее,
Ненаглядней стало.

1956

ПРИМЕТЫ

Как я радовалась приметам,
Часто выдуманным самой,
По которым зимой и летом
Выходило одно:
Ты — мой!

От невзгод не скудела сила,
Только б светлыми были сны,
Только б слева луна всходила,
Ведра были б водой полны.

Будто влаги живой пригубишь,
Уронив ненароком нож,
И уж верилось:
                    любишь, любишь,
Несмотря ни на что придешь!

Подшутить над собой не смела.
Соль рассыпав, теряла речь,
Никогда горбушек не ела,
Чтобы счастье наше сберечь.

Ничего-то ты не заметил
И не понял моих примет.
Что́ теперь мне подковы эти,
Коль тебя в моем сердце нет!

1956

ЕЛОЧКА

Вдали от дома, от Москвы,
От всей своей родни,
Под Новый год остались вы
Совсем-совсем одни.

Я не звонил, не подавал
Тревожных телеграмм,
Собрался вмиг — и на вокзал,
На юг, на праздник к вам.

Казалось, что наедине,
Вдали от шумных дел,
Заговорить удастся мне,
О чем давно хотел.

Я верил: слышные едва
В полуночной тиши,
Дойдут до вас мои слова,
Слова и крик души.

А днем — об этом я не знал —
В посылке заказной
Вам кто-то елочку прислал
Из области лесной.

Хоть не нарядна и мала,
Без восковых свечей,
Она живой для вас была,
Вы радовались ей.

Как я жалел, жалел до слез,
Почти не пил вина,
Что елочку не я привез,
Что не моя она.

Не догадался, как нужны
Для вас на Новый год
Приметы милой стороны,
Дыханье непогод.

Ужели есть для вас родной,
Другой, родней, чем я?
Всю душу отдал вам одной,
А елка не моя.

Сбылось, как думал:
За столом
В предновогодний час
Сидим наедине, вдвоем,
Но елка промеж нас.

Колючая,
За много верст
Пришла, взяла свое.
Вы поднимали каждый тост —
Я видел — за нее.

И вспыхивали огоньки
На зелени ветвей
От вашей ласковой руки,
От ревности моей.

Но я молчал.
Уже восход
Вставал среди вершин...
Встречал я этот Новый год
Совсем-совсем один.

1956

У КАБИНЕТА ИЛЬИЧА

Давно история случилась эта,
А все не меркнет в памяти людской...
У двери ленинского кабинета
Стоял солдат с винтовкой,
часовой.

Стоял с утра, неслышный, неприметный,
Навытяжку,
Прижав ружье к плечу.
Ильич работал.
Коридором светлым
Несли радиограммы и пакеты;
Знакомые солдату по портретам
Товарищи входили к Ильичу.

Плохие с фронта поступали вести.
Шли ходоки,
И Ленин их встречал
И провожал.
И все на том же месте
Солдат с ружьем навытяжку стоял.

И вот Ильич, бойца того заметив,
Тугую дверь попридержал ногой,
Взял стул в своем рабочем кабинете
И попросил:
— Садитесь, дорогой!

Казалось, что особого случилось?
Ну, вынес стул,
Ну, попросил присесть...
Ведь не сказался ж в этом Ленин весь?!
А ничего в народе не забылось.

1956

ТВОЯ РОДИНА

Все испытала, все превозмогла —
Года тяжелых рукопашных схваток,
И выстрелы врагов из-за угла,
И длинные хвосты у продпалаток.

«Великая!» — мы говорим о ней,
Даем присягу в верности сыновней
И воспеваем с пристальной любовью
Березки, речки, ширь ее полей.

А все ли помним
И всегда ль
                    о том,
Что родина была, и есть, и будет
Не только реки, горы, отчий дом,
Не просто небо и земля,
А — люди?

Все те, что — рядом, под боком у нас,
И — далеко,
                    чужие нам по крови,
И все они нуждаются подчас
В тепле, в участье,
В братском добром слове.

С любым ты мог служить в одном полку,
Делиться на походе сигаретой,
В далекой стороне, как земляку,
Поверить душу...
Как забыть об этом?

И если ныне он, товарищ твой,
Твой соотечественник — пусть не близкий,

Безвестный пусть,—
в беде, в нужде какой,
Спеши ему помочь, он не чужой,
Не отмахнись служебною запиской.

Спеши на выручку, других зови,—
Пусть не найдется душ глухих и жестких!
Без этого к чему слова любви
О родине,
О речках,
О березках?!

1956

* * *

В несметном нашем богатстве
Слова драгоценные есть:
                Отечество,
                Верность,
                Братство.
А есть еще:
                Совесть,
                Честь...

Ах, если бы все понимали,
Что это не просто слова,
Каких бы мы бед избежали.
И это не просто слова!

1957

МАРТ

Солнце марта в степь вошло,
Скрадывая расстоянья,
И от этого сиянья
Стало на сердце тепло.

В каждой льдинке огонек,
Будто всей лавиной звездной
Млечный Путь на землю лег.
Но денек еще морозный.

Наст такой, что грузовик
Вдруг свернул на холм пологий
И понесся без дороги
Снежным полем напрямик.

На холме стоит село,
Заметенное до окон.
До весны еще далеко —
Ни приметы, ни намека,
А уж на сердце тепло.

1957

МОСКВА — ВОЛОГДА

С каждым часом ощутимей север,
Остановки реже,
Гуще лес,
Пахнет смолкой вперемежку с сеном,
И все больше узнается мест.

Торопясь, схожу на полустанке,
Словно на приветный огонек,
Чтобы взять за рубль у северянки
Влажной клюквы маленький кулек.

Для меня все ягоды здесь сладки.
И приятно и смешно, что их
Продают в листочках из тетрадки
Иль в обрывках «Жития святых».

Замелькали топкие болота
С голубыми окнами озер,
Наконец — подъем за поворотом,
И пошел густой сосновый бор,
Строевой,
В косых лучах по пояс,
Золотом пронизанный насквозь...
Словно к морю вдруг пробился поезд,
Даже небо выше поднялось.

До́ма я!
На все гляжу с любовью,
Радостно от птичьих голосов.
Никакие парки Подмосковья
Не заменят мне моих лесов.

Радуюсь обновам животворным —
Домнам,
Трубам, влитым в синеву,

Плеску волн на море рукотворном,
Лесосекам с грохотом моторным...
И одним все —
Нежным и просторным,
Добрым словом *Вологда* зову.

Дома я!
И сердце бьется с силой
Мимо, мимо — за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия —
Эти вот родимые места.

1958

БЕССОННИЦА

Кто он — мой дорожный сосед?
Лысоватый,
Розоволицый...
Почему не потушит свет?
Что так долго ему не спится?

Чем встревожен и возбужден?
Может быть, за всю жизнь впервые
Из столицы направлен он
На далекую периферию?

Или сам бежит от жены,
От приевшихся разносолов
В край неподнятой целины,
В мир романтики
И новоселов?..

Выпил водочки,
Снял пиджак
И, согнувшись, дымит, вздыхает.
А ведь, кажется, всяких благ
И здоровья ему хватает.

Золотые часы на руке,
Снежнобел воротник рубашки,
Словно сбруя на рысаке,
В блестках шелковые подтяжки.

Громыхает вагон,
Будто вскачь —
Не по рельсам —
Поезд несется...
Может быть, мой сосед — «толкач»,
А «толкнуть» не все удается.

И от мелких забот,
От хлопот
Даже за полночь нет спасенья?
Может, совесть его грызет?
Иль спешит он на важный слет
И обдумывает выступленье?

Иль в торговой служит сети —
И едва припадет к подушке
Как встают на его пути
Роковые
«Утечки», «усушки»?..

Нет, не просто на свете жить.
Чтобы ночью спалось спокойно.
Надо день провести достойно,
Не корысти —
Людям служить.

Не лукавить,
Не предавать...
Не стихи же он ночью пишет?
— Вы бы, право, ложились спать! —
Но молчит сосед,
Как не слышит.

И учил бы, пусть неумело,
Босоногих своих друзей.
Что еще вам?
Чего хотите?
Доброй ночи!
Спокойного сна!
Спите! Спите!
Спокойно спите!
И колеса стучат:
«Спите! Спите!»

Но и я не смыкаю глаз:
Мало ль что на душе творится,
Что припомнилось в поздний час...

Ой, как многим людям у нас
По ночам еще плохо спится!

1958

ИСПОВЕДЬ

Я много писал про охоту,
Рассказывал больше того
Про зорьки в лесах, на болотах,
Про меткость ружья своего.

Но молодость на исходе,
И совесть велит:
«Не таи,
Держи ответ на народе
За все прегрешенья свои!»

Наверно, нельзя не стыдиться,
Но надо ж и правду любить:
За всю свою жизнь
ни лисицы,
Ни волка не смог я убить.

Хвалился,
А все же к победам
Касательства не имел.
И что говорить про медведя —
Косули не одолел.

Безвредный, трусливый зайчишка,
Бывало, свисает с плеча,
А сходит он в розовых книжках
За рысь да за сохача.

В охотничьем вдохновенье
Я братьев по шалашу
Вводил, так сказать, в заблужденье...
Но вот что заметить прошу:

Я сам себе верил при этом,
Впадая почти в забытье,
Как верят одни лишь поэты,—
И в том оправданье мое.

1958

* * *

Я давно на родине не был,
Много в сердце скопил тоски.
Вьются ласточки в синем небе —
Реактивные «ястребки».

Потеснило утром туманы —
И село открылось вдали.
Над Москвой возвышаются краны,
Здесь — колодезные журавли.

Гонят скот на лесные заимки
Босоногие пареньки.
Как речные трамваи в Химках,
Басовито мычат быки.

За домами, в конце порядка,
Ближе к берегу Юг-реки —
Молодежная танцплощадка,
А для школьников — Лужники.

На ветру многоцветные шали,
То косынка, то сарафан
Будто флаги на фестивале
Всех великих и малых стран.

Рад всему, что впервые вижу.
Парни наше село порой
В шутку сравнивают с Москвой:
Дескать, только дома пониже
Да, конечно, асфальт пожиже,—
Больше разницы никакой.

1958

* * *

Всполошились над лесом вороны,
Разгласили окрест:
«Всем! Всем!»
Мол, разлегся в бору зеленом
Человек — не поймешь зачем.

Взбудоражены криком тревожным,
Навещать стали звери меня.
Даже лис, на что осторожный,
Тоже выглянул из-за пня.

Невпопад, как из сказочной пущи,
На лосенка похож,
Со всех ног
Налетел на меня заблудший
Мокрогубый чей-то телок.

Любознательна до смешного,
Белка цокнула над головой:
Ну разлегся, и что ж такого?
Может, здесь и жизнь для него.

Впрямь — живу!
О вчерашнем, зряшном
Позабыл в родной стороне.
Значит, я не такой уж страшный,
Если звери идут ко мне.

А вороны?..
Да ну их к богу!
Я ж в своем, не в чужом бору.
Пусть кричат, поднимают тревогу —
Я от карканья не умру.

1958

ПАМЯТЬ

По вологодскому Заречью
Бродил я вечером,
Как вдруг
Счастливый кто-то мне навстречу
Метнулся с криком:
— Здравствуй!.. Друг!..
Забыл?..
— Да нет же! — отвечаю
И что-то мямлю про года,
А сам мучительно гадаю:
Где с ним встречался
И когда?

Лицо знакомо.
Голос тоже...
И как неловко стало мне,
Когда припомнил, сколько прожил
Я с ним в окопах на войне.

А то еще — оторопею
И, как собрату своему,
Отъявленному лиходею,
Бывало, крепко руку жму.

Все чаще память изменяет,
Подводит.
Вот опять — пробел...
Но из нее не исчезает,
Что сам бы я забыть хотел,—

Такое, что душе не мило,
Чего нельзя себе простить,
Что, к сожаленью, в жизни было,
Хоть не должно бы вовсе быть.

Нередко правдой поступался,
Не делал все, что сделать мог.
И обижал,
И обижался,
Помочь хотел, а не помог.

Дурным поступкам нет забвенья
Да и прощенья нет,
Когда
Их судишь сам без снисхожденья,—
На свете горше нет суда.

1958

* * *

Весна — куда ни кинешь взгляд.
В ночь вызвездило, приморозило,
А днем, как много раз подряд,—
Что ни поток, то водопад,
Любая лужа будто озеро.

Хоть на день каждый ручеек
Сравняться с речкою пытается.
Уже и зелень пробивается...
Что нового?
Да ничего!
Все ежегодно повторяется.

И птичий свист среди лугов
Любого умиляет умника;
И синева без берегов;
И над рекою рев гудков...
Где ж откровенье?
Где изюминка?

Чем вас порадовать, друзья?
Что описать вам?
Все извечное...
Но я готов с утра до вечера
Сидеть у шумного ручья,
Хоть и смотреть как будто нечего.

1958

ГОСТЬ

В родное село из столицы
Наведался знатный земляк.
Народу в избе — не пробиться,
Слезу прошибает табак.

Вот жил паренек пухлогубый,
Как все,
На подножном корму.
А ныне — что шляпа, что шуба,
И все будто впору ему.

Стоит у печурки в сторонке
Совсем оробевшая мать,
Не знает — искать самогонки
Или самоварчик подать.

Метнуться б к сынку, прослезиться
С открытой, как раньше, душой,
А вот не посметь,
Не решиться:
Начальник, поди-ко, большой!..

1958

ПУСТЫРЬ

Сколько лет мы видим этот дом —
Ни куста, ни деревца кругом.

Своего соседа не пойму.
Как же так:
Весь век в своем дому,
На земле родной,
Землею жить —
И не знать ее, не полюбить?
Очень занят?
Некогда ему?

Хоть бы раз он руки натрудил:
Если ни цветов, ни деревца,
Хоть бы редьку, что ли, посадил.
Вырыл бы канавку у крыльца:
В дождь не лужи были бы — ручей...

Самых праведных его речей
Не могу дослушать до конца:
Вдруг встает перед глазами дом
И пустырь...
Сухой пустырь кругом.

1958

ЮГ-РЕКА

Я услышал песенку с эстрады
Про свою родную Юг-реку
И недоуменья и досады
Отвести от сердца не могу.

Мол, не широка, не знаменита,
Ни в одну поэму не вошла,
Словно и доныне не открыта
И течет, как сотни лет текла.

Спели песню, не передохнули.
Следующий номер — циркачи...
А ведь жизнь мою перечеркнули —
Хоть из зала голосом кричи.

Никому я в счет обид не ставил,
Все ж позвольте молвить земляку:
Что же я и делал, коль не славил
Светлую, как слезы, Юг-реку!

1958

МАТЬ

Нашумела, накричала,
Настегала чем попало:
— Все постыло! Сил не стало!
Нет от вас житья! —
Села в угол, зарыдала
И просить прощенья стала.
Просто очень ты устала,
Бедная моя!

Не волнуйся, успокойся,
Вот тебе вода —
Умойся,
Отдохни,
За нас не бойся —
Подрастет семья.
Ну, прибила... Что ж такого?
Не со зла ведь,
Не чужого.
И зачем же слезы снова,
Добрая моя?

1958

* * *

И я обманывал,
И мне, бывало,
Достоинство мужское изменяло,
Себя обкрадывал утехи ради
И часто с совестью своей не ладил.

Быть может, те, которых я обидел,
Теперь ни в ком святой любви не видят.
Легко ли для обманутого сердца
Решиться вновь доверчиво согреться?

Что бесконечно каяться?
Ведь снова
Жизнь не начать, не изменить былого,
Не замолить вины своей...
Я ныне
Пекусь уже не о себе — о сыне.

Пусть он грехов отца не повторяет,
Большой любви ни в чем не изменяет,
Ни в чьих глазах не будет лжив и мелок
И с совестью не заключает сделок.

1958

ЧУДО-САБЛЯ

Подарил я родному сыну
Чудо-саблю:
— Носи, пострел! —
С полчаса он ее вертел,
А потом сломал и откинул,
Словно палку простую откинул,
Не заплакал,
Не пожалел.

Мне бы в детстве саблю такую,
Чтоб по росту и по руке,
В золоченых ножнах,
Кривую,
С красной кисточкой на шнурке!

Неожиданную обнову,
Как награду, бы я берег,
С ней носился бы по Блуднóву,
Под собою не чуя ног.

И учил бы, пусть неумело,
Босоногих своих друзей,
Как стоять за правое дело,
Вызволять из беды людей.

Не давал бы своих в обиду.
А друзья у крыльца гурьбой
Утром ждали бы:
Скоро ль выйду
И когда поведу их в бой.

Может, вся бы жизнь по-иному
У меня с той поры пошла
И любовь моя к отчему дому
Не такой бы грустной была...

Нет, не сабли сломанной жалко.
Я встревожен, что мой сынок
Ничего, кроме крашеной палки,
В этом чуде увидеть не смог.

1958

НОЧНАЯ ОХОТА

Неужель последним днем
Станет день вчерашний?
Неужели мы умрем?

На сосне сидим
Вдвоем
Над овсяной пашней
И с медведем схватки ждем —
Может, рукопашной.

Кто в тайге ни запоздал
Этой ночью стылой —
Песни пел
Или кричал,
Чтоб не страшно было.

Торопливо
От болот,
Не дорогой — полем
Ребятишки гонят скот.
Заблудились, что ли?

Далеко слыхать, как бьют
Плетками с размаха.
И смеются,
И поют,
И кричат —
От страха.

Пронеслась толпа девчат,
Словно птичек стая,
Оглашенно хохоча —
Страх превозмогая.

Нам ни двигаться, ни петь,
Мы сидим, как мыши:
Может, рядом он, медведь,
Видит нас и слышит?

В речке рыба раз и два
Бухнула спросонок,
Да заплакала сова,
Как больной ребенок.

Налегке молоковоз
Большаком проехал:
Звон бидонов,
Стук колес —
И опять лишь эхо.

Воздух, будто про запас
Полым ртом хватаем
И в десятый,
В сотый раз
Ружья проверяем.

Вдруг курки не взведены,
А медведь в засаде?
Что, как с тыла,
Со спины
Он насядет,
Сзади?

Вдруг не выдержит сосна?
Ведь бывает всяко...
И настала тишина,
Как перед атакой.

Ничего не разглядеть,
Словно в преисподней.

Может, все-таки медведь
Не придет сегодня?..

1958—1965

* * *

Я встретил женщину.
Была она
Почти стара
И так измождена,
Что я смотрел — смущен и поражен:
Ведь я когда-то был в нее влюблен.

Усталая, она не шла — брела.
А уж какою сильною слыла,
Каким цветком росла среди полей,
Какие парни бегали за ней!

Мне стало жаль ее — любовь мою.
— Узнала ль? — спрашиваю.
— Признаю,
Как не признать? —
И, голову склоня,
Участливо взглянула на меня.

— Теперь уж что! Былого не вернешь.
А хоть сказал бы — каково живешь?
Был на войне-то?
— Был.
— Вишь... уцелел.
Но до чего ж ты, милый, постарел!

1958

СНЫ

Мы и во сне себя обманом тешим.
Сны повторяются:
Одни люблю,
Те, в коих я и молод и безгрешен,
Другие — ненавижу, не терплю.

Вот сон:
Шагаю вдоль села родного
Среди своих угрюмых земляков,
Творю добро:
Кому-то брошу слово —
И людям жить становится легко.

Или еще:
Над пожнями, над полем,
Раскинув руки, как орел лечу,
Землей, и небом, и собой доволен,—
Под силу все, чего ни захочу.

А ныне злой меня измучил сон,
Болезненный, он тянется часами.
Все неизменно в нем:
Она и *он*
И сам я
Со своими кулаками.

Она уходит от меня к нему.
К кому — не знаю, вижу, что уходит
Решительно,
При всем честном народе,—
Нет меры униженью моему.

Согнуть! Сломать!
Оправдан гнев любой.

Не до добра мне —
Душит оскорбленье,
Бессилье...

А приходит пробужденье —
Стыжусь себя:
Я был самим собой.

1958

* * *

Да, отзывчивая, да, сердечная!
Не боюсь, что слова ходячие.
Доброта ее бесконечная
Ставит на ноги искалеченного,
Превращает слепого в зрячего.

Да, горой встает за обиженных,
Добивается невозможного;
Из какой-то заморской хижины
Вздох дойдет —
Уж она встревожена.

Бескорыстье ее широкое
Всеми встречными прославляется;
Выручает чужого, далекого...

И не видит, что тут же, около,
Свой родной человек терзается,
По ночам себя травит махоркою,
От душевных мук не отвяжется...

Может, ей простодушно кажется:
Никакое, мол, горе горькое
Рядом с нею жить не отважится?..

1958

ЖИЛИ-БЫЛИ...

Сказка лучше были,
Хоть порой и проще.
Как-то жили-были
Зайцы в нашей роще.

Жили любо-мило,
Хорошо им было:
Сухо, многолесно,
Тихо
И не тесно.

Добрые соседи
Не чурались заек,
Всем хватало снеди,
Солнца и лужаек.

По ночам питались,
За день отсыпались.
Думать о грядущем
Даже не пытались.

Как в своей усадьбе,
Жили, не тужили,
И справляли свадьбы,
И зайчат плодили.

В пику пересудам
Не были трусливы...
И твердили всюду,
Что они счастливы.

Только навалилась
На косых немилость:
Рыжая лисица
В роще поселилась.

Рыжая лиса...
Тут и сказка вся.

1958—1961

* * *

Опять я целый день негодовал,
С дельцами, не с поэтами встречаясь.
Опять в газете не пошел подвал —
С казенным слогом все не уживаюсь.

Опять пришлось с людскою маетой
Столкнуться в министерских коридорах.
В глазах рябил сухой бумажный ворох,
И не мирилась совесть с немотой.

А все, что сразу высказать не смог,
Чем вся душа была до боли сжата,
Принес к своей любимой на порог.
А чем она, родная, виновата?

Еще в передней грянула гроза.
Попробуй сладить с этим раздраженьем!
И добрые, печальные глаза
Глядели на меня с недоуменьем.

Как будто бы в густом лесу я сам
Тугую ветку оттянул упруго,
И вот она хлестнула по глазам
Ни в чем не провинившегося друга.

1958

ПО СВЕЖЕМУ СНЕГУ

Гудит вологодский льнокомбинат,
Зовет на работу вагоноремонтный,
И галки — дымком по всему горизонту,
Как будто у них воздушный парад.

Хрустит под ногами сухой снежок.
Еще не светает, еще не пригрело,
Еще не восход,
Но от тысяч ног
На улицах словно бы потеплело.

И мне пора.
Одеваюсь, бегу,
Соседа бужу:
— Торопись, ровесник! —
Счастливое утро —
Со всеми вместе
Ложится мой след на свежем снегу.

1958

ВСЕ МОЖЕМ

Порой поскитаешься
Вдали от Москвы
И сам похваляешься:
— Вот мы каковы!

Моря рукотворные
Шумят там и тут,
Отрогами горными
Плотины встают.

Все можем:
Мы молоды
И все — впереди.
Излишние в Вологде
Умерим дожди.

Дай срок, и на севере
В торосах почти
Чего б ни посеяли —
Все будет расти.

Все можем!
Вселенную,
Чтоб больше квартир,
Сдадим к заселению
Под наш новый мир.

Без устали трудимся...
Но вот о чем речь:
Когда ж мы научимся
Друг друга беречь?

1958

РОДНИЧОК

Грохот моря слышен издалека,
Блеск его пугает и слепит.
У воды ни отдыха, ни срока,—
Берега гранитные дробит.

А родник осоки не колышет,
Затенен,
И надо замереть,
Чтоб его среди корней услышать,
Наклониться — чтобы разглядеть.

Но вода и в нем стоять не любит,
День и ночь без устали поет.
Кто отыщет — припадет, пригубит,
А припав — не отрываясь пьет.

И опять придет, как на свиданье,
И заглянет в холодок, на дно...
Только это чистое звучанье
Разобрать не каждому дано.

1958

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

Спасибо тебе, Блуднóво,
Деревня в лесной глуши:
Я начал писать здесь снова,
А это — хлеб для души.

Немало в стране хороших
Углов,— приезжай, гости! —
Куда и добраться проще,
И меньше узлов везти;

Есть Талицы-речки всюду
И если не озеро — пруд,
Повсюду рыбешку удят
И уток и зайцев бьют;

Конечно, и для здоровья
Места благодатней есть...
Но вырос-то я в Блуднове,
С землей породнился здесь.

Здесь хата моя не с краю.
Я с детства
Не как-нибудь
Тут каждую душу знаю
И чувствую —
В этом суть.

Зимою — по снежным завалам,
Весною — по грязи вброд
Кидает меня пешедралом
На север из года в год.

И пусть иногда сурова
Ко мне родная изба,—
Я тутошний,
Из Блуднова,
И это моя судьба.

1958

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом невесело жилось,
Все ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слег и тихо умирал,—
Рассказывает мать,—
День ото дня
Все чаще вспоминал меня и ждал:
«Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня!»

Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил: мол, так ее люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом,
Много обещал...
В блокаде ленинградской старика
От смерти б спас,
Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог —
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог...
Нет отчима,
И бабка умерла...

Спешите делать добрые дела!

1958

ВОТ И ВСЕ

Вот и все:
Декабрь на исходе,
Завершился круговорот.
Вспоминаю о старом годе,
Жду, чтоб выпить за Новый год.

Собрались за перегородкой
Побратимы в кругу своем.
— Что тебе —
Коньячку иль водки?
Может, пива?
— И пиво пьем!

— А тебе?
...А я на гулянке
Прямо места себе не найду.
Уж не выпить ли валерьянки?
Что-то ждет меня в новом году?

1958

Совесть

1959-1961

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Тревожно и грозно,
Тем боле что поздно
И мой наступил
Переходный возраст.

Не слабым слыву,
А в голос реву:
Туда ли плыву я?
Так ли живу?

И спать не могу,
И есть не могу:
В долгу перед всеми,
А что я могу?

Как пень на лугу,
Как тень на снегу,
Как серый валун
На морском берегу...

Чье сердце смягчил?
Кому подал руку?
Кому облегчил
Душевную муку?

Чью старость утешил?
Кого осчастливил?
Кого на дорогу
На торную вывел?

Пред всеми в долгу я,
А чем помогу?
Я много могу.
Ничего не могу.

От горя ушел,
От хвори ушел,
От смерти ушел —
От себя не могу.

1959

* * *

Страшно любить и быть нелюбимым,
Жить с людьми,
А слыть нелюдимым,
Страшно недруга боготворить,
Правдою клясться
И зло творить.

Но я не знаю страшней мученья,
Коль пропадает к работе влеченье,—
Руки людские
И душу жаль:

Вдруг непослушным станет рояль,
Для живописца померкнут краски,
Скульптор на глину глядит с опаской,
Мрачен ученый — прозренья нет,
И не подходит к столу поэт.

Все как болезнь.
А есть ли леченье?

Только терпенье, одно терпенье:
Выдюжить, выждать —
И в свой черед
Все образуется, боль пройдет.

1959

ПО СВОЕЙ ОРБИТЕ

Я как будто родился заново,
Легче дышится, не солгу,—
Ни себя, ни других обманывать
Никогда уже не смогу,
Если б даже хотел, не смогу.

Жизнь при всех ее изменениях,
Мир во всех его измерениях
Для меня теперь по плечу,
Сам за все отвечать хочу.
Так свободны мои движения,
Словно в первый раз от рождения
По своей орбите лечу.

Не вещун
И не старый с виду я,
Также в праведники не гожусь,
Только больше к людям тянусь.
И горжусь:
Никому не завидую,
За непризнанных не боюсь.

Боль чужую все глубже чувствую,
Не могу пьянеть без вина,
Не польщусь на славу стоустую,
Коль без пользы людям она.

Ни к безверию, ни к сомнению
Не причастна душа моя,
Просто стало острее зрение:
Повзрослело мое поколение,
Вместе с ним повзрослел и я.

1959

В ЧУЖОМ КРАЮ

Я вскочил, как от сна дурного,
От знобящего ветра с реки.
С кем, друзья, не бывало такого?
Сосны стонут,
А с неба ночного,
Как чужие, глядят огоньки.

На душе неуютно, тревожно,
Будто здесь обрывается свет:
И назад повернуть невозможно,
И вперед указателей нет.

Очертанья земли незнакомы...
Но внезапно, обрадовав слух,
То ли и́з лесу,
То ли из дому
Загорланил совсем по-родному,
По-российски,
По-свойски петух.

Так взревел отрешенно и зычно,
Что леса посветлели вокруг,
И уже совершенно привычным,
Чем-то очень приятным,
Брусничным,
Как из детства, повеяло вдруг.

Словно душу мою воскресили,—
Много ль надо ей добрых примет?
Лишь бы в срок петухи голосили —
И повсюду со мною Россия,
И нигде не кончается свет.

1959

БУХТА НАХОДКА

Бухта Находка.
Зеленый туман.
Берег местами дикий.
Бухта...
И все-таки океан,
И даже Великий.

Перед рассветом прилив у ног.
Дня зарожденье мудро:
Первый проблеск,
Первый намек,
Но это уже утро.

Город возник из планов и смет,—
Как он волнующе молод!
Десять каких-то неполных лет,
Но это уже город.

Краны, как вышки, и корабли.
В скалах слои косые...
Мы — на краю,
У начала земли,
Но это уже Россия!

1959

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

А разве кто сомневается
В том, что Земля вращается,
Что время свое берет?
Добреет и оснащается
Отчизна из года в год.

Добрее и совершеннее
Становится человек.
И нас, мой друг, без сомнения
Дорогами преображения
Ведет непреклонный век.

Не смять никаким обстоятельствам
Любви нашей к красоте,
К душевной чистоте.
Одно у нас обязательство —
Не изменять мечте.

Давай же будем правдивыми
И впредь
Во всем
До конца:
Бренчаниями фальшивыми,
Писаниями хвастливыми
Не разогреть сердца.

Во имя грядущего нашего
Попробуем не приукрашивать
Ни мыслей своих, ни заслуг,
Ни прошлого, ни настоящего.
Ужели не сможем, друг?

Ужель и с такими близкими,
Родными,

Как мы с тобой,
Нельзя до конца быть искренним,
Доверчивым и невыспренним,
Простым,
Как с самим собой?

1959

РУССКИЙ ЯЗЫК

Я люблю свой родной язык!
Он понятен для всех,
Он певуч,
Он, как русский народ, многолик,
Как держава наша, могуч.

Хочешь — песни, гимны пиши,
Хочешь — выскажи боль души.
Будто хлеб ржаной, он пахуч,
Будто плоть земная, живуч.

Для больших и для малых стран
Он на дружбу,
На братство дан.
Он — язык луны и планет,
Наших спутников и ракет.

На совете
За круглым столом
Разговаривайте на нем:
Недвусмысленный и прямой,
Он подобен правде самой.

1959

* * *

Не верю, что звери не говорят,
Что думать не могут певчие птицы,
Что только инстинкты у хитрой лисицы
И пчелы не знают, чего творят.

Попробуйте в роще уединиться,
Укрыться под хвойный густой наряд
Да вникнуть в жизнь, что шумит вокруг,
Предубежденность на время откинув,—
И в сердце не будет места гордыне,
Вас трепет и робость охватят вдруг.

Достойно ль царя природы
делить
Всех в мире живущих
На высших и низших?
Порой и владыки разумом нищи,
Все относительно, может быть?

Высокомерие не к лицу
Ни великану,
Ни мудрецу.
В сосновом бору,
В березовой роще,
Где так многогранно желание жить,
Мне, сильному, только добрей и проще
И человечней хочется быть.

Мы видим не все со своей горы,
Чудес неоткрытых еще немало.
Боюсь, чтоб кичливость не помешала
Нам постигать иные миры.

1959

ЗАМОРОЗОК

Едва раскрылись первые цветы,
Доверчиво оттаяла природа,
Как снова — вероломство, непогода,
И холодом дохнуло с высоты.

Поутру иней землю обволок,
Черешенка поникла и поблекла,
По мерзлым глыбам застучал ходок,
И в колеях ледок хрустит, как стекла.

Душа дрожит от боли и тоски,
Чуть глянешь на сады, на огороды,
Где, забивая молодые всходы,
Опять ползут и лезут сорняки.

А все ж весна выходит из запруд.
И пусть скворцы попрятались в скворешни —
Не задержать напора соков вешних,
Не онемеют птицы,
Не умрут.

1959

ЛЮБЛЮ ВСЕ ЖИВОЕ

Когда-то и я не убить не мог,
Что б ни летело над головой.
Садился за весла — ружье у ног,
Шел в чащу — заране взводил курок,
На жатву брал дробовик с собой.

Стрелял и коршуна и воробья,
Не разбираясь — друзья? враги?
А ныне
На ток хожу без ружья,
Катаюсь на озере без остроги.

Доверие птиц умею ценить.
Бывает легко на душе, когда
Случайно удастся жизнь сохранить
Птенцу, упавшему из гнезда.

Себя самого узнать не могу.
Осинки в лесу зазря не срублю,
В корнях родничок, что клад, берегу,
На муравейник не наступлю,—
Люблю все живое,
Живых люблю.

1959

НЕУЛЫБЧИВОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Не могу мириться с немотой,
И со слепотой,
И с глухотой.
Разве не весенняя пора?
Разве птицы не поют с утра?
Не настало время, чтоб любить?
Или трудно человеком быть?

Что же ваши властные черты
Не смягчаются от доброты?
Не проник к вам даже шум лесной...
Иль старик вахтер всему виной?

Прописной бумажный мир души
Свежий ветер не разворошил:
Смотрят два совиные стекла
Из-за канцелярского стола.

Не смирюсь я с этой пустотой,
С вашей глухотой,
Непрямотой.
Хочется сердечной теплоты,
Красоты душевной,
Чистоты.

Не расстанусь со своей мечтой.

1959

* * *

Промыли в окнах стекла
Студеною водой,—
Весь мир казался блеклым,
Теперь он молодой.

Как будто бы промыли
Самим себе глаза.
Яснее проступили
Окрестные леса.

Не спутаешь с осиной
Березки нежный дым,
Речушка стала синей,
А небо — голубым.

Идет дорога прямо
По краю целины —
Теперь на ней все ямы,
Все рытвины видны.

Видны людские лица,
Луга, поля вокруг
И где растет пшеница,
А где сплошной овсюг.

И что всего дороже —
В домах моих друзей
Светлее стало тоже,
Промыты окна все.

1959

ДОБРЫЙ ПРАЗДНИК

Утром ранним весенним
Гости прибыли с юга,
И от птичьего пенья
Оживилась округа.

Сразу столько влюбленных,
Столько свиста и звона,
Что лесок обнаженный
Стал казаться зеленым.

Под грозою умылся
И подался к селенью,
Будто к людям явился
Встретить праздник весенний.

В зеркала дождевые
На широкой полянке
Смотрят ветлы сквозные
И березки-белянки.

Хорошо ль приоделись,
Уложились ли в сроки?
Еле корни прогрелись,
Еле тронулись соки...

Гул стоит над сосновым,
Над березовым миром.
Птицы двинулись к новым,
К необжитым квартирам.

Тоже формы надели:
Сколько вышивок разных,
Сколько фартучков белых,
Сколько галстуков красных!

На холмах, на увалах
И оркестры и хоры,
Есть свои запевалы
И свои дирижеры.

Им и ночью не спится,
Станут петь полной грудью...
Будьте счастливы, птицы!
С добрым праздником, люди!

1959

РАЙОННАЯ КРАСАВИЦА

Деревня.
Зори вешние.
Живу среди болот.
И вдруг навстречу грешному
Походкою неспешною
Красавица идет.

Идет-плывет по улице,
Спускается с высот,
Сама собой любуется,
Сама себя несет.

Наверно, из районного
Никольска-городка.
У платьица фасонного
Рукав до локотка.

Идет, как землю щупает,
Обувочкой форсит,
И семечками хрупает,
И глазками косит.

И, затаив дыхание,
Все, сколько есть ребят,
За нею с расстояния
Испуганно следят.

Готовы в драку броситься,
Готовы — с места в пляс.
Уж так она им по́ сердцу,
По нраву —
В самый раз.

А мне, прошу прощения,
Давно знакомы все
И эти ухищрения,
И эти украшения
При девичьей красе.

Меня как не касается
Ее надменный вид...

И, оробев, красавица
В глаза мои глядит.

1959

* * *

Боюсь любви, а не любить — не жить,
Не вдохновляться и не волноваться.
Ужели так всю жизнь по-волчьи выть,
Звать к примирению,
А встреч бояться?

Тебя ли мне, недобрую, не знать!
Но ты иной встаешь в воображенье —
И не могу не тосковать, не ждать.
Хоть знаю, знаю:
Все равно опять
Не будет счастья...
Что за наважденье!

1959

ТЕТЕРЕВ

Тороват, неотразим, лукав,
Словно первый парень на селе,
Он бродил среди цветов и трав,
От своих удач навеселе.
Красовался,
Ягоды клевал
И тетеркам голос подавал.

Ни одной пред ним не устоять:
Всё под силу,
Всё ему под стать,
Молодому, в стае равных нет,
На одном на нем стоит весь свет.

Хвост расправил,
Зоб раздул,
Взлетел,
Оглядел окрестный березняк
И к тетерке на сучок подсел —
Расфранченный,
Дураком дурак.

Сел он против моего ствола,
А тетерка чучелом была.

1959

* * *

Странно,
Ты стала какой-то стыдливой,
Словно бояться меня начала:
Разве теперь уже некрасива?
В юности разве иной была?

Ты для меня навсегда желанна,
Так же люблю, как в былые года,
И непрестанно
И неустанно.
Что же от глаз моих прячешься?
Странно...
Ты для меня и теперь молода.

1959

ТОЛЬКО ЖИВИ!

Только живи, ничего не надо,
Связей земных до срока не рви,
Не оставляй семью без пригляда;
Скоро подсохнут дорожки сада,—
Только живи!

Солнце красно и зимою вьюжной,
Что за беда — холодок в крови,
Юности вечной мне и не нужно;
Не тяготись своим видом недужным,
Просто — живи!

Нет, не зазря растрачена сила,
Все отдала ты заботам любви,
Все, что имела,—
Себя не щадила.
Будь же и впредь послушной и милой,
Великодушной —
Живи!

1959

* * *

Ты такое прощала,
Так умела любить,
Так легко забывала,
Что другим не забыть;

На такие лишенья
С отрешенностью шла,
С чисто русским терпеньем
Крест свой бабий несла;

Так душой понимала
Боль его и беду,
Что, конечно, бывала
И в раю и в аду.

А ни вздохов, ни жалоб —
Было б счастье в дому.
Даже смерть оправдала б
И простила б ему.

Только лжи не стерпела,
Лжи одной не снесла,
Оправдать не сумела
И понять не смогла.

1959

МЕНЯ ДОБРУ УЧИЛА ВСЯ РОДНЯ

К сиротской доле относясь с участьем,
Меня добру учила вся родня,
Дед за неправду взыскивал
с пристрастьем,
Крапивой жег —
Обидней нет огня.

Бывало, мать прибьет
И в одночасье
Сама ревет, судьбу свою кляня:
— Живи по чести,
С совестью в согласье!..—
Она хотела, чтобы сын был счастлив...

А ты? Чего ты хочешь от меня?
За что, родимая, казнишь меня?

1959

ХОЧУ ВЕСНУ!

Весна возникает не сразу, не вдруг,
Как звук, нарастая издалека —
Из недр снеговых,
Из неясных мук;
Весна начинается с влажных вьюг,
С прибавки неслыханной молока,

С тоскливого ржания рысаков,
С надрывного крика вороньих стай;
Еще не выходит из берегов,
Но рвется,
Но бьет волной через край.

И сколько к смиренью себя ни зови,
Как воздержаньем сердца ни мучь —
Весна поднимает пену в крови,
Теплом пробивается из-за туч.

На ранней заре
Среди бледных звезд
Глухарь, заикаясь, точит тайгу —
Опущены крылья,
Развернут хвост,—
И я, как на праздник, к нему бегу.

Луна в отраженье речных глубин,
Как рыба, мечет икру в синеву,
И я,
В синяках от гремящих льдин,
За ней по широким плесам плыву.

Все ухищренья ума не впрок,
Опять не до выдержки,
Не до сна,

Оттаяло сердце,
Пришел мой срок.
— Сдавайся, сдавайся! — кричит весна.

Сдаюсь!
Мне еще не тысяча лет.
Сдаюсь!
Восхищенно руки тяну
Туда, где цветенье,
Туда, где свет,
К весне моей, к счастью.
Хочу весну!

1958—1959

ПИСЬМО В «ЛЕСНУЮ ГАЗЕТУ»

Памяти Виталия Бианки

Мы безмерно богаты.
В наших чащах и рощах
Столько всяких пернатых —
Просто диву даешься.

Но спросите иного,
Что он знает о птицах,
Пусть ответит толково —
И, гляди, удивится:

Как же, фауна, дескать,
Как же, наше богатство —
На полях, в перелесках,
Так сказать, птичье царство...

Птичье царство, и только?..
Ну, дрозды,
Ну, синички...
Где запомнишь все клички,
Просто птички — и только!

Стоит в лес углубиться —
И уже как не дома:
Словно мы за границей —
Незнакомые лица,
Языки незнакомы.

Как слепые, плутаем,
Будто глухи от роду.
И еще утверждаем,
Что мы любим природу.

А цветы разве знаем
На лугах?
Разве ценим?
Все травой называем,
А подкошены — сеном.

И с деревьями тоже:
Роща в общем и целом...
Ель от пихты не можем
Отличить, грешным делом.

То же с рыбой:
Веками
Счет ведем косяками,
Густера иль сорожка,
Все едино — рыбешка.

Лишь царям по рожденью,
Как во всем, предпочтенье:
Знаем розу-царицу,
Льва-царя
Да царь-птицу...

И, конечно, тревожно,
Что порой мы безбожно
Не храним, что имеем,
Не щадим,
Не жалеем.

Ни за что не в ответе,
Словно самую малость
Нам на этой планете
Жить и править осталось.

Не хозяева вроде,
Так добро свое губим.
А гордимся природой
И отечество любим.

1960

ЧЕГО БОЮСЬ?

Вот, кажется, не боюсь ни черта,
А ночью
В лесу,
Когда тени густы,
В груди появляется вдруг пустота,
Как перед прыжком
с большой высоты.

Из-за чего бы?
Ведь я — один:
Ни ветра в верхах,
Ни возни в кустах...
Но из каких-то тайных глубин,
Из недр души
поднимается страх.

Отчаянным называют меня.
Быть может, и впрямь
я таким кажусь,
Был на войне —
не бежал от огня...
Так почему ж темноты боюсь?
Иль неизвестность пугает меня?

Как клеветы —
Темноты боюсь.

1960—1964

ОБСЕРВАТОРИЯ УЛУГБЕКА

Немало небоскребов Улугбека
Осталось от пятнадцатого века.
В путеводитель внесены не все
Мечети, мавзолеи, медресе.
Но даже те, что на виду стоят,
Не в будущее — в прошлое глядят;
Их создавали золотые руки
Во славу Магомета — не науки.

И лишь обсерватория одна
В грядущие века устремлена,
Сей храм упрятать в глубине земли
Все мракобесы мира не смогли.
В дуге секстанта что-то есть от взлета
К неведомым космическим высотам,
Как будто здесь
До нас за сотни лет
Был агрегат для запуска ракет.

1960

ЛИРИЧЕСКОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Что-то мешает
Работать с охотой.
Все не хватает
В жизни чего-то.

Днем не сидится,
Ночью не спится...
Надо на что-то
Большое решиться!

С кем-то поссориться?
С чем-то расстаться?
На год на полюсе
Обосноваться?

Может, влюбиться?
О, если б влюбиться!
Что-то должно же
В жизни случиться.

Если б влюбиться,
Как в школе когда-то,
Как удавалось
В седьмом
И в десятом —

До онеменья,
До ослепленья,
До поглупенья,
До вдохновенья!

Снова стоять
На морозе часами,
Снова писать
Записки стихами.

Может быть, в этих
Наивных записках
Вдруг обнаружится
Божия искра.

И превратятся
Мои откровения
В самые лучшие
Стихотворения.

1961

БАБОЧКА ОЖИЛА

Бабочка ожила,
Летает у потолка,
Трепетных два крыла,
Словно два фитилька.

Мягкий заслышав звук,
Прячется в тьму угла
Серый, как тень, паук:
Бабочка ожила!

Может, не ожила —
Только что родилась?
Жизнь, как и не была,—
Заново началась?

Вот, подмахав к окну,
Бьется она в стекло.
Может, это весну
В комнату занесло?

Перестаю дышать,
Глаз не оторву,
Только б не помешать
Воскресшему существу!

1961

ТАРУСА

К. Г. Паустовскому

Лежу на краю зеленой земли.
В небо врезаны сосны и ели.
Трудятся пчелы,
Гудят шмели...
Наверно, так с сотворенья земли:
Пчелы трудились,
Шмели гудели.

И мне захотелось от диких пчел
Урвать дарового меду.
Весь день искал,
Ничего не нашел:
Непросто теперь набрести на пчел,
С медом найти колоду.

Зато какие леса, небосвод,
Воздух — не надышаться!
А пчелы...
Пускай роятся,
Пускай для себя собирают мед!..
Лежу на земле,
Гляжу в небосвод —
Не на что обижаться.

1961—1962

ДОМБАЙ

То ли горы, то ли облака,
То ли овцы, то ли валуны?
Огненная лава иль река?
Кратеры по краю ледника
Иль воронки бомб — следы войны?

Твердь земли крутая, как стена,
Разрисованная вкривь и вкось,
До бездонных недр расслоена
И просматривается насквозь.

Ни тропинок козьих, ни дорог,
Только пересохшие ручьи.
Терн шипит и жжет подошвы ног,
Молнией сверкнул язык змеи.

Листья трав колючи, как ежи.
Каменные грани что ножи.
Даль раскалена,
Запылена...
Где ж ты, заповедная страна?
Но владеют миром миражи,
И в глазах людей —
Голубизна.

1961

СКАЗКА ПРО МЕДВЕДЯ

К тракту почтовому, как на площадь,
Вышел медведь из чащи, из рощи.
Вышел и замер от удивленья:
Кончился лес,
А вверху — гуденье.
Глянул медведь на столб, как на ствол,
И облизнулся:
Набрел на пчел!

Лето в разгаре, цветут поляны,
Запахи всюду пряны,
Медвяны,
А у медведя одна забота:
К сотам добраться б —
Медку охота!

Как говорится, вору все впору:
Кинулся зверь на электроопору
И, провода задев ненароком,
Грохнулся наземь, ужален током.
Небо — с овчинку,
По телу жженье,
А над башкой все то же гуденье,
То же роенье,
Хоть пчел не видно.
Что за проклятое наважденье!
Он же медведь.
Медведю обидно.

Взвыл
И давай по земле кататься,
Лапами бить,
От мух отбиваться.
Не до колоды уже,

Не до меду —
Только бы ходу.
В тайгу либо в воду.
Бился, катался,
К столбу прижимался...

А над медведем весь лес смеялся.
Вот каким горьким мед оказался.

1961—1964

ДУНАЙСКИЕ КОНТРАСТЫ

1. На дорогах

Буйволы тяжелорогие,
Мохнатые,
Молчаливые
Шагают по желтой дороге,
Как призраки неторопливые.

Глаза у них студенистые,
Как лыжи — копыта длинные,
Хвосты, что бичи, посвистывают
Над пропотевшими спинами.

Все — древнее,
Довоенное,
Скрипучее,
Деревянное,
И поле будто яремное,
И небо вроде саманное.

А рядом шоссе раскаленное,
Несутся машины быстрые,
То черные,
То зеленые,
Неистовые, как выстрелы,

На поворотах взвизгивая —
За легковой легковая,
Солнце вокруг разбрызгивая,
Музыкой обдавая.

Мне в диво не эти молнии,
А то, что рядом
Безмолвные
Буйволы, как привидения,
Вышагивают
Без удивления.

2. Кричали грачи

Теперь здесь лен-долгунец,
пшеница,
И рожь любой похвалы достойна.
Земля добра.
А в этих границах
Была когда-то
уездная бойня.

Все в памяти живо:
крапива, кустарник,
Высокий забор по берегу речки,
Березы, как в парке...
А пахло овчарней
И кровью,
Тоже, конечно, овечьей.

В березах грачи кричали тревожно,
Но жизнь текла —
светла и спокойна.
Работа спорилась,
Все шло, как должно:
По форме,
По норме
И в очередь —
Бойня!

И только когда прибывала отара —
Преображалась мирная пристань,
Как будто белые клубы пожара
Врывались сюда
из далей лесистых.

Вдруг начиналось столпотворенье,
Шараханье
от березы к березе.
Куда исчезало овечье смиренье?
Покой и порядок —
Все под угрозой.

Повалят забор
да ринутся с кручи —
Стихию
попробуйте укротите!

Но был на бойне
на этот случай
Баран Гапон,
Баран предводитель.

Понятно, ему особое пойло,
Запарка, заварка,
муки в излишке,
Охранный билет,
особое стойло
И никакой там стрижки
и брижки.

Барана пускали
в смятенное стадо,
И он, отъевшийся,
мудрый и старый,
Легко восстанавливал нужный порядок
И неторопко
Туда, куда надо,
Тянул за собой овечью отару.

Кричали грачи
тревожно
по-грачьи
Над мирной, как парк,
уездною бойней...
А если б грачи кричали иначе,
Казалось бы — неспокойно.

3. Хлеб созрел

Хлеб созрел.
Обвисли плоды.
Степи желтые. Небо синее.
На привале вместо воды
Апельсиновый сок.
Мы в Румынии.

Я с комбайнером на борозде,
Как с дружком-земляком беседую.
Уваженье к сельской страде
У меня родовое, дедово.

Он, как бог, стоит
В полный рост,
На ладони зерно разглядывая.
А зерно течет вроде звезд
Промеж пальцев
Живой прохладою.

Все мне близко здесь, все сродни,
Душу радуют дни погожие:
И волненья у нас одни,
И заботы,
И думы схожие.

Руки к желтым ручьям тяну
И горжусь
И хвалюсь пшеницею,
Будто я у себя — на Дону,
На Кубани,—
Не за границею.

4. В городе Кассияне

Что-то дантовское, что-то адовое,
Неожиданное,
Невиданное,
Небывалое угадываю,
Ощущаю необыденное.

Как мираж в песках, переменчива,
Нолусказочная,
Как вселенная,
С львиной гривой,
Почти не женщина,
Несравнимая,
Несравненная.

Безрассудно не заземленная —
Слышу только сердцебиение,—
Окрыленная,
Всегда влюбленная,
Воплощенное вдохновение.

Для меня, как дорога дальняя,
Как дыханье, необходимая.
У плеча,
А почти нереальная
И уже навсегда любимая.

Вдаль глядим,
Стоим пораженные,—
Встреча это иль расставание? —
Зачарованные,
Завороженные,
Обреченные на молчание.

1961—1964

О МОЕЙ СВЯТЫНЕ

Больше не могу!
Надо бежать
В северную тайгу,
В зеленую благодать,—
Просто чтобы дышать.

Встану чуть свет,
Выйду на холодок,
А тут ничего нет:
Ни нор,
Ни берлог,
Ни родничка у ног.
Хоть бы какой след.

Но стоит замереть,
Слышу:
шуршит листва,
Слышу:
сопит медведь,
Взлетают тетерева.

Убран урожай,
В воздухе инея звон.
Слышу собачий лай —
С трех,
с четырех сторон,—
Начался гон.

Вся душа дрожит,
Больше не могу:
Вот он, косой, бежит,
Вон лиса на лугу...

Никак не пойму,
Что меня держит здесь:
Нужен кому?
Дело какое есть?

Может, в родном краю
Давно иная жизнь:
И птицы не так поют
И звери перевелись,

И люди не те,
И поля,
И красота не та...
Но это моя земля,
Моя маета и мечта,
Мои святые места!

1961

Босиком по земле

1962-1967

МЫ УЖЕ БОЯЛИСЬ

Зря ты не приехал в эту осень —
Родина ведь, что ни говори,
Пишем, пишем,
Просим, просим...
Может, прячут в стол секретари?

А уж сколько было красных ягод!
Не соврем —
Лопатами гребли.
Наварили бы варенья на год,
И другой бы снеди запасли.

Наросло грибов на удивленье:
Вот не сей
И землю не паши,
А одно — ищи, соли, суши...
Как у вас там нынче со снабженьем,
Не скудаешься ли?
Сообщи.

Не послать ли мелких, из отбора
Рыжичков,
Чтоб вспомнил о родне?

Упустил ты золотую пору.
Белых тоже набирали горы —
Даже на лугах, на косогорах...
Мы уже боялись:
Вдруг к войне?

1962

БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ

Солнце спокойное, будто луна,
С утра без всякой короны,
Смотрит сквозь облако,
Как из окна,
На рощу,
На луг зеленый.

От берега к берегу
Ходит река,
Я слышу ее журчание.
В ней — те же луна, луга, облака,
То же мироздание.

Птицы взвиваются из-под ног,
Зайцы срываются со всех ног.
А я никого не трогаю:
Лугами, лесами, как добрый бог,
Иду своею дорогою.

И ягоды ем,
И траву щиплю,
К ручью становлюсь на колени я.
Я воду люблю,
Я землю люблю,
Как после выздоровления.

Бреду бережком,
Не с ружьем, с бадожком,
Душа и глаза — настежь.

Бродить по сырой земле босиком —
Это большое счастье!

1962

ЧИСТЫЙ БОР

Чистый бор — он мелколесьем был,
Не годился даже для охоты,
А какую гриву распустил —
В поднебесье хвоя, будто соты.

Дом отцовский — как он был высок,
А теперь смотрю:
Изба избою!
Как в блиндаж, ступаю за порог,
Стукаясь о верхник головою.

Кто из нас тянул тяжельше воз,
Кто больней скрипит от непогоды:
Отчий дом с годами в землю врос
Или вырос я за эти годы?

1962

ТОПЯТСЯ ПЕЧИ

Задолго до света
ясно и жарко —
Я это вижу с улицы темной —
В домах полыхают печи-пекарки,
Каждая, словно домна.

Стоят за челом чугуны картошки,
Горшки с молоком и щами.
Хвосты задирая, крутятся кошки
У хозяек под ногами.

Затем на столах, покрытых клеенкой,
Появляются груды пищи:
Хлеб в решетах,
Соль в солонках
И черные чугунищи.

Большак просматривает газету
И, оторвав от угла дорожку,
Заранее скручивает сигарету,
По-старому — козью ножку.

Дети с ложками — стайкой к посуде:
Еда с парком,
духовита.
Доброе утро, добрые люди,
Приятного аппетита!

Покушав
и крошки смахнув в ладошку,
Большак закуривает в охоту.
Уже бригадир стучит под окошком —
Пора на работу!

1962

ВЕК НЕ ТОТ

Тот же дом под старой крышей,
Под окошком тот же снег,
Так же много ребятишек,
То же поле,
Тот же век.

Та же зыбка у печурки
С рычагом под потолком,
И слюнявые окурки
В мусоре под голиком.

Все обычаи живучи.
Так же пышет печь теплом,
Так же сушатся онучи
На жерди перед челом.

И мои онучи сохли
Точно так же.
Жизнь как жизнь:
И клопы не передохли,
И сверчки не извелись.

Но, увидевшись впервые,
Мы с ровесником моим
Все проблемы мировые
За ночь переворошим.

Судим-рядим до рассвета
О последних новостях,
О космических ракетах,
Без конца — о запчастях.

А потом в колхозном клубе
Ночь проспорим не одну
О Китае и о Кубе,
О Лумумбе и У Ну...

Те же избы,
Те же печи,
Так же полон рот забот,
Но совсем иные речи:
Век не тот,
Не тот народ!

1962

И СТАЛИ МЫ ПИТЬ ЧАЕК...

Николаю Михайловичу Воронину

Ночую у председателя
осиновского колхоза.
В избе курятник с леггорнами,
двухмесячный поросенок,
а на столе клеенчатом
в горшке молоко топленое,
да свежее мясо,
да яйца,
да самовар под парами
для облегченья беседы.

— Жена! — говорит председатель.—
Я в дом привел человека,
нам надо поразговаривать,
он будет у нас ночевать.
Закуска твоя законная
и самовар под парами,
добавь только клюквы да рыжиков;
а молоко топленое —
оно не от той коровы.

Жене многоопытной
с полуслова
понятна мысль председателя,
давно ее дом приветливый —
что постоялый двор:
упрятав горшок в суденку,
она достает из подполья
теплую, как из-за пазухи,
гладкую,
зеленоватую,
бешеную бутылку.

А я молоко жалею:
я выпил бы с удовольствием
стакан и другой горячего
с коричневой жирной пенкой,
свежего,
не порошкового
с душистым ржаным пирогом,
и шировеги отведал бы,
и рыжиков бы попробовал,
и клюквы бы надавил.

— Гостей молоком не потчуют.
Вы — гость! — говорит хозяин.—
И дружбы мужской не замешивают
на ягодах и молоке.
Садись к столу, Николаевна,
да угощай по обычаю:
в горячий чаек для крепости
залей по стопке горючего,
да сахару не жалей!

Надежда Николаевна
с десяток яиц намыла,
на вышитом рукотернике
спустила их в самовар,
густой навела заварки,
сладкой
и запашистой,
липучей,
с ликером схожей,
разбавила, чем положено,—
и стали мы пить чаек.

Пьем зелье
и разговариваем
о пропашных культурах,
о том, как вести хозяйство
в согласье со схемой и модой,
не подрывая колхоза,
как выстоять председателю
меж двух,
даже трех огней...
Беседа наша спорится
и без молочных блюд.

И мне уже это нравится:
тепло
и светло на душе.
Затих под шестком поросенок,
петух заорал в курятнике,—
уже далеко за полночь.
— Пусть Надя нам снова нальет! —
Потом я встаю и ощупью
иду к продавцу на квартиру
еще за двумя бутылками...

Скисает
            в горшке
                        молоко.

1962

В БОРУ СЛУЧИЛОСЬ НЕВОЗМОЖНОЕ

В Блуднове появилось радио —
Поет,
Играет,
Митингует.
И до чего всех это радует
И как волнует!

В бору случилось невозможное:
Отбросив хвою,
                    став столбами,
Сто сосен придорожных ожило
Под проводами.

И сквозь извечные, привычные
Лесные звуки
                    вдруг под вечер
Пробились голоса скрипичные
И речи, речи.

Отныне стала небогатая
Изба,
          где столько лет я прожил,
Душе моей навек засватанной
Еще дороже.

И снова верится и чудится,
Что жизнь идет не стороною:
Когда-нибудь, наверно, сбудется
Все остальное.

1962

РОДНЫЕ СЛОВА

Родные, знакомые с детства слова
Уходят из обихода:
В полях поляши́ — тетерева,
Летятина — дичь,
Пересмешки — молва,
Залавок — подобье комода.

Не допускаются в словари
Из сельского лексикона:
Сугрёвушка,
Фыпики — снегири,
Дежень,
Воркуны вне закона.
Слова исчезают, как пестери,
Как прясницы и веретена.

Возилкой
Неполный мешок с зерном
Вчера назвала мельничиха,
Поднёбицей — полку под потолком,
Клюкву — журавлихой...

Нас к этим словам привадила мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступать
Из вверенного наследства.
Но как отстоять его,
Не растерять
И есть ли такие средства?

1962

НА БОБРИШНОМ УГОРЕ

Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бобришным Угором.

В получасе шаганья
От деревни Блуднова
Жизнь моя, как сказанье,
Начинается снова.

Нет, не в пу́стынь,
Не в пристань,
Лежебокам на зависть,—
В Чистый бор, как на приступ,
Рядовым отправляюсь.

Только дым закурчавит
Край небес над ущельем,
И поэзия справит
Здесь свое новоселье.

Есть мечта:
В удаленье
От сумятицы буден
Обрести птичье зренье,
Недоступное людям.

Буду схож с Змееедом:
Так отверзнутся уши,
Что душе станет ведом
Говор трав и лягушек...

Заходите, соседи
Из окрестных селений,
Не окажется снеди —
Угощу сочиненьем.

На Бобришном Угоре
Воздух свеж, будто в море,
Родниковые зори,
И ни с кем я не в ссоре.

Ни запоров не надо,
Ни замков,
Ни ограды.
Добрым людям избушка
Круглый год будет рада.

А объявится рядом
Кто с недобрым поглядом —
К тем она повернется
Не передом,
Задом.

1962

ОБНОВА

Вот и крыша готова,
Постланы пол, потолок.
Вырос в бору сосновом
Среди лесных дорог
Терем-теремок —
Охотничий домок.

Вставлены косяки,
Рамы остеклены,
Со стороны реки
Углы осмолены.

У теремка — крыльцо,
Вместо скобы — кольцо,
Желоб для водостока,
Даже конек налицо.

Все — чему сердце радо,
Все — для ума и души,
Детство и юность — рядом,
Рябчики
И поляши.
Большего в жизни не надо —
Только сиди
Пиши.

Летчик нанес на карту
Новый ориентир...
Весь этот хвойный мир
Мне к юбилейному марту.

Некуда больше рваться,
Не о чем тосковать,

С матерью буду встречаться,
С пеньем птиц просыпаться,
Жить, как учила мать...

1963

ЛЕСНЫЕ ДУГИ

О, эти дуги над дорогой
В краю синиц,
В краю клестов,
В краю снегов!
Их очень много,
Как над Москвой-рекой мостов.

Нет, не медведи дуги гнули,
Не леший,
Не лесовики.
Мороз стоял на карауле,
Лес обряжая в башлыки.

И ветер дул,
И по неделе,
Ворвавшись в строй молодняка,
Свистя, матерые метели
С землей месили облака.

И как под тяжестью вселенной,
От напряжения белы,
То постепенно,
То мгновенно
Сгибались тонкие стволы.

Когда ж стихали шум и вьюга —
Лес был неистово красив,
Все дива севера и юга
В себе одном соединив.

Казалось, под давленьем света
Свисали ветви сосен вниз,
Вершины елей, как ракеты
Под небом праздничным, рвались.

И всюду дуги, дуги, дуги —
Снегами стянуты концы:
Чуть тронь —
И вскинутся упруго,
И запоют колокольцы.

И всюду ходы, переходы,
Валы и рвы зимы самой...

И я —
Сам бог и царь природы —
Вхожу под эти чудо-своды
Почти испуганный,
Немой.

1962

ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Снег, словно пыль с полочек,
С хвойных ветвей сбиваю.
Сколько я сосенок, елочек
За день освобождаю!

Как это славно, здорово:
Лес поднимает вершины —
Вскидывает головы
И разгибает спины.

Снежная пыль, как дыхание,
И заполняется воздух
Радужным сиянием,
Будто бы летом, в грозы.

В радуге, что в фейерверке,
И снегири
И белки:
Сыплется, посверкивая,
В снег шелуха поделки.

Радужен даже валежник —
Вихрей нагромождения,
Речек крутобережных
Глинистые обнажения.

В радуге все, как новое:
Скрыты следы порубок,
Ярки стволы сосновые,
Будто кирпичные трубы...

Лыжи скрипят кленовые.
Стынут щеки и губы.

С палкой бреду бамбуковой —
С пикой былинный витязь,
По деревцам постукиваю:
— Выпрямитесь!
Разогнитесь!

1962

НА ЗАЯЧЬИХ ТРОПКАХ

Зайца троплю,
Стужу терплю,
В снежных полях
Силу топлю.

Он — от меня,
Как от огня.
Перехитрить
Хватит ли дня?

Хоть бы залег
В ров или в лог!
Хоть бы мне бог,
Что ли, помог!

Зайца троплю,
Бога молю:
— Дай застрелю!
Дай застрелю!

Но и хвоста
Увидеть не смог:
Бог не помог,
Черт не помог.

Скидки, ходы
Туды и сюды:
Только следы,
Только следы.

Не доберу!
Не оцеплю!..

В снежном бору
Время гублю.

1962

РЯБЧИКИ В СНЕГУ

Рябчики в снегу
В сухом,
Пушистом.
Полем чистым,
Берегом лесистым
На лыжах бегу.

Ход замедляю,
Ружье снимаю:
Сейчас застрелю
Иль живого поймаю.

Бьюсь,
Гнусь,
Крадусь,
Вышагиваю,
А наткнусь —
Вздрагиваю.

Снег взрывается —
Рябчик взвивается
И сразу за ель,
За березу скрывается.
Просто издевается!

Ведь ничего
Нет недоступного:
Хотя б одного!
Хотя бы некрупного!

Комочек пушистый...
А небо морозное,
Закат огнистый —
Время позднее.

Уже усталость
К ногам привязалась.
К дому тянет...

Рябчики в снегу
Совсем как в сметане,
А взять не могу.

1962

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Пусть ни грибов, ни ягод в лесу —
Он все равно хорош.
Каждое утро что-то несу
В дом из окрестных рощ:

Чаги кружок,
Черенок для ножа,
Корень,
Охапку дров,
Шишку, похожую на ежа,
Песню,
          пока без слов...

Пусть тишина,
В глуши ни души —
Все равно гул в ушах:
В шорохи трав и в шумы вершин
Вслушиваюсь не дыша.

Неба не видно,
Но там и тут
До колдовского дна
То озерцо полыхнет, то пруд —
Та же голубизна.

И ничего, что птичий отлет,
Что опадает листва —
Песню нашел,
                    и она живет,
Сыщутся и слова.

1962

НА ОДНОЙ ВОЛНЕ

Георгию Леонидзе

Живем на разных концах земли,
Годами порой никакого общенья,
Но с каждым новым стихотвореньем
Мое удивленье,
И восхищенье,
И преклоненье пред ним росли.

Но вот я в больнице
Вдали от родни,
Больница какая ни есть — больница,
Мне в горы бы, к морю,
На озеро Рица,
А я как в неволе:
Бесцветные дни,
Ни естся, ни пьется,
Даже не спится.

За стенкой из крана течет вода.
Опять уколы
И сульфамиды.
Какие-то зреют в душе обиды —
На что? На кого?
Да так, ерунда...
И вдруг появляется он —
Тамада.

Как мало я знал о нем, тамаде:
Ведь речи застольные —
Только речи,
А человек раскрывается легче
Не на пирах,
А в беде,
В нужде.

Дохнуло огнем виноградных лоз,
Поэзией солнца,
И я, как мальчишка,
Как школьник, ликую,
А он — Дед Мороз
С душой нараспашку,
С кульками под мышкой,

Неугомонный
Как добрый дух,
По-новому ставший близким до боли.
И отлегло ощущенье неволи:
Раздвинулись стены,
Воспрянул дух.
Пришел — и не надо мне пуда соли,
Чтобы почувствовать:
Это — друг!

Так день за днем,
И быстрей вдвойне
Ко мне возвращалась прежняя сила:
Он рядом —
И я не в чужой стороне,
Уже разговор на одной волне,
Он — рядом, и кажется,
Будто мне
Сама Иверия душу открыла.

1962

ПРОСЬБА

В Тбилиси на мраморном надгробье А. С. Грибоедова, поставленном его женой, Ниной Чавчавадзе, высечена надпись:
«Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но зачем пережила тебя любовь моя?»

Окрыли меня, страна гор,
Одари светом душу.
У меня один разговор,
Как у рыбы,
выброшенной на сушу.

Если можешь, в сыны прими,
Мне дворцов от тебя не нужно.
Помоги взлететь,
Подыми —
Там подхватит поток воздушный.

Приучусь к твоему труду,
И к камням прикипеть сумею,
И любую твою беду
Назову судьбою своею.

Силы есть
И годов запас...
Но чтоб жизнь начинать сначала,
Мало мне
одних
моих глаз,
Одного сердца тоже мало.

Мало просто расправить грудь,
Разогнуть усталую спину.
До конца ко мне щедрой будь:
Подари мне
Верную
Нину.

1962

НЕ ДРАЗНИ МЕНЯ...

Как сказать мне для прекрасной Лалы...
С. Есенин

Убери свои губы, Нуну́,
В одиночку перебедую,
Не тревожь:
Кого обману,
Если я тебя поцелую?

Мне твой черный огонь сродни,
По душе он северным людям.
Но куда —
От семьи, от родни?
Будут слезы —
Себя осудим.

Много есть и других помех:
Разность возрастов,
Разность веры.
Не простят даже малый грех
Изуверы
И лицемеры.

Расскажи мне лучше о том,
Как там Ла́ли —
В чести и в холе?
Раз я был приглашен к ней в дом,—
Ради дружбы народов, что ли?

И поныне память в плену
У нее.
Ты же знаешь Лали?..
Убери свои губы, Нуну,
Чтоб народы не пострадали.

Что за власть у таких, как ты!
Что за слабость,

Какая сила!
Только я боюсь маёты,
Немота бы не охватила.

Поседел от забот, от дел,
Уж не знаю, душа жива ли?
Не дразни меня, что не смел,
Извини меня, генацвале...

Но, признаюсь,
Если бы Лали —
Ни на что бы не посмотрел.

1962

ДЕБОРА

Красивое имя — Дебора.
А в чем красота — не пойму.
В нем что-то от дикого бора,
От запахов хвойных в дому.
А ты — в городском терему
За красным высоким забором.
Хорошее имя — Дебора,
В лесу зазвучать бы ему!

«Дебора, уже рассветало!»
«Дебора, стемнело уже!..»
В каких ты краях побывала?
И что у тебя на душе?
Тебе бы скорее пристало
В моем обитать шалаше.

Вот в платьице с синим отливом,
Босая, коса на весу,
Ступая по мху боязливо,
Идешь над зеленым заливом —
И травы роняют росу.
Глядят на тебя, как на диво,
Все звери, все птицы в лесу.

Красивое имя Дебора —
С брусникой, с грибами в ряду.
Брожу по лугам, по озерам,
Ревниво твержу на ходу:
«Дебора, Дебора, Дебора,
Ужели я зря тебя жду?»

1962

ПОСЛЕДНЕЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

1

Еще вчера была жара,
Сегодня жгу костры.
Еще вчера была гора,
Сегодня нет горы.

Еще вчера в душе был бог,
Я жить и верить мог,
Лишь день один — и нет любви:
Как хочешь — так живи.

Еще вчера...
И все — дотла.
Сгорело...
Замело...
Земля вокруг белым-бела,
В душе голым-голо.

2

Часто я вижу тебя во сне,
В жизни реже случается,
Но и во сне
Все не по мне:
Сердце не согревается.

Трудно живу,
Молча живу,
Молчу до ожесточения,
И не сказавшееся наяву
Врывается в сновидения.

Как же должна быть душа полна
Горечью и обидами,
Если ни разу доброго сна
Я про тебя не видывал!

1962

ОСТУДА

Нет в любви ее ревностной
Ни добра, ни просвета,
Извела меня ревностью,—
Может, ненависть это?

Оскорбительным бдением,
Ежедневным дознанием,
Нарочитым смирением,
Исступленным молчанием...

Извела,
Измотала,
Все ей мало.
И сама до бессонницы,
До остуды устала.

А теперь обижается —
Редко в дом заявляюсь,
А теперь удивляется,
Что от рук отбиваюсь.

1963

ЕСЛИ Б ТЫ ПОДАЛ ГОЛОС...

Когда я в лесу заблудилась
И, выбиваясь из сил,
То плакала, то молилась,
Мой милый, скажи на милость,
Ты где в эту пору был?

Когда поднялась непогода,
Ночь выла на все лады —
Искал ли мои следы?
Ведь если б ты голос подал,
Не было бы беды.

Ах, если б ты подал голос,
Аукнул хотя бы раз,
Душа бы моя боролась,
Отчаянью не поддалась!

И этих сомнений мука
Не выросла б до небес...

Но, может быть, ты аукал,
Да я не слыхала —
Лес!

1962—1964

МИР — ИЗ ОГНЯ

Ночь надвигается, словно старость,
А я не засну.
Сколько женщин в жизни встречалось —
Вижу только одну.

Встретил ее —
И с этого дня
Верю, что мир возник из огня!
Заново — твердь,
Заново — свет...
Ныне на всей земле для меня
Женщин других нет.

Все — от нее,
По ее веленью,
Счастье и маета.
Может, прорежется новое зренье?
Может, как высшее просветленье,
И на меня снизойдет слепота?

Как обо всем об этом сказать?
Что ни скажу — солгу.
Страшно смотреть мне в ее глаза,
И не смотреть не могу.

В море тонул я,
В пустыне рыжей
Околевал не раз,
Падал под пулями —
Выдюжил,
Выжил!
Выживу ли сейчас?

1962

О БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ

Пусть — безответно,
Только бы любить,
Только б не бесследно
По земле ходить.

Трав густым настоем
Дышать в шалаше,
Только бы простоев
Не знать душе.

Небом или сушей
За любимой вслед —
То же, что в грядущее
Взять билет.

Скрытно жить, в немилости,
Но в любой миг
Из-под ног вырасти
На ее вскрик.

Для меня не горе
Судьба бобыля,
Пахло б морем море,
И землей — земля.

Буду жить, как птица,
Петь, как ручей.
Только б не лишиться
Бессонных ночей.

Пусть безответная,
Пусть, пусть!
Как-нибудь и с этою
Ношей примирюсь.

Ни на что не сетую,
Только бы любить.
Давай безответную —
Так тому и быть.

Впрочем, что ж охотно
На костер лезть?
Мы еще посмотрим,
Время есть!

1962—1964

ОГОНЕК

Светлячок во мгле —
Огонек в лесах.
Может, он на земле?
Может, в небесах?

Может, свет костра
Мерцает вдали?
Может, звездочка —
сестра
Нашей земли?

В бесконечной ночи
Тьма густа, пуста.
Но не меркнут лучи
Светлого поста.

Изнемог,
Сбился с ног,
Но горит впереди
Огонек,
Огонек —
Свет в моей груди.

1962

ДОБРУ ОТКРОЕТСЯ СЕРДЦЕ

Не свалит меня бездорожье,
Я с детства ходил без сапог,
И сколько б теперь ни прожил —
Ничто для дубленой кожи
Неровность лесных дорог.

Без страха брожу по осоке,
По гальке,
Через поля.
Шипов не боюсь на тропке...
Все лишние электротоки
Берет из меня земля.

А с ними,
Почти бесследно
Рассасываясь, как вода,
Все злое,
Дурное,
Вредное
Уходит в песок навсегда.

И остается в теле,
В душе
После долгих бед
Лишь то,
Без чего ни веселья,
Ни счастья на людях нет.

Мне просто необходимо
Босым по земле ходить,
Чтоб верить,
И быть любимым,
И самому любить.

Ступи, мой товарищ, попробуй
И ты в холодок росы,
Сорви надоевшую обувь,
Пройдись по земле босым!

В глаза, будто память о детстве,
Зеленые глянут места,
Добру откроется сердце,
И совесть будет чиста.

1963

ВСЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Шел дождь,
небо соединялось с землей,
шумели сосны,
над бором погрохатывало.
А городской человек
вошел в глубь леса,
осмотрелся
и ахнул:
— До чего хороша тишина!

Сколько же он должен был страдать
от нестройного гула и звона,
от лязга и крика,
сколько лет должен был кричать сам,
чтобы вдруг,
забредя в лес,
где просто муравьи и птицы,
мох и звонкоголосый родничок,—
так вот почувствовать,
так до слез полюбить тишину?!

И сколько лет
должен был человек
мотаться из города в город,
ютиться в кирпичных и железобетонных домах,
дышать дымом и пылью,
пить нечистую хлорированную воду,
принимать по утрам пирамидон
от головной боли,

чтобы, наконец,
в обыкновенном лесу
обрадоваться, что на подошвах его
не грязь, а хвойные иглы и листья,

и удивиться,
и сказать самое простое:
— Все в этом мире для человека,
почему же он не понимает,
как хорошо жить в лесу?

1963

ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЬЯ

Памяти М. М. Денисова

Я сочиняю стихи про желтые листья.
Падают листья в речку,
в холодную просинь...
Может быть, это мои прощальные письма?
Может быть, это моя последняя осень?

Я подбираю старательно
слово к слову:
«Речка — овечка — местечка...
дорогу — логу...»
А сенокосы
по речке Козловке
снова
Снег заметает.
Опять — ни скоту, ни богу.

Веточный корм собирали молодки, бабки,
Вброд по озерам осоку серпами жали,
Травку таскали домой
по охапке,
по шапке...
А заливные луга
кругом
стоят как стояли.

Меня мужики называют
своим поэтом.
«Как же так?»
«Ладно ли?» —
пишут мне горькие письма.
Что я могу землякам ответить на это?!
Я сочиняю стихи
Про желтые листья...

1963

ВЕШНИЕ ВОДЫ

Ждать остается недолго,
Чую: близка весна!
Тронется матушка Волга,
Следом за ней Двина.

И, подпирая друг друга,
Тронутся наверняка
Вычегда
И Ветлуга,
Вологда
И Ока.

Льдины, вздыбив до неба,
Хлынут красою всей
Пинега
И Онега,
Лена и Енисей.

Тронутся — не остановишь —
Солнечным током смол
Мимо рыбачьих становищ,
И городов,
И сел.

Грохотом обдавая,
Холодом леденя,
Грянет передовая
С ходу
Всей мощью мая,
Зелени и огня.

К северу, к югу —
С ходу
В сторону морей
Хлынут вешние воды...

Хлынули бы скорей!

1963

В ТАЙГЕ

Мошкара, комары —
Стон, звон, гуд...
Не съедят до поры,
Так с ума сведут.
Это ж самосуд!

Сколько их?
Да не счесть,
Просто — тьма,
Тьма!
Говорят: нечисть есть.
Вот она сама!

Днем — не сон,
По ночам —
Ни в одном глазу.
Я опух,
Одичал,
Сам себя грызу.

Как туман от болот,
Застя белый свет,
Он плывет — гнус,
Плывет,
Лезет в уши,
В нос,
В рот,
Просто спасу нет.

Разжигаю костер,
Больше не могу:
Запалю весь бор!
Всю тайгу сожгу!

Лучше в пекле,
В аду
Бедовать беду,
Чем такой
Надо мной
На земле
Вой!

1963—1964

АЭЛИТА

Очень хочется полюбить
Безответственно,
Безрассудно,
Молодеть
И других молодить,
Плыть под ветром весны попутным.

Очень хочется полюбить,
Чтобы жизнь не текла напрасно,
Самому судить
И рядить,
Властелином быть
И подвластным.

Слой листвы прошлогодней сгнил.
Сквозь покров
Перепревший, ржавый
Среди тысяч братских могил
Изо всех своих свежих сил
Пробиваются новые травы.

Буераки еще в снегу,
Но по склонам гнездятся птицы,
Над деревьями гам и гул.
Очень хочется преобразиться,
Петь по-птичьи,
А не могу
Ни к чему,
Ни к кому прибиться.

Разнесла весна все мосты,
Путь-дорога моя размыта.

Но другая —
к звездам —
открыта.
На какой же орбите ты,
Моя
Аэлита?

1963

СПАСИБО СОЛНЦУ

На восходе
вершины сосен
вспыхнули под солнцем,
и у каждого образовалась своя корона.

Солнце понесло огонь по лесу,
по речным сенокосам,
по всей земле —
и все на земле
старалось уподобиться ему.

Папоротники,
еще не просохшие от росы,
развернулись, будто солнечные кокошники.
Водяная струя под берегом
превратилась в лучистый зонтик,
и по краям его
заиграла радуга.
У рыжей волнушки
пушистая юбочка с оборками
стала походить
на солнечные протуберанцы.

Подсолнух — солнце,
кружевная паутина — солнце.
Даже старый глухарь,
распустив хвост,
выдавал себя за восходящее светило.
Кому же и поклоняться в этом мире,
как не Яриле-солнцу?

И я,
выйдя из своего охотничьего домика

на Бобришном Угоре,
повернулся лицом к реке,
которая внизу текла тоже, как солнце,
снял кепку
и сказал ему, огнеликому:
— Нет, человек произошел не от обезьяны!
Мне хорошо с тобой, солнце.
Спасибо тебе!

1963

ЗАПАСАЕМСЯ СВЕТОМ

Федору Абрамову

В край добра и чудес
С прежним рвусь интересом.
Я из тех самых мест,
Где семь верст до небес
И все лесом
Да лесом;

Где в затонах озер
Лебединые крепи,
Тундры снежный простор —
Вроде южные степи;

Где ветров ералаш
Да суметы по пояс
И, как пригород наш,
За Архангельском —
Полюс.

У полярных широт
Быт порою неласков,
Не всегда мед течет
По усам
Даже в сказках.

Грех на море пенять —
Рыбы вдоволь,
А все же
Золотую поймать
Не случалось,
Не можем.

Не всегда на обед
Апельсины
И дыни.

Неразменных монет
Тоже нет и в помине.

Рукавицы в мороз
Прикипают к ладоням.
С храпом тянут свой воз
И олени
И кони.

Слава наша хрупка,
Вечны только мерзлоты...
Но моим землякам
Любы эти широты.

Ночи долги невмочь,
Но зато мы уж летом
На всю зимнюю ночь
Запасаемся светом.

1963—1964

ПОРА И МНЕ

Журавли улетают,
Пора и мне.
Осень листья сжигает
На желтом огне.

Ветер рвет их и мечет,
Расстилает холсты,
На кустах, будто свечи,—
Щеглы,
Клесты.

Лен темнеет на стлищах,
Собрать бы успеть!
Рыба омуты ищет
Берлогу — медведь.

Даже мыши-полевки
Спешат,
Гнезда вьют.
Все боятся зимовки,
Всем дорог уют.

И друзья мои тянут
На юг, на юг,
Ближе к теплым лиманам —
От морозов и вьюг.

Что ж, у всех свое.
Вижу,
Пора и мне.
Только я хочу ближе
К Печоре,
К Двине,
К родной стороне.

1964

С МАТЕРЬЮ НАЕДИНЕ

Для всех ты давно уже — бабушка, бабка,
а для меня все — мама.
Для всех я если не дед, то дядя,
а для тебя все — парнишка.

Что знаешь ты о моей жизни?
Жалеешь меня
иль гордишься мною?
Верно, думаешь, что я вышел в люди,
так почему плачешь,
когда я домой возвращаюсь?

Ничего из меня, мама, не вышло,
и мудрость с годами не прибывает,
душа по-прежнему не на месте,
и в ласке твоей, как в детстве, нуждаюсь.

Почему ты, мама, меня сильнее?
Иссохшая, старая,
а не больная.
Пахать бы мне землю, как ты пахала,
зимой ладить дроги, а летом сани

и не искать бы иного счастья,
бояться суетности, как заразы!
Ведь нет все равно ничего на свете
милей твоего немудрого крова.

Не будет тебя — куда я поеду?
Чужие люди займут наш угол.
Но почему ты, мама, боишься,
когда прихожу я к тебе за советом?

1964

* * *

Думалось, не прибраться —
Сору в избе полно.
Может, и не стараться,
Не справиться все равно.

Словно завоеватели
Ночь провели на полу —
Что тебе под полатями,
Что тебе в красном углу.

А помахала веничком,
Тряпкой сырой прошлась,
И оказалось — маненечко,
Ладно, что принялась.

Все уместилось в горсти,
Стоило лишь
Подмести!

1964

ГОЛОСА ВЕСНЫ

Весна всему свой голос дарит —
Воде, листве, земле — всему:
Кострам в лесу
И птичьей паре,
Глазам
И сердцу моему.

Все началось с простой капели,
И вот уже текут снега,
И зажурчали,
                    зазвенели
Деревья,
Воздух,
И луга.

Несется плеск с речных излучин,
В овраге ветер струны рвет,
Весь мир разбужен
И озвучен
И дирижеру смотрит в рот.

С утра в бору —
Зачем, не знаю —
Мну старый ягодник, траву
И повторяю, повторяю
Свое пытливое «ау»!

Слух напряжен,
И сердце бьется,
Я словно чуда жду в глуши:
Быть может, кто-то отзовется
На музыку моей души.

1964

БЕЛИЧЬИ СВАДЬБЫ

Начинаются беличьи свадьбы,
Бор в слепящем морозном огне.
Не положено,
А летать бы
По сосновым верхам и мне.

От земной суеты отрешиться,
От чужих отмахнуться забот,
Ни за что не болеть,
Ничего не страшиться,
Жить, как ветер в вершинах живет.

Небо зыбко,
И сучья хрупки,
Но ведь тем и свята простота,
Что в глазах только беличьи шубки
Да манящие вспышки хвоста.

Я скольжу за колхозные гумна,
Оседает под лыжами снег.
Птицы с веток срываются шумно
И ныряют в сугроб на ночлег.

Как все просто в березнике частом...
Снова ростепель входит в права...

Не погибли бы только под настом
Простодушные тетерева.

1964

УЛЫБКА

А тебе улыбка идет.
Улыбайся почаще, милая!
Что сравнится с твоею силою,
Ни к чему подкрашивать рот.

Чуть раздвинутся уголки,
И скажи поди — не красавица!
Слишком смелые пареньки
Замолкают и расступаются.

На кругу выходи вперед,—
Что тебе их мода постылая?
Улыбайся почаще, милая,
Так улыбка тебе идет!

Теплоты и света полна,
И участливая,
И беспечная,
Задушевная,
Добросердечная —
Очень людям нужна она.

Счастье ждет тебя у ворот,
Красота твоя не бескрылая.
В мире много еще невзгод,—
Улыбайся почаще, милая!

1964

СИВЕРКО

Дует сиверко.
Вечереет.
Скот под окнами месит грязь.
Овцы зябко и нудно блеют,
Будто жалуются, жалеют,
Что погода не задалась,
Осень рано подобралась.

И коровы мычат натужно,
А могли бы и помолчать:
Стали в стойло, жуйте дружно,
Всех подоят.
О чем мычать?
И рогами стучать не нужно.

Или короток день осенний —
Не набили травой боков?
Им бы в ясли охапку сена!
С визгом лезут собаки в сени,
Может, чуют близость волков?
Тьма сочится из облаков.

А еще беспокойней свиньи.
Петухи кричат невпопад...

Надо воду слить из машины:
Ночью, верно, выпадет иней —
Подозрительно красен закат.

1964

СУХОЕ ВИНО

Он любил сухое вино,
всю жизнь только сухое —
натуральное,
кисловатое, как сама земля,
и окрыляющее, как ветер гор.

Сухие грузинские вина после войны
шли под номерами,
этикетки их напоминали солдатские погоны;
с красочных молдавских этикеток
слетали длинноногие добрые аисты;
лучшее армянское
называется золотой лозой — воскеваз.

Сухое — оно не дурманит голову,
не отяжеляет рук и ног
и в сердце вселяет любовь к людям,
а не злобу,
желание творчества,
а не отвращение от дел.

...Всю жизнь только сухое!
Но по нужде ему приходилось пить
все, что бог пошлет,
что поставят товарищи,
все — от самогонки до «сучка»,
от терпкого вермута в сельских чайных
до маслянистого,
с глицерином,
разливного портвейна
в городских забегаловках.

А когда жил в Заполярье,
приходилось пить даже спирт,
чтобы не замерзнуть на оленьих перегонах,—
спирт легкий, как огонь,
холодный, как северное сияние,
и уже привык,
чтобы время от времени
что-то обжигало ему горло и душу
до слез, до придыхания.

Так всю жизнь.
Хотя сердцем он был привязан
только к сухому
и любил лишь его,
как всю жизнь любят свою жену,
и только ее одну.

1964

МЕРТВЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Зимой все деревья голы,
В беде и в нужде равны
И стынут, как новоселы
Палаточной целины.

По цвету, по звону схожи,
Не разберешь пород:
Сосульки — вместо сережек,
Кора на любом, что лед.

Наверное, только птицам
Зимой различать дано,
В каком из них жизнь таится,
Какое гниет давно.

Но тайны исчезнут в апреле —
Всему настает свой срок:
Живые оденутся в зелень,
А мертвым тепло не впрок.

Кору обдирая с сушины,
Работают дятлы чуть свет,
Прорубятся до сердцевины,
А сердцевины нет.

1964

ПОКОРМИТЕ ПТИЦ

Покормите птиц зимой,
Пусть со всех концов
К вам слетятся, как домой,
Стайки на крыльцо.

Не богаты их корма.
Горсть зерна нужна,
Горсть одна —
И не страшна
Будет им зима.

Сколько гибнет их — не счесть,
Видеть тяжело.
А ведь в нашем сердце есть
И для птиц тепло.

Разве можно забывать:
Улететь могли,
А остались зимовать
Заодно с людьми.

Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.

1964

СЧАСТЛИВ ЛИ Я?

Что я за человек?
Счастлив ли я?
Не могу об этом не думать.

В темном зале кино,
если экран не кривое зеркало,—
                                        я плачу,
над книгой правдивой
                                плачу,
над горем людским
                                плачу.
Мне тяжело, когда не могу помочь.

А за себя все-таки радуюсь:
значит, сердце мое не зачерствело,
душа у меня живая,
я — человек.

И когда сам пишу книгу,
и совесть моя не спит,
и, доходя до исступления,
я тоже плачу —
гордости моей нет предела:
значит, есть и во мне искра божия,
не зря меня кормит народ
своим хлебом.

Но плачет ли кто-нибудь
над моими книгами?
Счастлив ли я?..

1964

ХЛЕБ-СОЛЬ

Едва под дождем и солнцем рачительным
Иголочки выбьются из земли,
А мы уже говорим почтительно
О травке об этой:
— Хлеба пошли!

Потом на токах, как шатры кочевничьи,
Холмы вырастают —
Из края в край,
И люди добреют,
И песни девичьи
Хватают за сердце:
Урожай!

О, корочка хрусткая!
                                        Соль зернистая!
С каким торжеством из свежей муки
Пекут в деревнях караваи душистые,
Блины,
            и шаньги,
                            и пироги.

Хлеб-соль — всему голова! — повторяется.
Когда у страны закрома полны —
Сильны мы,
И все у нас получается,
Сбывается все
От земли до луны.

1964

К ТЕБЕ ОБРАЩАЮСЬ, ДУША МОЯ!

Когда меня еще не было —
поэзия существовала.
Поэзия останется,
когда меня уже не будет.
Она повсюду:
в природе, в людях,
во мне
и вне меня,
как световые лучи
и как радиоволны —
в атмосфере
и в космосе.

Стихи существуют и не написанные,
не зарифмованные,
не напечатанные,
еще не почувствованные никем,
как антимир,
и пока не уловленные,
как биотоки вселенной.

А поэт — вроде приемника.
И, если он настоящий поэт,
не сбитый с толку славой и наградами,
не чиновник, а человек,
думающий и страдающий,
он пропустит волны поэзии
через свою судьбу,
через свою душу.

Весь мир — поэзия.
И я обращаюсь к тебе, душа моя:
будь хорошим приемником,
чутким,
многодиапазонным,

всеволновым, как двадцатый век,—
приглушена одна волна,
переходи на другую,
чтобы ощутить поэзию
как биотоки людских сердец.

1964

СМЕРТЬ БЕРЕЗКИ

Пробивалась березка к свету
Из колючего хвойняка.
Тонкий ствол, будто след ракеты,
Поднимался под облака.

Кисло пахло гниеньем,
Тленьем,
Мхом болотным,
Сырой травой.
Редко, редко, как избавленье,
Как надежда на избавленье,
Солнце вспыхивало над головой.

Пробивалась, да не пробилась,
Продиралась —
Не продралась:
Изогнулась,
Перетонилась,
Отдалась соседям на милость
И с землей потеряла связь.

Над увядшей ее листвою,
Будто волны мертвой воды,
Равнодушно сомкнулась хвоя,
Не почуяв чужой беды.

1965

ДОРОГА В НЕБО

Дорога змеится в небо,
Подтягиваясь на хвосте.
Кто в этих широтах не был —
Что знает о красоте?

Цветы на горах, как звезды,
По самую кромку льда,
А в пропасти синий воздух
И вогнутая вода.

Здесь снег высыхает —
не тает
И грязи не знает земля.
Орел в облаках летает,
Крыльями не шевеля.

До крика охота,
до муки
Шагнуть с отвесной стены,
Чтобы, раскинув руки,
Проверить:
Сбываются ль сны.

1965

* * *

Лес поседел от инея,
Бел, как сама зима,
Что ему дюны синие,
Снежная кутерьма!

Закостенев от холода,
Он терпеливо ждет:
Ранней весною молодость
Снова к нему придет.

Мне ничего похожего
Не принесет весна,
Вот почему встревожен я,—
Жизнь у меня одна.

Все невозвратно:
Сильный ли,
Слабый ли человек,
Раз лишь прихватит инеем —
И седина навек.

1965

ПЕРВЫЙ ПТЕНЕЦ

Все за ночь раскисло,
Снега поползли,
И небо провисло
До самой земли.

Расселось,
Размокло...
Полны колеи.
По крышам, по стеклам,
По сучьям — ручьи.

Разбухло,
Разлезлось...
Где нечет, где чет.
И всякая мерзость
В овраги течет.

И только все глубже,
Все чище вдали
Небесные лужи
По краю земли.

Да в чаще,
Да в роще
У старых запруд
Все слаще,
Все хлеще
Птицы поют.

Все гуще,
Все пуще...

И вот, наконец,
Проклюнулся в пуще
Первый птенец.

1965

ПРО БЕРЕЗКУ

Я ее видал и не парадной,
Не царевной гордой на кругу,
А нескладной,
Даже неприглядной,
Утонувшей по уши в снегу.

Не кудрявой
И не золотистой,
Не расхожей — оторви да брось,
А совсем беспомощной,
Без листьев,
Голенькой
И вымокшей насквозь.

Видывал и в грозы и в бураны,
При ночных огнях
И на заре.
Знаю все рубцы ее и раны,
Все изъяны на ее коре.

И люблю любовью настоящей
Всю, как есть,
От макушки до пят.
О такой любви непреходящей
Громко на миру не говорят.

1965

ЗАЗИМОВАВШАЯ ЛАСТОЧКА

Из Георгия Леонидзе

В осень похолодавшую
Жалко невыразимо
Ласточку зазимовавшую,
Жизнь, пролетевшую мимо.

Где уж мечтать об Индии!
Не улетела птаха.
Даже тростник заиндевел —
Песнь замерла от страха.

Кончится жизни горение —
И нет тебя на примете,
Не одолжишь мгновения
Ни у кого на свете.

Время смывает начисто
Горе и радости буден.
Зазимовавшая ласточка
В небе парить не будет.

И никого не утешу я:
Станут землей и дымом
Ласточка неулетевшая,
Жизнь, пролетевшая мимо.

День творенья

1965 – 1968

СОПОСТАВЛЕНИЯ

ОТХОДНАЯ

О, как мне будет трудно умирать,
На полном вдохе оборвать дыханье!
Не уходить жалею —
Покидать,
Боюсь не встреч возможных —
Расставанья.

Несжатым клином жизнь лежит у ног.
Мне никогда земля не будет пухом:
Ничьей любви до срока не сберег
И на страданья отзывался глухо.

Не завершил ни одного пути.
Как незаметно наступила осень!
Летит листва.
Куда уж там летит —
Ее по свету шалый ветер носит.

Потери сердца людям не видны,
А радости стучатся в дверь все реже.
Ни от своей,
Ни от чужой вины
Не отрекаюсь,
Но долги все те же.

Сбылось ли что?
Куда себя девать
От желчи сожалений и упреков?
О, как мне будет трудно умирать!
И никаких
нельзя
извлечь уроков...

1966

ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ

Михаилу Дудину

Восемь цыплят вылупилось,
Одно яйцо не дозрело,
Так сказать, уцелело.
Но курица не горевала
И парить больше не стала,
Судьба одного цыпленка
Ее не занимала.
Ей восьмерых хватало.
Она их к порогу скликала,
Квохтала, будто подсчитывала,
И под себя подгребала.

Что же это девятое
Яйцо —
Ужель пустотело?
Я взял его в руки:
Белое,
Целое, как и было.
Концом перочинного шила
Расковырял скорлупку,
Расколупал,
Раскупорил,
И там оказалось... тело.
Там было живое тело.
Вот ведь какое дело!
Еще не цыпленок — тело
Цыплячье,
В крови, в ворсинках,
В остатках желтка,
В волосинках.
Круглое это тельце
Дышало и жить хотело.

Я стал —
Сначала несмело —
С жизни чуть теплой, хрупкой
Снимать скорлупу за скорлупкой,
Стал отделять от живинки
Мертвые скорлупинки,
Как плод живой от последа.
А будет ли победа?
Ох, как же мне было страшно!
Как молодой повитухе,
Девочке-акушерке,—
Секунды решали дело.

Но робость моя проходила.
Очистив от крови цыпленка,
Я положил его в тряпку,
Затем в мохнатую шапку,
А в шапке
На теплую печку.

И вот мой младенец ожил
В шапке, как в люльке, в зыбке.
Ожил,—
Спасибо, боже! —
Забился, закопошился,
Зацевкал
И опушился.
Голос его был звонок.
Это уже был цыпленок.
Ах ты, мой соколенок!
Орленок ты мой!
Миленок!
Родимый ты мой, роже́ный,
Я — крестный твой нареченный.

Потом пора настала,
И клушка его признала.
А я отошел в сторонку,
Счастливый до умиления,
До слез,
До вдохновения,
Как бог в первый день творения.
Я жизнь сохранил цыпленку,

Пусть хоть одну,
Хоть цыпленку,
Но — жизнь!
Без преувеличения.

1966

ПОЧЕМУ НЕ УДИВЛЯЕМСЯ

Почему-то без удивления
Смотрим на небо, на поля,
И — восторженно,
С умилением
Пересказываем сновидения,
Хоть и в снах
Все та же земля.

А деревья-то зеленые!
А в озерах
Вода в цвету!
А в воде, что стрелы каленые,
Листья длинные,
Заостренные,
Оголенные,
Опушенные...
И все тянутся в высоту.

В небе крылья птиц распростертые,
Тучи, радугами подпертые,
Камни скал в кореньях витых.
Видно, скалы тоже не мертвые,
Раз деревья растут на них.

Над рекою кручи размытые.
Я на срез отвесный гляжу,
Будто в недра земли открытые
По ступенькам цветным вхожу.

Налюбуюсь ли на нарядную,
Ненаглядную землю-мать,
Непарадную,
Неоглядную?..

Так всему в этом мире радуюсь,
Будто завтра его покидать.

И тоскливо мне одному —
Будто завтра конец всему.

1966

КУЛИК

В болоте целый день ухлопав,
Наткнулся я на кулика.
Он из гнезда, как из окопа,
Следил за мной издалека.

Как трудно быть ему героем:
Того гляди, возьму живьем,
А он один в гнезде своем,
Как в поле воин
Перед боем
С противотанковым ружьем.

Взлетать иль нет?
А вдруг замечу,
Со всем хозяйством загублю?
А не замечу —
Искалечу,
Ногой сослепу наступлю?

Зачем играть со смертью в прятки?
Я на него взглянул любя
И — мимо, мимо без оглядки...
Сиди, родимый,
Всё в порядке,
Я просто не видал тебя.

1966

О ПОГОЖИХ ДНЯХ И ХОРОШИХ ЛЮДЯХ

Когда мне трудно дышится
                    и кашель,
подобно минометному обстрелу,
гнетет к земле,—
последствия войны! —
когда врачи ничем помочь не в силах,
в груди и слякотно и непролазно,
как в бездорожье,—
я стараюсь вспомнить
о днях погожих,
светлых и сухих,
а их в году бывает больше все же,
конечно, больше,
чем промозглых дней.
И любопытно:
вдруг слабеет кашель,
продует бронхи свежий теплый ветер,
как будто две таблетки антастмана
я проглотил
иль подышал в бору,
на родине,
где мы живицу гнали...

Когда меня сгибают неудачи,
растерянность душой овладевает,
бессонница и страх,—
бывает все! —
я вспоминаю о хороших людях,
о тех, мне близких
и не очень близких,
а просто повстречавшихся в дороге,
о людях с чистой совестью бойцов,
которых больше все же на планете,—
конечно, больше! —

чем приспособленцев,
чем карьеристов и самоснабженцев,
бесстыжих болтунов и графоманов,—
и мне становится легко на сердце,
ну, не совсем, быть может,
но спокойней,
и хочется еще пожить на свете,
полюбоваться небом и землей.

1966

ВАДИМУ КАПЛИНУ, МЕДВЕЖАТНИКУ

Вот опять поставила
На своем
зима.
В шубах горностаевых
Ели
И дома.

Для меня по-прежнему
Дороги до слез
Эти дали снежные
И первач мороз.

Снег до переносицы,
До ушей,
До крыш.
Лишь поземка носится
По полю без лыж.

Может, вспомним молодость,
Дорогой Вадим,
Где-нибудь за городом
Зайца подсидим?

А быть может,
в добрый час —
Ах, еще бы раз! —
Старый бог потешит нас
И берлогу даст?

Пусть не очень важную,
Пусть совсем невидную,
Хоть малометражную,
Малогабаритную.

Встали б на медведя мы
Супротив чела,
Кто с ружьем,
Кто с ФЭДом бы —
Была не была.

Эх, кабы
да ка́бы!
Снова б наши бабы
Пряли шерсть,
Варили щи
Из медвежьей лапы.

Ну а мы,
мужчины,
Пили бы чин чином
И, хвалясь
И кочевряжась,
Гнули бы бухтины...

Сколько лет,
Сколько зим,
Дорогой Вадим!
Может, вспомним молодость,
Ружья зарядим?

1966

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

По опушке рощи,
Около воды —
Вязью по пороше
Свежие следы.

Разбираю почерки:
Вот чей-то скок,
Лисьи цепочки,
Птичий бисерок.

Кривули чьи-то —
Чьи? — не узнать —
Прошвой вшиты
В белую гладь.

Протянула мышка
Тесьму хвостом...
Вязанье,
Вышивка
Гладью
И крестом.

Косачи — крестиком,
Рябчики — тож;
Куропаток шествие —
Понимай как хошь.

Заячье плетенье —
Смех и грех:
След с оформленьем —
К ореху орех.

Чудо, что творится,
И все — на виду:

Не птицы — кружевницы,
Пяльцы и спицы,
Коклюшки в ходу.

Вот как разделано!
Дивлюсь пестроте...

Все на снежно-белом
На тканом холсте.

1966

УТРЕННИКИ

Картину в оконной раме
С утра подновил мороз,
Ледок под его ногами
Дробится на сотни звезд.

Позванивают березы,
Потрескивают углы.
Дымок над трубою розов,
Поля и луга белы.

А днем развезет дороги
И полнятся бочаги —
То сани нужны,
То дроги,
То лыжи,
То сапоги.

Но воздух в окольной чаще —
Хоть на куски кроши,
Заиндевевший,
Хрустящий...
И оживают все чаще
Охотничьи шалаши.

1965

ЗИМОЙ В РЕЧНОМ ПОРТУ

Вмерзли в лед самоходки,
Ждут далекой весны
Быстроходные лодки
И рыбачьи челны,
Ждут,
Как ждали молодки
Окончанья войны.

Не стрекочут моторы,
Не струятся дымки,
Будто вымерший город
Спит в излуке реки.

Обессилев,
Буксиры
Опустились на дно,
Их слегка покосило,
В рубках снегу полно.

Но ложится на трапы
К ночи прошва следа,—
То старик сиволапый
Проверяет суда.

Не чудак,
Не калека —
Просто с юности он
И в озера и в реки
По-мальчишьи влюблен.

И, без меры порою
Славя доблестный флот,
Всех зовет пехтурою,
Кто на суше живет.

Оглядевши угрюмо
Рубки, снасти, борта,
Он скрывается в трюме,
Как в утробе кита.

Там на пробке-подстилке
Про «Варяга» поет.
И пивные бутылки
Вылетают на лед.

1967

ГЛУХАЯ ЗИМА

Ночь долгая, как на полюсе,
Как на зимовке мы.
У хвойного ветра в голосе
Дыханье глухой зимы.

Почти нежилые, мертвые
Дома на краю земли,—
Похоже:
Во льдах затертые
Безмолвные корабли.

А я — под медвежьим пологом,
От шерсти спирает дух.
Ударил бы где-нибудь колокол
Или рубанул петух!

Все путано-перепутано,
Не спится,
А вижу сны.
Наверно, до зорьки утренней
Не ближе, чем до весны.

Над башенкой лопоухою
Дрожащие огоньки.
И буфера не бухают,
И не гудят гудки.

Совсем извела бессонница...
Лежу, напрягая слух:
Во всем городке ни звонницы
И хоть бы один петух.

1966

СКАЗАТЬ ИЛЬ ПРОМОЛЧАТЬ?..

Приехала сестра.
Не виделись пять лет.
— Поди, уже стара,
Узнаешь или нет?

Узнать почти нельзя,
Ее ли в том вина?
Гляжу во все глаза:
Она иль не она?

Лишь пять недолгих лет,—
Каких? —
Коротких пять,
А целой жизни нет.
Сказать или смолчать?

Какая ж так гроза
Смогла ее согнуть?
Гляжу во все глаза:
Сказать иль обмануть?

1966

ВЕСЕННИЕ ОЖИДАНИЯ

Заметно весны дыхание,
Уже в колеях до колен,
Все замерло
В ожидании
Неведомых перемен.

Под вечер березник в инее,
Вода превращается в лед,
А в полдень
Все синее-синее,
Сквозь крыши
И с крыш течет.

И солнце с луной встречается,
Как будто о чем совещается,
И скалы в воде по грудь...
Ах, если бы все, что чается,
Свершилось
Когда-нибудь!

С терпением,
Со смирением,
Устав от душевных смут,
Друзья мои
Потепления,
Как манны небесной, ждут.

Вдруг что-то взыграет, вспенится,
Как свет по земле пройдет...

А, собственно, что изменится,
Весна же не первый год?!

1967

ГРАЧИ

Орда грачей орет над крышей,
Черны березы от грачей.
Самих себя в избе не слышим,
Я целый март не сплю ночей.

В ограде радио, базар ли?
Осточертели сад и дом:
Как в лагере,
Как на вокзале,
Как в доме отдыха живем.

Смахнул бы на землю все гнезда,
Стрелял бы,
Только разреши,
Но спохватился слишком поздно,
Теперь поди их устраши.

Ожесточаюсь без успеха.
Переругалась вся семья.
Где ныне выдержка моя?
Уж не до шуток,
Не до смеха:
Не мне — грачи,
Я им помеха,
Грачи хозяева — не я.

А ведь давно ли выл от горя,
Когда какой-то книгочий
Березы вырубил под корень,
Чтоб сад покинули грачи.

1966

И ТАК ВСЮ ЖИЗНЬ

Мы выехали утром налегке
В леса, в луга
На Кубене-реке.

Чтоб время понапрасну не терять,
Свои желанья ограничив строго,
Я никаких пейзажей по дороге
На кинопленку не хотел снимать.

Но легкий газик скоро сел в пути:
Проселки наши тем и знамениты,
Что в сушь — разбиты,
А в дожди — размыты,
А в общем — ни проехать, ни пройти.

Свирепо взвыли два грузовика
И тоже сели рядом:
Точка! Пробка!
То ль озеро по курсу, то ль река,
А справа — топко,
Да и слева — топко.

Страдая с шоферами заодно,
Полезли пассажиры под колеса,
Гремели цепи,
Обрывались тросы,
Чего не встретишь ни в каком кино.

И мне бы только не терять минут,
Снимать, снимать — такие люди рядом!
Тут было все:
И мытарство, и труд,
И смех, и грех,—
Сценария не надо.

Но в тот момент
                дорожный эпизод
Во мне другие взбудоражил чувства.
Все важное, достойное искусства,
Казалось, где-то впереди нас ждет.

Жалея, что поездка сорвалась,
Я встал со всеми наравне в упряжку,
Сначала снял пиджак,
Потом рубашку,
Самозабвенно окунаясь в грязь.

Рывок — вперед,
Еще рывок — назад,
А ну, давай!..
Трудясь с ожесточеньем,
Совсем иным охвачен вдохновеньем,
Я позабыл про киноаппарат.
И пролежал он без употребленья,
Пока на землю не сошел закат.

И так всю жизнь.
Не устаем спешить
Куда-то вдаль,
В места большой охоты,
Чтоб где-то там
Какие-то красоты
Запечатлеть,
Воспеть,
Отобразить.

А под боком...
Да что тут говорить!

1959—1968

ЯСНЫЙ ДЕНЬ

В изморози, что в пене,
Голые ветви берез.
Роща как стадо оленей,
Сгрудившихся в мороз.

А день до того наряден,
Что и сказать не могу.
Тени от палисадин —
Лесенкой на снегу.

В солнечном одеянье —
Милые вы мои! —
Кажутся снегирями
Серенькие воробьи.

1964

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Я люблю, когда при встрече
Мы знакомым и родным:
«С добрым утром!»
«Добрый вечер!»
«Доброй ночи!» — говорим.

Если к чаю иль к обеду
В дом войдем —
Не любо, что ль,
Поклонясь, сказать соседям:
«Чай да сахар!»
«Хлеб да соль!»

Не от тяги к суесловью
И сложилось не вчера
Это братское, с любовью
Пожелание здоровья,
Пожелания добра.

Хорошо и путь-дорогу
По обычаю начать:
У родимого порога
Посидеть и помолчать.

Не спешу с моралью строгой,
Коль в дорогу кто-нибудь
По привычке скажет:
«С богом!»
«С богом!» — тоже «В добрый путь!»

От души желаю счастья
Всем товарищам своим,
Молодым — в любви согласья,
Долголетья — пожилым.

Рыболовам,
Звероловам —
Теплой ночи у костра,
И — богатого улова,
И — ни пуха ни пера.

Пусть людей во всех заботах
Ждут удачи и успех,
Чтоб работалось с охотой
И гулялось без помех.

Даже стае журавлиной,
Улетающей от нас,
По обычаям старинным
Мы кричим:
«В счастливый час!»

И живется вроде лучше,
И на сердце веселей,
Коль другим благополучья
Пожелаешь на земле.

1968

ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ СПИТ

Как славно,
Как дивно
В апрельском бору!
Костер над обрывом —
Присядем к костру!
Раздольно,
Разливно,
Заздравно,
Зазывно.
Мы как на пиру
У весны на юру.

Размывно,
Разымчиво,
Вот она — ширь! —
Не половинчато,
Не в полдуши.

Напевно и мощно,
Как чудо из чуд,
И денно
И нощно
Птицы поют.

Под вечер морозит,
Звездится ледок,
Ломается озимь
По краю дорог.
До самой опушки
Поля забеля,
Снежной мерлушкой
Обшилась земля.

А ночи,
А ночи
Средь елей и пихт!
Хоть нет их короче
Для тех, кто не спит.
Для тех, кто сидит
У мокрых ракит,
За удочкой
                    чуть различимой
Следит.

Не то — косачей
Ожидает на ток,
На взгорок
Меж елок,
На бугорок.

Ах, сколько ночей
И я спать не мог!

Весенние ночи,
Рассвет словно дым,
Их нету короче
Для тех,
Кто любим.

1966—1967

НОВЫЙ БЕРЕГ

Никаких таких Америк,
Знаю, не открою.
Юг-река меняет берег
Под моей Горою.

Клин песчаный намывает
Под обрыв сосновый,
Удлиняет,
Уплотняет...
Где-то старый берег тает,
Нарастает новый.

Верю, примутся деревья
На косе посадом.
Встанет целая деревня
С моим домом рядом.

Даже город будет, верю.
Пусть не очень скоро...

Намывает новый берег
Под моим Угором.

1966

ЭКО ДЕЛО!

Дерево пожелтело.
С этого началось:
Что-то в нем задубело,
Сдвинулось,
Надорвалось.

Может — слоев смещенье,
Скрытое до поры,
Как при землетрясенье —
Складок земной коры?

И потекла живица
Лавой
К ногам ствола,
Чтоб янтарем сгуститься;
Может, начало зла

Было в безмерном росте:
К небу вознесено,
Стронцием-90
Дерево облучено?

Или жучки-короеды
Взяли его в полон?..
Сверху валились беды,
Снизу,
Со всех сторон.

Кто-то инициалы
Вырезал на стволе,
Сук в снегопад сломало...
Мало ль какие шквалы
Гнули его к земле!

Желтые в хвое пятна —
Желтая сыпь в бору.
Поналетели дятлы,
Выстукали кору.

Выдюжит ствол могучий,—
Жалко его рубить!
Может, на первый случай
Следует полечить?

Может, лишь отдыхает,
Не умирает оно,
Просто наряд меняет,
Стужей обожжено?

Просто чуть приболело.
Справится —
Не бревно!
Но уже все решено:
— Дерево?
Эко дело!
Лесу вокруг полно.

1966

ПРИШВИНСКИЙ МОСТИК

И мостик этот, и ров с колодинкой,
И мхи, и ягодник он любил,
И речку,
Которую звали Родинкой,
Должно быть, по-своему боготворил.

Пока согласовывали
Да увязывали,
Чтоб Пришвинским мостик этот назвать,
Мы просто разным людям рассказывали,
Как он любил здесь сидеть, стоять.

Качнется ли в хвое белочка быстрая,
По берегу плисточка пробисерит —
Он весь замирает
И смотрит пристально,
Как будто сохач рога свои выставил
Иль в небе чуть видный орел парит.

Конечно, вопрос завяз неувязанным.
А годы идут,
Перильца гниют...
Но все-таки люди
самые разные
Пришвинским мостик этот зовут.

1961,
Малеевка

СОПОСТАВЛЕНИЯ

Это все-таки удивительно,
И это надо видеть самому!

Подсолнухи поутру,
Как армия на смотру,
Поворачиваются —
Все, решительно! —
К солнцу,
К маршалу своему,
И глазами его едят,
Разодетые на парад,
И почтительно
За ним следят.

Это один квадрат.

А вот другой полевой квадрат.
Тоже в рост
К солдату солдат.
Как защитные плащ-палатки,
Листья с плеч свисают до пят.
В каждой складке
Шинельные скатки —
Туго скрученные початки,
Кукурузы зеленый отряд.

Это пехота-царица,
Границы ее необъятны.
А кругом
Клевера, пшеница —
Другие цветные квадраты,
Иные цветные пятна.

Эх, полюшко,
Поле боя!..
Теперь-то оно другое.
Но мне не уйти от сравнений,
Добытых ценой войны
В землянках, в ходах сообщений,—
Они нам навек даны.

За желтою кромкой жита,
Где есть и ячмень и овес,—
Зеленая полезащита,
Линии лесополос.
В тени этих редких рощ
Приметы далекой схватки:
Окопы, как швы на палатке,
Да партизанские скрадки,
Да блиндажей остатки
Еще и сейчас найдешь.

А между дорог незнакомых,
То вытянуты,
То круглы,
Скирды прошлогодней соломы —
Это уже тылы.

И водный рубеж — река
Без переправы пока.
Ах, полюшко, поле боя,
Над головой облака...

Какая-нибудь неделя —
И сдвинутся с мест войска.

1967

О ФОРМЕ И СОДЕРЖАНИИ

Я с детства привык к василькам,
К полдневному их сиянию,
К их форме
И содержанию,
К соцветиям
И стебелькам.

Я их собирал в овсах,
Как звезды,
Как луны синие.
Не раз любовался ими я
У девушек на волосах.

Легки,
Мотылькам сродни,
Как часто в стихотворении
Друзьям заменяли они
Лирическое вдохновение.

Мне памятны и венки
С их влажным благоуханием,
Когда начиналось гадание
На берегу реки...

Я с детства любил васильки.

Но вот
Довели до сознания,
Что это же
Сорняки.

С тех пор я вхожу в овес
Без прежнего к ним обожания...

Так разрешился вопрос
В пользу содержания.

1967

СВЕЖЕЙ ВЫПЕЧКИ

С пылу,
С жару,
С поду,
С ходу —
Свежей выпечки
Хлеб народу.

Будто свадебные,
Пудовые
Пироги подовые,
Пышки и плюшки,
Батоны и сдобы,
Бублики и сушки —
Разламывай,
Пробуй!

Из муки мелкомолотой,
Чисто просеянной
Шаньги желтые,
Будто листья осенние.
Спасибо сердечное,
Поклон особый
Тебе, моя сельщина,
Вам, хлеборобы!

Из вашей муки
Калачи продаются
И в домах пирожки
Жарятся
И пекутся —

С грибками,
С морковью,
С капустой —
Чудо!

А главное — с любовью,
А главное —
Повсюду.

Ешьте на здоровье,
Добрые люди!

1965

КРАСНЫЕ ЛИНИИ

Кто не видал,
Как в глубине дворов
Вдоль улиц старых и нередко грязных
Вдруг вырастает новый ряд домов,
На первый взгляд
Громоздких, несуразных.

Цветастыми панелями слепя,
Вначале чужеродные как будто,
Среди строений с дровяным уютом
Они — что элеваторы в степях,
Что Гулливеры в гуще лилипутов.

С крылечками резными флигельки
В районах Кадашей или Таганки
В соседстве с ними —
Сущие времянки,
Всей их каминной славе вопреки.

Но вот их разбирают, как леса,
И узнается
Скрытое вначале,
Что по проекту новой магистрали
Те — во дворах — чудные корпуса
Давно на Красной линии стояли.

Теперь,
За великаном великан,
Из тесноты сараев и заборов
Они выходят на передний план,
Преображая милый старый город.

Во двор выходит и мое окно.
Еще не ясны для меня границы
Проспекта нового,
Но я давно
Живу на Красной линии столицы.

1965

ЛЕНИНГРАД, 1942 ГОД

(Из фронтовых тетрадей)

Вхожу в родную квартиру
По лестнице ледяной.
В прихожей, где шубы висели,
Теперь сарай дровяной,
А в дровяном сарае —
Поленницей... не дрова...
Но я не могу об этом
Укладывать в рифму слова.

В гостиной, где раньше пахло
Теплом, табаком, едой,
Где Клара училась гладить,
Опрыскав платки водой,
И вышивала на шелке
Нелепые лопухи,
Где вечерами, знаю,
Читались мои стихи,—

Лежат только щепки от стула
(А были буфет и комод),
И лезет из горла графина
Прозрачною свечкой лед;
Ненужный электрочайник,
Совсем промерзшая печь,
Семейные фотографии,
Которые жалко жечь;

И словно дракон в полете —
Чешуйчатые бока,—
Кривая труба времянки
У самого потолка,
Еще — железная койка
В углу, где совсем темно,—
Была бы она деревянной,
Сожгли б и ее давно.

На этой железной койке,
Свернувшись, лежит отец.
Он маленьким стал, как подросток,—
Жилец или не жилец?
Недвижный, худой и черный,
У черной сырой стены,
Как мумия, в одеялах,—
Усы да глаза видны.
Глядит он недоуменно,
Он спрашивает без слов:
Откуда взялась сосулька
На маятнике часов?

В ногах его только Ольга —
Сестра милосердия, дочь,
Одна она в целом доме,
И чем она может помочь?
Где Клара, где Гриша, где Аня?
Война разнесла семью —
Мое неокрепшее счастье,
Быть может, судьбу мою.

Стою у отцовской кровати.
А что я сделать могу?
Сказать ли ему, что город
Мы не сдадим врагу?
Он сам это знает не хуже,
Он сам из последних сил
Все делал, что было нужно,
Покуда ходил и жил.
Сказать — чтобы он мужался,
Что близок победы час,
Что мы его не оставим?
Он сам не оставил нас.

Или пожелать здоровья?
Как можно о том сказать?..
Мои запоздалые слезы
Не смогут отца поднять...

Стою у холодной кровати.
Такая вокруг тишина,
Что даже разрывов не слышно...
Не кончилась ли война?

1942

СОЛОВЕЙ

Черт его дери — соловья!
Всю весну горю, как на огне.
Но писать о нем не вправе я
Ни в стихах, ни в прозе:
Стыдно мне.

Стыдно тыщи лет воспевать
Птичьи трели
Да небесный свод...
А ему-то, соловью, плевать:
Знай себе работает —
Поет.

1966

НОЧНАЯ УХА

ЗАКЛИНАНИЕ

Воскресни!
Воскресни!
Забейся, сердце, в груди!
Пусть — чудо:
Не песней —
Сама, во плоти, приди!

Хоть утром,
Хоть ночью,—
Я в доме один живу,—
Явись, когда хочешь,
Но только бы наяву.

Хоть в саване белом,
Хоть в платье —
Теперь не зима,—
Не открещусь оробело
И не сойду с ума.

Хоть с шумом и громом,
Иль тихо войди,
С крыльца,
Но только б — знакомой:
Не надо менять лица.

Воскресни!
Возникни!
Сломалась моя судьба.
Померкли,
Поникли
Все радости без тебя.

Пред всем преклонюсь,
Чем раньше не дорожил.
Воскресни!
Я каюсь,
Что робко любил и жил.

1966

РЕЧКА ВЕРТУШИНКА

Над тобой не одна осинка
Одурманенно склонена.
Колдовством твоим, Вертушинка,
Вся душа до краев полна.

Завертела,
Обворожила,
Закружила меня чуть свет.
Что ж ты делаешь, вражья сила?
И зимой избавленья нет.

Не в разливе ж,
Не в половодье,
Не невеста — в соку, в цвету,—
Будоражишь не по погоде,
Опьяняешь — невмоготу!

С увлеченьем,
С ожесточеньем,
Изворачиваясь и дразня,
Обнажаешь мои коренья,
Словно хочешь свалить меня.

Не весеннее наше дело:
Сколь ни тешься,
Ни молодись —
Я не тот,
И ты обмелела,
Так застынь же,
угомонись!

1961

О ЧУЖОЙ ДУШЕ

Я не хотел причинить вам зло,
И — невдомек,
Что мог.
Доброе чувство меня влекло
В комнату вашу,
В ваше тепло,
На голубой огонек.

В ранний час,
В полуночный час
С глазу на глаз не раз —
Я ничего не хотел от вас,
Я отдыхал у вас.

Как вы подумать только могли,
Что от семьи бегу?
Ваш переулок —
Не край земли,
Я — не игла в стогу...

В мире то оттепель, то мороз —
Трудно тянуть свой воз.
Дружбы искал я,
Не знал, что нес
Столько напрасных слез.

Я от тревог искал уголок,
Душу свою храня,
А о чужой — невдогад,
Невдомек...

Пусть же отныне ваш огонек
Потухнет для меня.

1960

ВМТ

На маховике коленчатого вала
выбита мета из трех букв:
«В.М.Т.».
Об этой мете знают
механики и мотористы,
водители всех машин.

Когда поршень доходит
до Верхней Мертвой Точки,
его движение как бы на миг замирает,
взрыв сжатой горючей смеси
толкает его обратно,
а к ВМТ
стремится другой поршень,
под новый взрыв,
как под удар гильотины.

У каждого поршня
есть своя
Верхняя Мертвая Точка.
Есть она и у солнца в полдень,
у моря во время прилива,
у спутника в его апогее,
у птицы — в полете — ее потолок.

В судьбе каждого человека
встречается
Верхняя Мертвая Точка.
Выше ее—
ничего
ни по ту, ни по эту сторону жизни,
разве что антимир.
И человек
всю жизнь стремится

к своей ВМТ,
как река
            к морю,
как дерево
              к солнцу,
как жизнь
             к смерти.

Может быть, ВМТ —
это и есть счастье?

А спортсмены называют Мертвой точкой
миг своей наивысшей слабости,
за которой следует
новый взрыв энергии,
прилив новых сил.

Я — человек.
Чтобы жить,
я хочу одолеть свою слабость,
свою ВМТ,
уйти от равновесия,
даже если в нем мое счастье.

1964

* * *

Мы с тобой теперь не подсудны,
Дело наше прекращено,
Перекрещено,
Прощено.
Никому из-за нас не трудно,
Да и нам уже все равно.

Поздним вечером,
Утром ранним
След запутать не хлопочу,
Не затаиваю дыханье —
Прихожу к тебе на свиданье
В сумрак листьев,
Когда хочу.

1965

БОГ

Однажды я был богом.
Это очень тревожно и трудно:
кружится голова от высоты,
а недоверие не покидает душу —
настоящий ли я бог?

Женщина тоже в вечной тревоге:
«Вознесла,
а теперь, гляди, бросит!..»
И оскорбляющие подозрения
не дают ей спокойно спать.

— Неужели не видишь,
что ты мой бог? —
то и дело допрашивает она меня.—
Прикажи — пойду с тобой на костер!
Пожелай — кинусь вброд через море!
Ты бог, понимаешь? Бог!

— Хорошо, я проверю! —
отвечаю я.
Но я не хочу на костер
и море вброд перейти не сумею.
Как же мне убедиться
в моем всемогуществе?
И что я за бог,
если сам ни во что не верю?!

— Прикажи что-нибудь! —
настаивает женщина.
— Хорошо, сходи за папиросами!

Купи для меня бутылку вина!..
(Мне ни того, ни другого не нужно,
но больше я ничего не могу придумать.)

Нет, я не завидую земным богам!

1965

НАВСЕГДА

Сегодня я не знал, куда деть свою душу,
и, как бывало прежде,
меня потянуло к тебе,
в твой дом,
к тишине и доброжелательности.

Грохнул лифт на седьмом небе,
будто шахтерская клеть.
Седьмое небо —
это твоя лестничная площадка.

Раньше, ночью ли, днем ли,
ты угадывала, что я уже рядом,
и, не ожидая звонка,
счастливая,
распахивала дверь настежь.
Сегодня никто не открыл мне дверь,
и я стал звонить.

В квартире залаяла собака.
Я назвал ее по имени: «Чапа!»
Она завизжала от радости.
А я стал стучать.
Но и на стук мне никто не ответил,—
наверно, было слишком поздно.
(Раньше никогда не было поздно!)

— Чапа, открой! —
закричал я.
Но собака не может открыть двери.
Вот когда я понял,
что это уже не твоя квартира,
и опять,

и еще раз почувствовал,
что тебя нет больше.
Нет!

До чего же мне трудно было сегодня
спускаться с твоего этажа.
Все вниз и вниз.
В первый раз —
вниз.
Навсегда.

1965

* * *

> Но в мире новом друг друга
> они не узнали.
>
> *М. Лермонтов*

А мы друг друга и там узнаем,
Боюсь лишь, что ей
Без живого огня
Шалаш мой уже не покажется раем,
И, глянув пристально сквозь меня,
По давней привычке еще послушна,
Добра и доверчива,
Там она
Уже не будет так влюблена,
Так терпеливо великодушна.

1966

НОЧНАЯ УХА

Садись, коли пришла!
Ты думала, я струшу,—
Мол, как бы не взяла
Мою с собою душу?

Стоит, как видишь, дом.
Смеялась:
На́ день строю!..
Один я ныне в нем:
Леса, леса кругом —
Куда мне е ней, с душою?

Что раньше, что теперь
Тебя ли мне бояться?
Уж это так, поверь!
Захочешь повидаться —
Не закрываю дверь.

Вахтером в час ночной
У вас там
Петр иль Павел?
Сегодня — выходной:
Апостол в проходной,
Наверно, ключ оставил?

Давай уху варить.
Поужинаем плотно,
Я выпил бы охотно,
Чего греха таить...
Уж очень беззаботно
С тобой мне было жить.

Повесим котелок,
Мягка в реке водица.
Где ерш да окунек,
Там к месту и плотица.

Ольховый уголек
Для запаха положишь.
Есть перец и лучок...
Потом бы я прилег.
А разве ты не можешь?

Мне сроду не понять,
Что ты уже бесплотна.
Ах, если б раньше знать,
Что жизнь так мимолетна!

Я губ твоих и глаз
Не стал бы сторониться.
Почаще бы ушица
Готовилась у нас.

1966

ВОТ ТЕПЕРЬ-ТО МНЕ И ЛЮБИТЬ

Ты теперь от меня никуда,
И никто над душой не властен,
До того устойчиво счастье,
Что любая беда — не беда.

Никаких перемен не жду,
Что бы впредь со мной ни случилось:
Будет все, как в первом году,
Как в последнем было году,—
Время наше остановилось.

И размолвкам уже не быть:
Ныне встречи наши спокойны,
Только липы шумят да клены...
Вот теперь-то мне и любить!

1965

ДУША

Странно:
Дышим — идет парок.
Говорят: душа показалась.
Как я этому верить мог —
Неужели ж только парок?
Не такой душа представлялась.

Улетучилась,
Не уберег —
Ничего в груди не осталось.

Пустота,
Хоть шаром покати,
Только ребра торчат, как стропила.
Отчего ж не легче в груди?
Что в ней все-таки раньше было?..

1966

ЛУННАЯ НОЧЬ

Еле вылезла луна
Из-за облаков —
И земля опять видна
Вся, и сверху и с боков,
Словно вдруг из тьмы веков
К свету выбилась она
Из вселенских тайников.

Припадаю лбом к стеклу.
Улица освещена.
А внутри изба черна —
Что за печкой,
Что в углу.
Лишь сияют три окна
На некрашеном полу:
Как в колодцах глубина,
Холод чувствует спина.

Повернусь спиной к стене —
Все равно темно в избе,
Непроглядней, чем в окне.
Мне в родимой стороне,
У себя
Не по себе.
Еще больше при луне
Мне в избе
Не по себе.

1967

НЕ НАДО КАЯТЬСЯ

К чему раскаянье?
Все было правильно.
Хоть все —
Нечаянно,
Все не по правилам.

Ни в чем не виню
Ни тебя, ни себя.
Себя
И тебя
Предавал огню.

То беззаботны мы
До вдохновения,
То — тягомотина,
То — завихрения.

Мутит бессонница,
Когда случается
Навзрыд поссориться,
Чтоб тотчас каяться.

То в берег врежемся,
То в небо ринемся,
Денек понежимся
И с год не видимся.

Разноголосица
И несусветица —
Все ныне по сердцу
И светом светится.

Не отрекаюсь я —
Уж лучше маяться.
Будь все по-старому,
Как жизнь поставила.

Ведь если б согласье
Во всем,
Всегда —
Не знать бы нам счастья,
Опять беда.

1967

ТАМ НЕБО ВЫШЕ

Снег тает быстро
В лесу и в поле.
Он звал нас в Истру,—
Поедем, что ли?

С ним так недолго
Мы вместе были,
Ни слова толком,
Лишь водку пили.

А с этой дрянью
Ни вдохновенья,
Ни пониманья —
Одно мученье.

Уж мы проселки
Пешком прошли бы,
А там —
До Волги,
До свежей рыбы.

Там небо выше,
Длиннее сутки.
Над самой крышей
Летают утки.

Там птичьи свисты
Тревогу лечат...
Поедем в Истру
Весне навстречу!

1963

ДУМАЛОСЬ ДА КАЗАЛОСЬ...

Думалось, все навечно,
Как воздух, вода, свет:
Веры ее беспечной,
Силы ее сердечной
Хватит на сотню лет.

Вот прикажу —
И явится,
Ночь или день — не в счет,
Из-под земли явится,
С горем любым справится,
Море переплывет.

Надо —
Пройдет по пояс
В звездном сухом снегу,
Через тайгу
На полюс,
В льды,
Через «не могу».

Будет дежурить,
Коль надо,
Месяц в ногах без сна,
Только бы — рядом,
Рядом,
Радуясь, что нужна.

Думалось
Да казалось...
Как ты меня подвела!
Вдруг навсегда ушла —
С властью не посчиталась,
Что мне сама дала.

С горем не в силах справиться,
В голос реву,
Зову.
Нет, ничего не поправится:
Из-под земли не явится,
Разве что не наяву.

Так и живу.
Живу?

1967

* * *

Может, и надо мною
Та же беда разразится.
Что ж, не стою за ценою,
Не собираюсь рядиться.

Не попрошу об участье,
Пожил в свою охоту,
Был ко всему причастен
И расплачусь за счастье
По самому крупному счету.

1965

* * *

Так любить, как она любила,
Больше никто полюбить не в силах.
Так забыть, как она забыла,
Может забыть лишь одна могила.

Будем переписываться:
Ты — с того света,
Я — покуда выселиться
Не пришлось —
                    с этого.

20 февраля 1968 г.

ПЕРЕХОДНЫЕ ВОПРОСЫ

ЧЕГО ЕЩЕ СЕРДЦЕ ПРОСИТ?

Я видел большую воду —
Апрельский разлив и спад,
И как журавли в непогоду
Домой под обстрел летят.

Свободна
И судоходна,
Как Млечный Путь, широка,
Река, будто пену, к сходням
Накатывает облака.

Луга заметает илом,
Бьет бревнами кручам в грудь...
Позднее ей не под силу
И жерновок провернуть.

Я видел, как из-под снега,
Размытого добела,
Неведомого побега
Проклевывалась игла.

Подснежников появленье,
Березовых почек рост
Я сравнивал по значенью
С рожденьем новейших звезд.

Жестоких желаний жженье,
Любовь и остуду знал,
И ненависть и примиренье,
Смирялся и бунтовал.

Все видел:
Весну, и осень,
И зиму — во льдах, в снегу...
Все в памяти берегу.
Чего еще сердце просит?
Чему удивиться смогу?

1966

ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ

Хочется исповедаться,
Выговориться до дна.
Может, к друзьям наведаться
С бутылкой вина?

Вот, дескать, все, чем жил я,
Несу на ваш суд,
Не отвернитесь, милые,
Весь я тут.

Смута сердешная
Невмоготу одному.
Не оттолкните грешного,
Сам себя не пойму.

Будто на медкомиссии,
Гол — не стыжусь,
Только ладошка листиком,
И не боюсь, что высмеют,
Ни лешего не боюсь.

Хватит уже бояться мне,
Душа нага.
Только бы не нарваться ей
С исповедью на врага.

Выговориться дочиста —
Что на костер шагнуть.
Лишь бы из одиночества
Выбиться как-нибудь.

Может, еще и выстою
И не сгорю в огне,

И, как на той комиссии,
— Годен! —
Запишут мне.

1965

ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

Мечтал один остаться.
И остался.
Живу один.
Чего желать теперь?
Справляй победу,
Не считай потерь...
Но где же все,
чего я добивался?
Опять никто ко мне не постучался,
За целый день никто не постучался!
Никто!
Никак!
Хотя б не в душу —
В дверь...

1967

ВАШИ УСПЕХИ

Вы знаете, что у нас за плечами!
А что у вас за плечами?
Вы пальцы сосали,
Вас в люльках качали,
Когда фашисты в дома к нам стучали
Железными сапогами.

В те годы рифмы своеобычные,
Не в меру лиричное слово
Воспринималось
                как неприличие,
А местоимение личное —
Как посягательство на основы.

Теперь вы — глашатаи,
Вы новаторы,
Вниманием девочек умащенные,
А мы — эпигоны,
Мы консерваторы,
У нас и рифмы традиционные.

Ну что ж, приму ассонансы и лесенку,
Только бы знать, что это не суетность,
Что вы не спасуете,
Не перелицуетесь
И против своих рядовых ровесников,
Чего б ни стряслось,
Не проголосуете.

История делает то, что следует,
И мы ни ей, ни вам не помеха.
Но не считайте своей победою,
Только своею,
Ваши успехи.

31 марта 1964 г.

РОГАТЫЙ ПЕГАС

А я не тружусь?
Чуть брезжит рассвет —
Как дояр, сажусь
На свой табурет.

Как дояр —
Терпенья
Хоть отбавляй:
Ведро в колени
И — ну давай!

За словом слово
В строфу сую.
И впрямь корову
Сижу дою.

Беру в кулаки
Тугие соски,
Четыре струи —
Четыре строки.

То с пеной, со звоном
Идут слова.
То приглушенно,
Едва, едва.

Большой надой —
Молоко с водой,
Строка жидка,
Говорят:
От быка!

А чуть запустил,
Нечасто дою,

Кричат:
Присушил
Строку и струю.

Корова,
            рога
До земли клоня,
Как на врага
Глядит на меня.

Вот-вот в бедро
Шибанет ногой,
Свернет ведро,
Разольет надой.

Косится,
Бычится
Рогатый Пегас.
У бедной сочится
Тоска из глаз.

1968

МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ

В голоде,
В холоде,
В городе
Вологде
Жили мы весело —
Были мы молоды.

Я со своей богоданной
Ровесницей
Под деревянной
Под жактовской лестницей.

В крошке сторожке,
В сарае ли — помните?
Нам-то казалось:
В отдельной комнате.

Были мы молоды,
Не запасливы:
В голоде, в холоде —
Все-таки счастливы.

Крови давление,
Сердца биение
Были нормальными
На удивление.

Как чудесами,
Кичились крылечками,
Да туесами,
Да русскими печками.

Окна в узорах,
Кровли с подкрылками,
Охлупни в небе
С коньками,
С кобылками.

Не горевали,
Что рядом, на площади,
С сеном, с дровами
Тонули лошади.

Мы колеи бутили
Поленьями,
Мы тротуары мостили
Каменьями.

И терпеливы были
И сметливы,
Неприхотливы,
Неприведливы.

Как нам любилось!
Как улыбалось!
Самое-самое
Близким казалось.

Не на «победах»
И «Волгах» — где уж там! —
На велосипедах
Катали девушек.

И у Матрешек
Вместо сережек —
Серпы и молоты,
А вместо брошек —
Значки наколоты:
Ценилось не золото,—
Мы были молоды!

Что нам мохнатые
Бобры и пыжики?
Гордились ребята
Буденовкой рыженькой.

Не было крова
Под флагом
Сутяге.
Честное слово
Равнялось присяге.

В голоде,
В холоде
Жили мы в Вологде.
Но были молоды,
Вот как молоды!

Ах, до чего же
Глупы и молоды!

1967

* * *

Я обречен на подвиг,
И некого винить,
Что свой удел
свободно
Не в силах изменить,

Что этот трудный жребий
Приняв как благодать,
Я о дешевом хлебе
Не вправе помышлять.

Щадить себя не вправе,
И бестолковый спор
О доблестях, о славе
Не завожу с тех пор.

Что ждет меня, не знаю,
Живу не как хочу
И ношу поднимаю
Себе не по плечу.

У бедного провидца
Так мал в душе просвет,
Что даже погордиться
Собой охоты нет.

А други смотрят просто,
Какое дело им,
Крещусь я троеперстно
Или крестом иным.

Как рыцарь старомодный,
Я в их глазах смешон.
Да нужен ли мой подвиг?
Ко времени ли он?

Земли не чуя сдуру,
Восторженно визжа,
Ползу на амбразуру,
Клинок в зубах держа.

1966

К СОБСТВЕННОМУ ЮБИЛЕЮ

Встревоженные врачи
Неловко отводят взгляд:
Попробуй теперь лечи,
Когда уже пятьдесят.

Не двадцать,
Не тридцать лет,
А круглым счетом
Полста,
И меньше не стало бед,
Не кончилась маета.

Ах, милые доктора,
Меня не спасет обман,
Такие ли мастера
Латали тришкин кафтан!

Снежок задувает с крыш,
Душа дрожит у огня.
Уже не омолодишь,
Не растолкаешь меня.

Болезнь далеко зашла,
Микстурками не излечить,
Границы добра и зла
Нельзя уже различить.

И сил не вернуть сполна.
Терзайся,
Тоскуй,
Жалей,
Разгадывай — чья вина...
Не лучше ли взять вина
Да отколоть юбилей?

1963

МОЛИТВА МАТЕРИ

В комнате матери нет иконы,
Она не бьет никому челом,
Ни ранним утром,
Ни перед сном
Не отвешивает поклоны.
Но светлую эту молитву
Мы видим в ее глазах,
Она звучит в ее голосе
Денно и нощно.

Заступница, дай мне большую душу,
Сердце доброе,
Око недремлющее,
Голос мягкий, отходчивый, ласковый,
Руки крепкие, незлобивые,—
Очень трудно матерью быть!

Не власти прошу,
Не за деньги стою.
Вдохни, сердобольная, в грудь мою
Столько любви и силы,
Чтоб до могилы
На всю семью —
На мужа, на сына, на дочерь мою,—
На каждый характер хватило,
На все их сомнения
И смятения,
На спотыкания и причуды,
На завихрения
И увлечения,
На заблуждения
И остуды.

Только любовь раскрывает сердца,
Лишь перед ней отступает горе.
Мне нужно очень много любви.
Ты — мать,
Ты меня понимаешь...

1967

МИЛОЕ МОЕ ГОРЕ

Вытянулась семья —
Дочери и сыновья.
Верилось:
С ними
Стану сильнее я.
Стал не сильнее я —
Еще ранимей,
Еще уязвимей.

Думалось:
Что ни год,
Мне будет легче,
Доля моих забот
Ляжет на их плечи.

Но годы идут, идут —
Покоя не знаю:
То в техникум,
То в институт
Сам поступаю.

Опять зачеты сдаю,
Дрожу понемножку.
Перелицовываю свою
Ношеную одежку.

Историю с дней Петра
Зубрю снова:
История —
Стара,
Пособия —
Новы.

Не труд — глагол проспрягать.
Трудней и серьезней
Заново перемогать
Опасный возраст.

Я как в огне, на войне.
А чем озабочен?
Дочь влюблена,
А мне
Не спать ночи.

Что за дружки у сынка?
Не было б худа.
Письма пришли,— откуда?
Сразу три дневника —
Только ль причуда?

Странно, что в век машин,
Атомных бомбовозов
Для них не решен ни один
Из роковых вопросов.

Юноша, стиснув рот,
Заново определяет:
Ради чего живет?
Из-за кого страдает?

Что такое любовь?
Где обитает совесть?
И всё —
Не в глаз, так в бровь,
В самую душу то есть.

Дочери и сыновья —
Милое мое горе,
Вечная мука моя!
Какое уж там подспорье...

За редкий часок без забот —
Страшнее всех суеверий,
Страшнее, чем эшафот,
Вечно в душе живет,—
Вечно!
Из года в год! —
Страх потери.

Вдруг да опять война —
Что будет с ними?
Теперь у меня она
Все отнимет.

1965—1967

РАЗЛЮБИЛА ЖЕНА

Разлюбила жена...
Я давно подозревал,
что она уже разлюбила,
и все же принял это
как вероломство —
так было.
Этого мне еще не хватало:
жена разлюбила!

Но все-таки что же это такое:
невезение
или доброе предзнаменование?
Свобода или новая кабала?
Войны объявление
или ее окончание?

Живу, ничего не понимая.
Горевать мне
или торжествовать?
Ревновать
или благодарить бога?
Ни себя, ни ее не могу понять.

Жизнь остановилась.
Комната моя захламлена,
как после отступления оккупантов.
Ружье не чищено с прошлогодней охоты.
Лыжи стоят в углу —
не тянет ни в лес, ни в поле.
На столе горой неразобранная почта.
Стеллажи с книгами забиты пылью,
как заброшенная пахота сорняками.
Кто знает, завтракал ли я сегодня?
Который день забываю побриться.

Не работается,
не спится,
не дышится,
не пишется!

Вразуми, господи, что же это такое:
набор высоты
или стремительное пикирование
к земле,
в землю?
А может быть, это и есть
состояние невесомости?..

Когда-то я был спокоен за свои тылы,—
шел,
наступал,
отражал атаки!
Разлюбила жена.
Теперь и тылы мои не обеспечены.
Предательство мерещится всюду
и не дает покоя ни днем, ни ночью.

Я беззащитен,
как открытый город.
Даже самолюбие не подымает головы.
Тихо и пусто вокруг,
как до сотворения мира.

1967

ТВОИ ПИСЬМА

И на слух я пробовал,
И на вкус и цвет:
Ничего в них доброго,
В твоих письмах, нет.

Залпом выпить надо бы,
Я же
По глотку
Пью, смирив тоску,
Как дурное снадобье,
За строкой строку.

Стежки прихотливые,
Хитрая канва:
Окрики ревнивые,
Льстивые слова.

Я же —
В одиночестве,
И не счесть обид:
Не живу, как хочется,—
Как нужда велит.

Высланный, не высланный,
Но — в лесу с весны.
Не такие письма мне
От тебя нужны.

1966

ПТИЧЬЯ ТЕМА

Оперились мои птенцы,
Поднимаются на крыло,
Понесло их во все концы.
На жену смотреть тяжело.

С кем
И где ей век доживать?
Сердобольная — всем нужна,
А приходится выбирать:
Для меня-то она — жена,
А для них —
И нянька и мать.

Как ни кинь,
А отцу все клин.
Такова, знать, судьба отцов,
Я опять остаюсь один,
Без жены,
Без своих птенцов...
Что ж такое, в конце концов!

Неужели же все опять
Надо сызнова начинать,
Вить гнездо,
Сколачивать дом
И свистеть,
Свистеть соловьем?..

1967

ДЖИН

Увели собаку со двора,
Словно женщину переманили.
Чем пленили?
Что ей посулили?
Ничего не скажет конура.

Доброта собаку подвела:
Вырастала в сытости и в холе,
Ничего не знала о неволе,
От людей не ожидала зла.

Лаяла...
Но разве это лай?
Преданность, любовь, мольба о ласке:
Хочешь — запрягай ее в салазки,
Хочешь — в космос к звездам засылай.

Я не вешал планку на столбе:
«Осторожно, во дворе собака!»
Сын мой, как на похоронах, плакал
О своей и о ее судьбе.

Увели ее исподтишка,
Верно, за ушами почесали,
Поиграли,
На веревку взяли,
Как телка на пожне, сосунка.

Если б лес вокруг, степная гладь —
Я бы думал, что ее в околки
Ночью играми сманили волки,—
Тоже знают, чем собаку взять.

Джин мой, Джин!
Уж лучше бы меня
Умыкнули от семьи подале,
Обо мне бы меньше тосковали,
Так не убивалась бы родня...

Дни и ночи мы как на посту:
Вдруг примчится,
Завизжит, залает...
Неужель в людскую доброту
И собака веру потеряет?!

1967

ВМЕСТО ОТВЕТА

Не затем я молчу,
Чтоб скрываться,—
В нашей жизни хочу
Разобраться.

В нашей трудной судьбе,
В нашем горе...
А живу в той избе,
В той,
Знакомой тебе,
На Угоре.

Одинок, словно бог,
Словно демон,
Среди хвойных дорог —
Тихо,
Немо.

Как пустынник в лесу,
Схимник,
Странник,
Ем грибы,
Пью росу,
Лечу раны.

На людей не ропщу
И у неба
Ничего не прошу.
Правду мне бы!

О себе,
О тебе
Правду-матку:
Кто ты все же в судьбе
Моей краткой?

Ни судить, ни винить
Нету силы.
Разве можно забыть
Все, что было?
Не забыть,
Не избыть
До могилы!

Отзовусь, как решу,
Пойму что-то.
А пока...
Не пишу.
Боль работой глушу
Да охотой.

В речке раков ловлю
И сорожек...
А тебя все люблю,
К сожаленью, люблю,
Люблю все же!..

Но теперь уж молю:
— Избавь, боже!

1966

СВОЕ ДОБРО

Кончились радости осени. Дождь.
Небо слезится,
Тучи как дым.
Ты меня в город, домой зовешь,
Ждешь, как отходника.
С возом каким?

Груз мой — корзины да пестери,
Не из-за моря —
Свое добро.
Хочешь, бочонок груздей бери,
Туес брусники,
Клюквы ведро.

Как говорят, чем богат, тем и рад,
Что уродилось,
То и везу.
Разбогатеть не смог, виноват,
Не за границами жил — в лесу.

Чем занимался?
Да просто жил,
Сил набирался,
Жил и дышал.
Рад, что ничьих не вытягивал жил,
Людям на горло не наступал.

Не говорю, что горе прошло,—
Свыкся.
У всякого свой удел.
Все-таки что-то произошло:
Тучи, как дым, и дождь,
А светло.
Осенью даже лес посветлел.

1967

В КОНЦЕ ПУТИ

Пашни, поженьки, перелески,
Как в кино скоростном, летят.
В окнах мечутся занавески,
Будто выброситься хотят.

Для последнего перегона
Вместо дымного паровика
Встал в упряжку к мокрым вагонам
Черт с рогами,
В броне бока.

Отшатнулся состав в испуге,
Напружинился, задрожав.
К проводам подлетели дуги,
Словно вожжи в руки зажав.

И — пошел!
Мимо людных станций,
Без стоянок,
Скорей, скорей!
Визг железа,
Да стук дверей,
Да мелькают протуберанцы
Электрических фонарей.

И чем ближе конец дороги,
Дом, семья,—
Тем сильней, больней,
Тем неистовей гром тревоги
На путях
И в груди моей.

А потом,
Будто с крыши голубь,
Крылья складывая на лету,
Я с вокзала валюсь, как в прорубь,
В суматоху и суету.

1966

* * *

Я опять хочу притулиться
У немилой своей родни,
Все равно жене не отбиться
От бесчисленной ребятни.

Оправдаться смогу едва ли,
Но не тянет на свой порог:
Ребятишки жену отняли,
Многодетный — я одинок.

Не судите, сынки и дочки,
Заночую на стороне,—
Может, выстирают сорочку,
Может, брюки погладят мне...

1962

РАЗВОД

Их рассудил товарищеский суд.
Для сослуживцев было все понятно:
Не получилось,
Вместе не живут,
И ничего не воротить обратно...

Потом уже в районном нарсуде
Пытали их любовно и пристрастно,
Пытались примирить,
Но все напрасно.
А зубоскальства не было нигде
И волокиты никакой:
Все ясно.

А после беготни и суетни,
Когда настало время оглянуться,
Вдруг, ужаснувшись, поняли они,
Что сами-то —
И, может, лишь одни —
В случившемся вовек не разберутся.

1966

СО СТОРОНЫ

Я на вас гляжу со стороны,
Подойти, заговорить не смею.
Лес. Палатки.
Плеск речной волны...
Добрый смех ваш,
Милые затеи
Всех волнуют чем-то,
Всем нужны.

Будто речка, что свалила вдруг
Опостылевшую ей запруду,
Расшумелись вы среди подруг,
Удивляясь,
Радуясь, как чуду,
Что вокруг вас небо, роща, луг...

Вдохновеньем вашим оживлен,
День воскресный
С песнями, с весельем
Чем-то стал похож на новоселье,—
Вам за это ото всех поклон.
Как, должно быть, с вами жить легко!
Мир устойчив
И благоустроен...

Но в сторонке
Под колючей хвоей
Муж ваш тянет целый день пивко.
Кем расстроен?
Чем обеспокоен?
Подошли б, узнали, что такое,
Расспросили б...
Это ж так легко.

1962

СКОРЫЕ ПОЕЗДА

Отходят скорые поезда...
А мы ни разу не расставались,
Не разъезжались,
Не провожались,
Ни разу письмами не обменялись
Да и не виделись никогда:
Еще мы просто не повстречались.

А ведь, наверно, ты где-то есть?
И не чужая —
Моя...
Но какая?
Красивая?
Добрая?
Может, злая?
Живешь, наверно, меня ожидая,
А повстречаемся ль мы, бог весть!
Я ничего о тебе не знаю.

Вот снова один.
Моросят года.
Уж сердце мое дает перебои.
А вдруг мы не встретимся никогда —
Беда или счастье в том для обоих?..

Отходят скорые поезда,
Сверхзвуковые взмывают...
Куда?
Не разминуться бы нам с тобою.

1966

* * *

Опять больница!
Все горше невзгоды,
Все чаще не спится
Из-за непогоды.

Жене все тревожней,
И очень возможно,
Ей хвори мои
Надоели безбожно.

Печалится, плачет,
А может, и злится,
Что жизнь иначе
Могла бы сложиться —

Удачливей, легче,
Богаче,—
Иначе.
Теперь, что ни вечер,
Носи передачи.

И дети в обиде —
Сидят у кровати:
Что можно увидеть
В больничной палате?

Мои потрясенья,
Сомненья,
Мученья
У них вызывают
Одни огорченья.

Еще — снисхожденье
И отчужденье...
Для них я давно
Объект наблюденья.

1964

НОВОГОДНЯЯ ПОЧТА

О простой переписке
Не тревожусь сегодня.
От далеких и близких
Почты жду новогодней.

Дело не в поздравленьях,
И картинки не новы,
Дорожу завереньем,
Что, мол, живы-здоровы;

Что в трудах и заботах
Дни текут, как и прежде,
И, согласно расчетам,
Крепнуть нашей надежде;

Мол, желаем того же
Вам
И вашему роду...
Многих писем дороже
Эти —
К Новому году.

Есть они —
И легко мне,
Нет их —
Я неспокоен:
Почему друг не вспомнил?
Может, горе какое?

Может, что-то случилось?
Чье-то сердце разбито?
Отзовись, сделай милость,
Позвони,
Аэлита!

Велики ли расходы!
Только авиамарка,
А для Нового года
Нет дороже подарка!

Нет бесценней подарка —
Почтальон у калитки.
Как заздравные чарки —
В доме к сроку открытки.

Пусть же хлынут лавиной
Телеграммы и письма,
Как шипучие вина
И как добрые мысли.

Пусть овеют порошей
Наши с вами застолья.
Новый год,
Будь хорошим,
Люди этого стоят!

1966

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Это как приближенье
Ветра, воды, песка.
Вдруг возникает движенье,
Неясное пока,
Словно круговращенье
Медленное
В облаках.
Дикой пчелы роенье?
Шелест березняка?
Может, прорвав загражденье,
Хлынула с гор река —
Стонут от напряженья
Взмыленные бока?
Может, громов рожденье,
Скал прибрежных крушенье,
Слышное издалека?
Ждешь,
Как землетрясенья,
Гула,
Рывка,
Толчка.
Лес пригибает ветви,
Дрогнул небесный свод,
Стекла звенят...
А это
Просекою
Сквозь ветер
Поезд ночной идет.

1967

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

...Дописать или оборвать —
Горе горькое догоревать?
Сам с собой не всегда в ладу.
По своей
Иль чужой вине
Так живу, как сквозь строй иду,
Что ни день —
Горю на огне.

Книга жизни...
Только ль слова?
Сколько лет я сижу над ней!
Пожелтели страницы в ней,
Как трава в сентябре,
Как листва,
Поседела моя голова.
Но вдвойне дается трудней
Заключительная глава.

1967

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

* * *

Когда все силы на исходе
И стылость осени в крови,
Еще сильнее год от года
Потребность в жертвенной любви.

Чтоб кто-то ждал тебя весь вечер,
Осатаневшего от дел,
Клал руки ласково на плечи,
Отогревал, кормил, жалел.

И хоть уж ясно, что не можешь
Свершить, о чем всю жизнь мечтал,
Тебе с годами все дороже
Слова признанья и похвал.

5 июня 1962 г.

* * *

Осенью засыпает вода:
Холодна становится и темна,
Много ли из-подо льда
Видит и слышит она?

А ослепнет человек,
Долго ли помнит во мгле
Под ледяною корочкой век
Краски на небе и на земле?

Душа тоже слепнет.
И что ж?
Мутной, как водоем,
Все ей порою вынь да положь
Память о светлом, о былом,
О назначенье своем.

27 октября 1964 г.

* * *

Что ж ты спишь, ветер,
Куда глядишь?
Хуже всего на свете
Такая тишь.

Сосны, обессилев
От снежных груд,
Руки опустили,
Спины гнут.

Снег вроде дыма —
Пока летит,
Почти невесом,
А невыносимо
Придавит он.

Обломает ветви у ствола,
Обломает крылья,
Будет роща гола —
Одни будылья.

Обломает ветви,
Того гляди,
Покалечит лес.
Что ж ты медлишь, ветер,
Гряди, гряди!
Нагрянь с небес!

7 февраля 1968 г.

СВЕРЧОК

Как мне справиться со сверчком?
Он на кухне ютится где-то...
Заливаю углы кипятком,
В стену бью молотком,
К батарее ложусь ничком,
Освещаю прожекторным светом —
Не могу разглядеть, найти.

Не втащить ли его в стихи,
Может, сам тогда задохнется?

Март 1968 г.

ВИЛЬНЮС

По суткам в городе чужом
Мы бродим, как в безлюдном доме,
Пока ни близких, ни знакомых
В нем для себя не обретем.

Все не родное, не свое,
Как в том волшебном спящем царстве.
Кому кивнешь при встрече: «Здравствуй»,
Кого расспросишь про житье?

А появляются друзья —
И даже камни оживают
И нам легенды поверяют,
Они у каждого своя.

Душой стремясь во все вникать,
С друзьями ходим не сутулясь
И начинаем замечать
Названья площадей и улиц.

До слез волнует старина,
Веков прославленных руины.
И с древней башни Гедимина
Нам башня Спасская видна.

А если вдруг в счастливый час
В какой-нибудь светлице древней
Проснется спящая царевна
И подарит улыбкой нас,—

Тогда все в городе чужом
Становится навек бессмертным.
Мы именем ее пресветлым
Все, что полюбим, назовем.

21 апреля 1968 г.

* * *

Две матери
На двух концах земли,
Два каменных тревожных изваянья,
Изображающие скорбь, и муку,
И гнев людской, непреходящий гнев.

На Пискаревском кладбище — одна,
Средь опаленных кленов Ленинграда,
Другая — в Пи́рчюписе,
На литовских,
На выжженных фашистами полях.

Они живыми были, на щеках
Играл румянец, и в глазах светилось
Желание добра и счастья людям,
Но горе превратило в камень их.

Стоят под небом, будто две скалы,
Возникшие из пламени и крови,
Глаза их неусыпные суровы,
Опущенные плечи тяжелы.

Две матери...
А сколько их еще,
Окаменевших от людского горя,
На юге и на севере России,
На Балтике, на Волге, на Днепре.

И разность языков им не помеха —
Они друг другу руки подают.

19 апреля 1968 г.

* * *

Подуло ветром с севера,
И мне легко дышать,
И слякотное сеево
Не в силах помешать.

По берегу, как дюны
На той морской косе,
Раскинулись Жирмуны
Во всей своей красе.
. . . .

1968

* * *

Так же будут юноши писать
И стихи и прозу,
Так же будут ветры задувать
И трещать морозы.

Все, что пело, будет впредь
Так же петь,
Достигая роста...
Просто можно зареветь —
До того все просто.

Так чего же мне желать
Вкупе со всеми?
Надо просто умирать,
Раз пришло время.

28 апреля 1968 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

(1941—1946)

БЕССОННИЦА

(1955—1958)

СОВЕСТЬ

(1959—1961)

БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ

(1962—1967)

ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ

(1965—1968)

Сопоставления

Ночная уха

Переходные вопросы

Из записных книжек

Александр Яковлевич Яшин

СТИХОТВОРЕНИЯ

Том 1

Редактор
З. Батурина

Художественный редактор
Ю. Боярский

Технический редактор
С. Журбицкая

Корректор
Л. Фильцер

Сдано в набор 14/VI 1972 г. Подписано в печать 12/X 1972 г. А12204
Бум. типогр. № 2. 84×108¹/₃₂. 16 печ. л. 26,88 усл. печ. л. 16,12+1 вкл.= =16,16 уч.-изд. л. Тираж 25 000 экз.
Цена 1 р. 77 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект имени В. И. Ленина, 109.